

crime story
№8

Дарья
ДОНЦОВА

Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ

Елена
МИХАЛКОВА

Юлия
ШИЛОВА

а также:

Наталья Борохова

Анна Данцлова

Дарья Калинина

Екатерина Красавина

Лариса Соболева

Наталья Солнцева

Annotation

Сборник детективных рассказов «Crime Story №8» – это сбывшаяся мечта. В нем собраны самые захватывающие криминальные истории от именитых писателей – Дарьи Донцовой, Анны и Сергея Литвиновых, Елены Михалковой – и не менее известных авторов любимого вами жанра! Вас ждут тонкости расследования, интеллектуальные загадки, любовь и приключения! Дочитав до последней страницы, вы убедитесь, что жизнь полна сюрпризов, и все они – для вас!

Содержание сборника:

Наталья Борохова «Адвокатская тайна»
Анна Данилова «Искушение»
Дарья Донцова «Белка с часами»
Дарья Калинина «Подруга бывает кусачей»
Екатерина Красавина «Ожерелье с острова Тиу-Тиу»
Анна и Сергей Литвиновы «Жертва рекламы»
Елена Михалкова «Мужская логика 8-го марта»
Лариса Соболева «В постели с убийцей»
Наталья Солнцева «Кольцо с коралловой эмалью»
Юлия Шилова «По ту сторону рая»

-
- [Наталья Борохова, Анна Данилова, Дарья Донцова, Дарья Калинина, Екатерина Красавина, Анна и Сергей Литвиновы, Елена Михалкова, Лариса Соболева, Наталья Солнцева, Юлия Шилова](#)
 - [Наталья Борохова](#)
 - [Екатерина Гринева](#)
 - [Анна Данилова](#)
 - [Дарья Донцова](#)
 - [Дарья Калинина](#)
 - [Анна и Сергей Литвиновы](#)
 - [Елена Михалкова](#)
 - [Лариса Соболева](#)
 - [Наталья Солнцева](#)
-

**Наталья Борохова, Анна Данилова, Дарья Донцова, Дарья
Калинина, Екатерина Красавина, Анна и Сергей Литвиновы,
Елена Михалкова, Лариса Соболева, Наталья Солнцева,
Юлия Шилова
Crime story № 8**

Наталья Борохова

Адвокатская тайна

Есть какое-то необъяснимо радостное ощущение праздника, когда в воздухе разливается едва различимый аромат весны. И не беда, что вокруг еще сугробы, но уже появились первые подснежники. Весна идет! В воздухе разлито пьянящее ожидание перемен. Ветер уже не обжигает щеки ледяным прикосновением, а вместо этого доносит до тебя запахи подтаявшего снега, влажной земли в редких еще проталинах.

Елизавета вдохнула воздух полной грудью и поморщилась. Занятая мыслями о весне, она как-то упустила из виду, что находится не за городом, а в дышащем выхлопными газами мегаполисе. Нежная музыка мартовской капли безнадежно тонула в какофонии звуков ближайшей автомагистрали. Однако гудки машин, нетерпеливые и резкие зимой, теперь казались веселыми и задиристыми.

– Постой, красавица! – раздался вдруг чей-то пронзительный голос с характерными интонациями. – Дай-ка я тебе погадаю.

Дубровская обернулась. В метре от нее, придерживая рукой алую юбку с зеленой оборкой по краю, стояла цыганка. С ума сойти, настоящая цыганка с целой копной блестящих черных кудрей и в зеленой косынке. Впрочем, удивление Елизаветы было вполне объяснимо, поскольку девушка сейчас находилась не на вокзале и не на рынке, а всего в двух шагах от Дворца правосудия. Обычно здесь легко можно было встретить спешащих юристов. Их выдавали дорогие кожаные портфели или папки под мышкой, сосредоточенный взгляд и отсутствие даже тени улыбки на лице. Свидетели, вызванные в суд по повесткам, робко ступали за чугунную ограду и еще долго топтались у крыльца, а потом, смирившись с неизбежным, исчезали за тяжелой дверью. Встречались тут, конечно, и цыганки. Но вели они себя совсем иначе, чем в тех местах, где у них принято собираться: одевались и красились чуть менее ярко, чем всегда, говорили негромко, хотя держались, как обычно, стайками. Когда близкий человек находится за решеткой, тут уже не до гаданий и ворожбы. Поэтому Лиза немало удивилась, увидев рядом с собой пеструю, как экзотическая птица, представительницу бродячего племени.

Цыганка тем временем, пользуясь минутным замешательством Дубровской, уже схватила ее за руку.

– Дай-ка, милая, посмотрю, что тебе на роду написано.

Звякнули золотые браслеты. Дубровская почувствовала терпкий аромат каких-то восточных пряностей. Странно, цыганки пользуются духами? Все это Елизавета отметила про себя почти машинально и предприняла попытку освободиться от цепких пальцев с массивными перстнями. Не то чтобы ее не волновала собственная судьба, скорее всего, сыграло роль внушение, сделанное ей взрослыми еще тогда, когда она была маленькой девочкой. Правило первое: никогда не разговаривай с незнакомыми людьми на улице. Правило второе: держись подальше от всяких подозрительных типов. Цыганка, бесспорно, относилась к тем самым подозрительным личностям, о которых ей говорили мама и нянюшка. Поэтому, решительно освободив руку, Дубровская поспешила по дорожке к знакомой чугунной ограде. Цыганка шла за ней следом, не отставая ни на шаг.

– Ах какая молодая да быстрая! – качала она головой. – По всему видно, в суд опаздываешь.

Цыганка как в воду глядела, поскольку Лиза направлялась именно во Дворец правосудия.

– И кем же ты, касатка, там работаешь? Хочешь, угадаю?

Дубровская, ступив за ограду, почувствовала себя в безопасности. Мимо то и дело проходили люди, а у парадного крыльца с внушительным козырьком и изящной статуей Фемиды на фронтоне толпились судебные приставы. Лиза вздохнула и даже замедлила шаг. Интересно все же, что скажет ей гадалка?

– По всему видно, судьей ты еще не стала, – монотонно твердила гадалка. – Молодая еще, да и неопытная. На прокурора ты тоже не тянешь. Цепкости во взгляде нет, да и не колючая ты. Вон, душа-то какая, чистая, словно лилия. Адвокат ты, и без документов видно, что адвокат.

Цыганка угадала ее профессию, хотя Лиза не была уверена, стоит ли воспринимать слова гадалки как комплимент. Где вы видели адвокатов с чистыми, как лилия, душами? И вообще, нужен ли кому-нибудь такой адвокат? Защитник должен быть напористым и цепким, а когда необходимо, можно и колючки в ход пустить. Насчет неопытности – тоже чистая правда. Два года адвокатского стажа – даже признаваться неловко.

– А защищаешь кого? – спросила гадалка, заглянув ей в лицо.

– Так кого же? – не удержалась от встречного вопроса Лиза.

– Молодого да красивого, – усмехнулась та. – Только печаль его душу гложет. Ой, да тоска его съедает! «Еще бы! – хмыкнула про себя Лиза. – Какие еще чувства может испытывать человек, которому светит приличный срок лишения свободы?»

– Смотри, милая, не оплошай! – взывала к ней цыганка, потихоньку отставая. – Ведь невиновен он. Запомни, невиновен! Не брал он ничего. Руки и помыслы его чисты, как душа ребенка.

Дубровская остановилась как вкопанная, осознавая, что разговор ее начинает интересовать все больше.

– А кто виновен? – спросила она, уже не заботясь о том, что со стороны выглядит глупо.

– Я тебе не скажу. Да этого тебе и знать не надобно! – ответила цыганка. – Делай свое дело, и счастье тебе будет.

– Ой, а как мне его защищать-то? – спросила Дубровская, отчаянно хватаясь за возможность узнать что-то еще.

– У вас проблемы? – К Лизе спешил судебный пристав. – Этим цыганам волю дай, они и в суде шатры раскинут. Прямо Средневековье какое-то!

– Нет проблем, – отмахнулась Лиза. – Просто я хотела спросить... Эй! Да где же ты?

Она поискала взглядом цыганку. Но той уже и след простыл...

«Нет, я все-таки здравомыслящий человек, – уговаривала себя Елизавета, поднимаясь по мраморной лестнице Дворца правосудия. – Я – адвокат, в конце концов! Я изучала уголовное право и криминалистику. Я пять лет шла к получению диплома. Я сдала труднейший квалификационный экзамен, чтобы стать профессиональным защитником. И я поверила, кому? Цыганке, которая, должно быть, и читать-то не умеет!»

Правду говорят, что они умеют завораживать. Иначе как объяснить, что умная и проницательная Елизавета Дубровская (во всяком случае, она себя считала таковой!) попала на приманку, старую, как этот мир? Надо еще проверить, не пропало ли у нее чего.

Кстати, что там говорила цыганка? Ах да! Она угадала ее профессию. Но это несложно. Молодая женщина двадцати четырех лет, а на вид еще моложе. Кем она может быть? Ну, уж точно не судьей! Да и насчет ее подзащитного тоже все просто. Молодой красивый мужчина – банальность. Большинство подсудимых – мужчины, а молодые люди – это типичная возрастная группа, которая чаще всего совершает преступления. Что касается невиновности ее клиента, то это весьма спорное утверждение. Конечно, он тоже заявляет, что его руки чисты, как там... как душа ребенка? Но газеты пестрят броскими заголовками: «Кража года! Исчезли драгоценности на три миллиона долларов!!!», «Преступник обнаружен. Им оказался телохранитель ювелира!», «Легендарный „Тигровый глаз“ исчез навсегда?!»

Ох! Как все непросто. У нее нет ни малейших доказательств невиновности ее подзащитного. Хотя почему нет? Следуя логике, если бы у ее клиента были несметные сокровища, о которых кричат газеты, неужели он пожалел бы пару камушков для своего адвоката? Ведь гонорар Дубровской по этому делу можно было смело назвать символическим. Хотя, если бы тут платили большие деньги, скорее всего, на месте Лизы был бы сейчас совсем другой адвокат. Так что, может, цыганка была все-таки права?

Филипп Липман выглядел очень спокойным. Хотя кто знает, каких усилий стоила ему внешняя невозмутимость. Одетый в костюм превосходного качества и обувь, выполненную на заказ, он тем не менее не производил впечатления щеголя. Четко выверенное, как у аптекаря, чувство меры не изменяло ему никогда. Он был уже немолод, но от него веяло такой уверенностью и респектабельностью, что даже секретарь судебного заседания, молодая девушка двадцати неполных лет, печатая протокол, нет-нет да бросала на него заинтересованные взгляды. Впрочем, помимо внешней импозантности, у мужчины имелись и другие достоинства. Это был известный ювелир и очень состоятельный человек.

– Итак, потерпевший, не могли бы вы в общих чертах обрисовать нам, из чего состояла украденная у вас коллекция, – произнес судья, сверяясь с материалами уголовного дела.

– Охотно, ваша честь. – Липман едва заметно поклонился. – Моя коллекция представляла собой уникальное собрание украшений с драгоценными камнями: кольцо, броши, перстни, серьги. Вот, например, замечательное кольцо авторской работы под названием «Династия». Центральный камень – бриллиант желтого цвета весом в два с половиной карата. В так называемых «лапах» у него закреплено двести восемьдесят девять бриллиантов желтого цвета...

Секретарь горестно вздохнула, должно быть, мечтая хотя бы об одном крохотном бриллиантке из двухсот восьмидесяти девяти его собратьев. Но в ее простеньком колечке нашлось место лишь для маленького глазка бирюзы.

– Или вот прекрасный гарнитур с изумрудами под названием «Капля», – продолжал ювелир. – В кольцо

использован великолепный колумбийский изумруд огранки «овал» весом в одиннадцать и семь десятых карата изумительного глубокого зеленого цвета и без ярко выраженного «изумрудного сада», я имею в виду, совокупности природных включений...

Женщины, присутствующие в зале, внимали ювелиру с безграничным доверием и безусловным интересом.

– Но ценнейшим украшением в моей коллекции был бриллиант под названием «Тигровый глаз». Необработанным алмазом он весил почти семьдесят карат и был добыт в Якутии. После огранки он стал в половину легче – тридцать три карата. Его размер... м-м-м... как бы вам наглядно представить? – Ювелир поднял руку. – Размер с ноготь мужчины, его даже не ухватить пинцетом.

Публика начала изучать свои ногти, пытаясь представить бриллиант, а Липман тем временем продолжал:

– Это камень белого цвета с едва уловимым желтоватым оттенком, ограненный в форме «изумруд». При попадании на грани света он дает потрясающие блики. Слепит глаза. Его цена – один миллион двести тысяч.

– Долларов? – уточнил судья.

– Разумеется.

– О господи! – раздался голос из зала. – Это же цена новенького «Бугатти».

Судья стукнул молоточком.

– Тишина в зале.

– А позвольте вопрос, – поднялась вверх тоненькая рука.

– Пожалуйста, защитник.

Дубровская сглотнула:

– А почему такое странное название – «Тигровый глаз»? Ведь, как я понимаю, бриллиант чаще всего бывает прозрачным. Такое название больше подходит изумруду. Тот хотя бы зеленый.

– Хороший вопрос, – снисходительно улыбнулся ювелир. – Видите ли, девушка... Гм, я хотел сказать, адвокат. Как я уже пояснил, камень обладал сильным блеском и слегка желтоватым оттенком. Говорят, что так горят глаза у тигра, преследующего добычу. Не знаю, правда это или нет...

Дубровская на мгновение представила тигра, несущегося по сочной траве. Мощное гибкое тело, оскаленная пасть и глаза, сверкающие, как бриллианты. Что же, вполне возможно...

– Вы не сказали про часы, – напомнил судья. – Как я понимаю, это единственная вещь, возвращенная вам.

– Совершенно верно, – вздохнул Липман. – К сожалению, судьба моей коллекции так и осталась невыясненной. Да вот про часы... Брежет мастера Бреге. Круглая форма и посеребренный золотой циферблат. С обратной стороны выгравирована надпись «Филиппу от Розы с любовью».

– Роза – это...

– Роза – это моя покойная жена. Как понимаете, этот подарок дорог мне как память. Хвала небесам, что он опять вернулся ко мне.

– Ну а теперь вам придется вспомнить обстоятельства похищения вашей коллекции, – попросил судья.

Ювелир прикрыл глаза. Прошлое опять возвращалось к нему...

Казалось, та самая роковая суббота ничем не выделялась из череды обычных дней. Во всяком случае, ювелир мог сказать вполне определенно: знамения свыше не было. Даже внутренний голос не произнес ему вкрадчиво: «Готовься! Сегодня произойдет то, чего ты меньше всего ожидаешь».

Моросил отвратительный нудный дождь, и уже часов в шесть, когда сад за окном утонул в сумерках, Липман попросил горничную:

– Зашторь-ка окна, милая.

Сметливая девушка Маша знала, что за этим последует. Ювелир достанет из сейфа свою коллекцию и, усевшись за массивным столом в кабинете, начнет перебирать драгоценные экспонаты: рассматривать их через лупу, глядеть на просвет. И так он может провести не один час, как замороженный любясь бесценными созданиями природы и рук человеческих. Надо сказать, что это стало уже многолетней привычкой: раз в неделю, субботний вечер, проводить наедине со своими камнями. Правда, иногда он приглашал к себе в кабинет дочь Елену и, усадив ее в глубокое кресло, демонстрировал ей свои сокровища.

– Гляди-ка, милая. Вот это... – Он поднимал вверх массивный перстень с бриллиантами. – Это твоё свадебное путешествие. А вот этого гарнитура хватит на приличную квартиру с первоклассным ремонтом. Но, быть может, мы приобретем тебе шале в Швейцарии? Тогда к гарнитуру нужно добавить еще это и это. Как ты думаешь, дорогая?

Елена пожимала плечами. Она знала о навязчивой идее своего отца выдать ее замуж за состоятельного банкира Савицкого. То, что кандидат на роль супруга был лыс и чрезмерно упитан, не имело особого значения. Зато он был надежен, как сейф в его банке, и мог обеспечить Елене и их будущим отпрыскам роскошную жизнь.

– Хороший муж должен быть скучным, – вещал отец. – Это замечательное качество, дорогая. Ну, что толку в этих розовощеких юнцах, превращающих жизнь в карусель? Балаган хорош только на площади. Жить же в нем неудобно. Кроме того... – он обращал свой взор на бархатные коробочки, – кроме того, у господина Савицкого хватит ума не спустить твое наследство, а сохранить его и передать потомкам. Правда, вот это сокровище, – он бережно приподнимал футляр с «Тигровым глазом», – это я оставлю себе, дорогая. Уж не обессудь...

Его огорчало, что единственная дочь, наследница большого состояния, никак не хотела взяться за ум. Бесспорно, она была умна, но слишком уж современна, раскованна. И это ее увлечение – театр... Конечно, ювелир и сам любил посещать нашумевшие постановки, но одно дело сидеть в партере, как полагается приличному человеку, а совсем другое – кривляться на сцене. Не слишком почтенное занятие для девушки из хорошей семьи. Опять же вся эта богемная жизнь... Нет, определенно ни один благовоспитанный человек не захочет иметь жену-актрису...

В тот самый вечер Липман нотаций дочери не читал. Он сидел в своем кабинете, привычно наслаждаясь созерцанием своей коллекции. От приятных дум его отвлек стук в дверь.

– Папа, тебе звонят, – сообщила Елена.

– Пусть перезвонят через час, – отмахнулся он.

– Но там говорят, что дело срочное.

– Ох уж эти срочные дела! Что еще стряслось?

– Сказали, что хотят переговорить только с тобой. Какая-то женщина. Похоже, она сильно взволнована.

Липман вздохнул.

– Ты же знаешь, дорогая, что, кроме тебя и твоей матери, для меня в мире не существует женщин, – проговорил он, запахивая халат. – Ну ладно, так и быть, сделаю исключение для этой телефонной террористки.

На полпути ювелир остановился. Коробочки, еще не раскрытые, лежали на столе. Он посмотрел на полупустое нутро сейфа и подумал, не стоит ли убрать все. Но в конце концов махнул рукой. Они жили в загородном доме с собственной огороженной территорией и камерами слежения, так что, если рассуждать здраво, постороннему человеку взяться здесь было неоткуда. Но, будучи человеком осторожным, Филипп все-таки запер дверь в кабинет, а ключ положил в карман халата.

Отсутствовал он минут пять-семь. Как и предполагал, ничего неотложного в этом звонке не было. Сумасбродная дамочка, его давняя клиентка, пыталась выяснить, насколько велика вероятность приобретения подделки в ювелирном магазине. Липман говорил ей прописные истины о заключениях авторитетных специалистов по камням, но собеседница слушала его вполуха, задавая и задавая глупейшие вопросы и сводя его с ума. В общем, когда она наконец положила трубку, ювелир почти выбился из сил. Чертыхаясь, он направился в свой кабинет, а когда открыл дверь ключом, не поверил своим глазам. Стол был пуст. Бесценная коллекция исчезла...

– Вам известно, как в комнату проник вор? – вопрос прокурора вернул ювелира в действительность.

– Да, конечно. – Липман дернул плечами, словно стяхивая остатки воспоминаний. – Проникновение произошло через окно. Кабинет расположен на втором этаже. Преступник поднялся по приставной лестнице наверх, прошел по карнизу, аккуратно выставил стекло и оказался в комнате.

– Откуда взялась приставная лестница? Неужели преступник принес ее с собой?

Ювелир поморщился:

– Вы не поверите, обыкновенное стечение обстоятельств. Строители осматривали крышу и оставили лестницу во дворе. Кто бы мог подумать, что она сослужит нам дурную службу.

– Скажите, а мог преступник проникнуть в кабинет каким-нибудь другим способом? – поинтересовалась Елизавета.

– Как это? – удивился ювелир. – Объясните.

– Ну, не через окно, а находясь в доме.

– Но я, кажется, объяснил, что дверь была закрыта мной на ключ. А ключ я положил в карман халата.

– А был ли у кого-нибудь дубликат ключа?

– Разумеется, нет.

– А где хранился ключ?

– У меня в спальном комнате, в шкапулке. Но не думаете ли вы, что кто-то мог его взять для того, чтобы изготовить дубликат?

– А почему бы и нет?

Государственный обвинитель подскочил на месте.

– Протестую, ваша честь. Защитник уводит следствие в сторону. В материалах дела имеется протокол осмотра места происшествия, в котором указано, что стекло в одной из рам выставлено. А, кроме того, на окне обнаружены шерстяные нити черного цвета с одежды преступника. Это прямо указывает на то, что проникновение совершалось все-таки через окно.

– Но, ваша честь! – парировала Елизавета. – Ведь преступник мог направить следствие по ложному следу, инсценировав улики.

– Довольно, защитник. Задавайте вопросы, но ближе к делу, пожалуйста, – устало произнес судья.

– Хорошо. Потерпевший, скажите, а кто на момент совершения преступления находился в доме?

Липман выглядел озадаченным.

– Три человека, – медленно произнес он. – Я, моя дочь Елена и горничная Мария. Но сама мысль, что кто-то из нас мог...

– Последний вопрос. Были ли застрахованы драгоценности?

Липман опустил плечи и сразу стал ниже ростом.

– Я понимаю, куда вы клоните, – сказал он. – Нет, у меня нет страховки. Я только собирался это сделать...

Елена не обладала эффектной внешностью. Лицо девушки с едва заметными бровями и водянисто-голубыми глазами казалось таким бесцветным, что впечатление вряд ли могла исправить ее стройная фигурка. Трикотажное платье с длинными, почти до кончиков пальцев, рукавами обрисовывало тонкую талию и красивые бедра. «Бедняжка зря пренебрегает косметикой», – вынесла про себя вердикт Дубровская, но, по всей видимости, поторопилась. Свидетельница вовсе не собиралась играть роль серой мышки. В ее осанке, гордой посадке головы чувствовалось величие. На вопросы она отвечала так, словно все участники процесса были ей чем-то обязаны.

– Вам известен подсудимый? – спросила Дубровская.

Девушка выразительно пожала плечами:

– Разумеется, ведь он был телохранителем моего отца.

– Как вы можете его охарактеризовать?

– Об этом лучше спросите у папы. Мне до него не было никакого дела. В нашем доме полно прислуги. Неужели я обязана давать характеристику каждому?

– Нет, конечно. Но вы верите в то, что он мог совершить кражу?

Судья постучал молоточком.

– Вопрос снимается. Вам должно быть известно, что домыслы и догадки в качестве доказательств не рассматриваются. Вы же просите свидетеля сделать предположение.

Девушка насмешливо взглянула на Елизавету. Что, мол, получила?

– Я хочу сказать, что если этот тип спер драгоценности отца, пусть его накажут по полной программе, – словно выплюнула Елена. – Конечно, на смертной казни я не настаиваю.

«И на том спасибо», – едва не ответила Дубровская, да вовремя прикусила язык. Ее изрядно разозлила эта папенькина дочка. «Этот тип». Да что она себе позволяет! Богатство – это еще не повод для хамства. Хорошо бы сбить с нее эту барскую спесь!

– Извините, а вы не были заинтересованы в исчезновении драгоценностей? – невинно спросила Дубровская, с удовлетворением замечая, что блекло-голубые глаза свидетельницы приобретают форму и размер блюдца.

– Я не поняла, это шутка?

– Нет, просто я рассматриваю различные версии исчезновения ценностей, пытаюсь защитить своего клиента, – развела руками Елизавета. – Ведь он заявляет о своей невинности.

Елена уставилась на судью, должно быть, ожидая заветного стука молоточком. Но его не последовало.

– К сожалению, защита вправе избирать любую версию, – ответил на молчаливый вопрос председательствующий.

Свидетельница развернула плечи, и в ее глазах появился тот хищный блеск, о котором несколько минут назад говорил господин Липман. Разъяренная тигрица, да и только!

– Заинтересована, говорите? – начала она, чуть ли не шепотом, увеличивая диапазон по мере произнесения гневной тирады. – А в чем корысть, не подскажете? Ведь мой отец собирался передать

драгоценности мне! А теперь по вине этого негодяя я лишена всего того, на что вправе была рассчитывать.
Дубровская смирилась. Похоже, дочь и в самом деле была чиста. В смысле закона, разумеется...

– Я владею небольшим ювелирным магазином, – рассказывал маленький человечек с круглой, как футбольный мяч, головой. – В каком-то роде мы с господином Липманом являемся коллегами.

Он обеспокоенно поглядел в сторону известного ювелира, должно быть, пытаясь определить, не рассмешило ли «коллегу» столь нелепое сравнение. Ведь, если разобраться, между ними была целая пропасть. Но Филиппа на данный момент не волновали собственные амбиции. Он сидел, погруженный в свои мысли, не особо вслушиваясь в слова свидетеля.

– Так вот, когда ко мне в магазин пришел молодой человек с просьбой посмотреть одну вещицу, я, признаться, сначала не заподозрил ничего дурного, – бойко продолжил свидетель.

– Что за вещица?

– Часы Бреге с посеребренным циферблатом. Хорошая вещь, правда, с небольшим дефектом.

– Поясните, что вы имеете в виду.

– С обратной стороны корпуса имелась потертость. Как объяснил клиент, на этом месте раньше была дарственная надпись, но он ее стер, поскольку собирался часы продать.

– Вам показалось это подозрительным?

– Разумеется. Молодой человек не походил на владельца столь дорогой вещи. Он, правда, плел что-то про умершего родственника, но я не поверил. – Маленький ювелир презрительно посмотрел на подсудимого. – Кроме того, он пришел в темных солнечных очках и, по всей видимости, сильно торопился. Я попросил его подождать и удалился в свой кабинет, где у меня лежало послание господина Липмана.

– Что за послание? – оживился прокурор.

– Господин Липман информировал представителей ювелирного бизнеса об особенностях украденных у него вещей. Разумеется, шансов было немного, что преступник постарается сбыть драгоценности в этом же городе, но расчет делался на вора-дилетанта. И, как видите, это сработало. В списке украденных предметов числились часы Бреге, по всем характеристикам и внешним признакам совпадающие с теми, что принес в мой магазин незнакомец. Дарственная надпись «Филиппу от Розы с любовью» была стерта, но фрагмент заглавной буквы Ф все же сохранился.

– Что вы предприняли дальше?

Свидетель скромно опустил глаза:

– О, конечно, в информации господина Липмана была приписка о вознаграждении тому, кто сообщит о судьбе украденной коллекции. Но меня больше волновало не это. Я хотел оказать услугу своему почтенному коллеге, – маленький ювелир взглянул еще раз на Липмана для того, чтобы убедиться, слышит ли он его слова. – Нужно было во что бы то ни стало задержать преступника. Я сообщил ему, что готов купить у него брегет, только для этого мне нужно убедиться в его подлинности. Ничего особенного, просто оставить часики у меня на непродолжительное время, а потом вернуться и забрать деньги.

– Молодой человек согласился на ваши условия?

– О нет! Он категорически возражал, даже перешел на крик, пытаясь доказать, что с часами все в порядке. Тогда я предложил ему предъявить документы на изделие. Мужчина начал что-то выдумывать про то, что они пропали. Но было очевидно: никаких документов у него попросту нет. Я боялся, что он уйдет вместе с часами и тогда все ниточки детективной истории будут безвозвратно потеряны, и предложил расплатиться тут же. Мне требовалось время, для того чтобы собрать необходимую сумму. Мужчина занервничал, но все же уступил. Из своего кабинета по телефону я вызвал милицию. Но когда вернулся в торговый зал, мой странный посетитель заявил, что вынужден уйти и согласен сократить свои денежные требования вдвое. Я удивился, ведь это было ему явно невыгодно.

– Вы каким-то образом оформили сделку?

– Молодой человек отказывался от всех формальностей, но я все-таки настоял на том, чтобы он написал мне расписку в получении денег.

– Цель подобной расписки?

– Во-первых, я тянул время. Милиция должна была появиться с минуты на минуту. Во-вторых, преступник зафиксировал полученную от меня сумму. Ну а в-третьих, вы получили образец его почерка. Разве это было не разумно?

Маленький ювелир бросил на прокурора взгляд, исполненный достоинства: «Ну, не молодец ли я?» Обвинитель воздержался от комментариев и предпочел вопрос:

– Ну а как вы удостоверились в его личности?

– Да никак, – развел руками ювелир. – Паспорта у него на руках не было, а его данные, оставленные в

расписке, – Иванов Иван Иванович, очевидно, были ложными. Но разве у меня был выход? Ко всему прочему, этот тип наврал мне про сломанную руку и расписку написал левой рукой весьма корявым почерком.

– И так, милиция приехала...

– Милиция приехала, когда на руках у меня остались часы и расписка. Преступника и след простыл...

– У защитника есть вопросы?

– Да, ваша честь. – Елизавета повернулась к свидетелю. – Вы не находите, что подсудимый по данному делу отличается незаурядной внешностью?

Ювелир оторопел от неожиданного вопроса и в недоумении уставился на судью. Однако тот, по всей видимости, был удивлен ничуть не меньше свидетеля, поэтому позволил защитнику продолжить допрос.

– На самом деле у него невероятно мужественное лицо, широкие плечи и мощный торс. Вы согласны? – в голосе защитника слышалось искреннее восхищение. Похоже, ей нравился ее клиент.

– Боюсь, я не совсем понимаю, что вы от меня хотите, – пробормотал ювелир.

– Ну, назовите сами какие-нибудь яркие, отличительные признаки его внешности, – предложила Дубровская.

– Так нет таких, – проговорил маленький человечек, в котором в эту минуту разыграло его мужское эго. – Обыкновенная внешность, среднее телосложение, лицо... губы. Ничего примечательного!

– Ну, будьте же справедливы! – искренне огорчилась Елизавета.

Но ювелир вовсе не стремился быть объективным.

– Ничего особенного, по-моему. Встречу такого на улице, пройду мимо, даже не обратив внимания.

– Так-таки и пройдете?

– Абсолютно, так и поступлю, – фыркнул человечек.

– Ну, если вы так утверждаете, – разочарованно произнесла чокнутая адвокатесса и, внезапно изменив тон, спросила: – А на предварительном следствии вы участвовали в опознании подсудимого?

Ювелир замялся:

– Ну, да! Мне представили трех человек, в числе которых я и опознал своего посетителя.

– Легко узнали?

– Да уж, не особо задумывался.

– Глядите-ка, в протоколе записано следующее: «Опознаю человека, стоящего в центре, по характерным признакам его внешности: форме лица, глазам голубого цвета и телосложению». Правильно записано?

Маленький ювелир пожал плечами:

– Ну, если следователь записал, стало быть, правильно.

– А теперь ответьте на вопрос: как же вы сумели узнать человека ничем не примечательной внешности, обычной комплекции, да еще и по глазам, которых вы уж никак не могли увидеть. Вы не забыли случайно про темные солнечные очки?

Ювелир озадаченно тер макушку...

– Да, я проводил исследование почерка подсудимого, – докладывал суду пожилой мужчина с клиновидной бородкой. – На экспертизу была представлена расписка из ювелирного магазина, свободные и экспериментальные образцы почерка подсудимого.

– Свободные – это... – изобразил непонимание прокурор.

– А! Да это просто, – пояснил эксперт. – Я исследовал заявление о приеме на работу, написанное рукой подсудимого. Это, как вы уже поняли, свободный образец. Подсудимый писал, не думая, что его почерк будут исследовать. А экспериментальные образцы были выполнены им уже в ходе предварительного следствия.

– К каким же выводам вы пришли?

– Расписка из ювелирного магазина выполнена не в обычной для подсудимого манере. Есть основания полагать, что он осознанно старался изменить свой почерк.

– Директор магазина говорил, что он писал левой рукой.

– Да, так оно и было. Вот, смотрите: в ходе предварительного расследования мы получили экспериментальные образцы почерка подсудимого, выполненные левой рукой. Я изучил отдельные элементы букв, наклон письма, выработанность почерка...

Прокурор взглянул на подсудимого. Но тот к исследованию убийственной для него улики относился равнодушно.

– ...Элементы нескольких букв совпадают. Кроме того, в образцах и в расписке имеются орфографические ошибки в словах «шестьдесят» и «соответственно», отсутствуют знаки препинания, кроме, разумеется, точек. Это, согласитесь, о многом говорит...

– Вопросы защитника?

– Это ужасно! – сказала, поднимаясь со своего места, Дубровская. Она казалась расстроенной. – Так вы говорите о *стопроцентном совпадении* почерков на расписке и экспериментальных образцах?!

– Ну, про сто процентов я не говорил, – скромно заметил эксперт.

– Не говорили? – удивилась Лиза. – Ну, так на девяносто процентов можно положиться на вашу уверенность?

– Я думаю, число все-таки ниже, – заколебался графолог. – Видите ли, текст выполнен левой рукой, и есть объективные сложности...

– Семьдесят процентов?

– Я думаю, около того, – неохотно сообщил эксперт, упорно игнорируя суровый взгляд прокурора.

– Понятно, значит, имеется вероятность и, судя по числу, которое вы назвали, немаленькая, что расписка написана кем-то другим.

– Но я только хотел заметить...

– Ответьте, пожалуйста. Так есть такая вероятность?

– Да! – с отчаянием в голосе подтвердил графолог.

– Спасибо, – искренне поблагодарила его Лиза. – Хочу обратить также внимание суда на то, что в заключении эксперта отсутствуют многие знаки препинания: двоеточие, запятая. Это, мне кажется, тоже о чем-то говорит...

Горничная Маша оказалась хорошенькой брюнеткой лет двадцати пяти. Она отвечала на вопросы прокурора так же тщательно и методично, как, по всей видимости, натирала паркет в доме Липмана.

– Конечно, подсудимого я знаю. Он работал у хозяина три года. Был на хорошем счету.

– Ну а вы как можете его охарактеризовать? – спросил прокурор.

Маша скользнула глазами в сторону подсудимого.

– Лично я не удивлена, что он оказался вором.

– Протестую, ваша честь! – вскочила Дубровская. – Приговор еще не вынесен, и вопрос о виновности моего подзащитного не решен.

– Протест принимается, – согласился судья. – Свидетель, излагайте только факты. Выводы будет делать суд.

– Ну, ладно, – пожала плечами Маша. – Просто еще в самом начале моей работы у Липмана из моего кошелька пропала небольшая сумма денег. В тот день меня с подсудимым отправляли на рынок за продуктами. Моя сумка все время находилась под его присмотром в машине. Вечером я обнаружила пропажу, но шум поднимать не стала.

– Это был единственный случай?

– Да, если не считать того, что он тайком от хозяев уничтожал продовольственные припасы. Немного прихватывал и с собой.

– Это ложь! – подсудимый подал первую реплику в процессе. – Это гнусная клевета. Как тебе не стыдно, Маша?

Мария казалась невозмутимой.

– Ну а зачем мне обманывать? Я только жалею о том, что раньше не призналась Филиппу Яковлевичу. Просто не хотела быть доносчицей.

– Давайте вспомним тот день, когда произошла кража драгоценностей, – предложил прокурор. – Чем вы тогда занимались?

– По просьбе хозяина я задернула шторы в его кабинете, а потом направилась на кухню. Во всяком случае, я была уверена, что мои услуги ему не понадобятся как минимум час. Филипп Яковлевич не любил, когда ему мешали заниматься коллекцией. Поэтому я решила не терять времени даром и приготовить себе чай.

Заливая заварку кипятком, я стояла около окна. Представьте мое удивление, когда я увидела человека, пересекающего двор. Он определенно двигался от дома, потому что я видела только его спину. Зная, что в доме, кроме меня и хозяев, никого нет, я заволновалась. Открыв окно, я окликнула незнакомца. Он невольно оглянулся, и на какое-то мгновение я увидела его лицо. Честно говоря, я подумала, что у меня обман зрения. Дело в том, что в этот день у подсудимого был выходной и делать ему на участке хозяина было нечего. Но,

услышав окрик, мужчина убыстрил шаг и легко перескочил через чугунную изгородь. Вот тут уж сомнений не осталось, я сразу поняла, что все-таки мои глаза меня не обманули. Это мог быть только подсудимый.

– Вот тут подробнее, – попросил прокурор. – Что значит: не осталось никаких сомнений?

– Дело в том, что участок Липмана отделяет от подъездной дороги чугунная изгородь. Она довольно высокая, с острыми пиками. Перепрыгнуть ее возможно только человеку с отличными физическими данными. Помнится, еще летом на спор с дворником и садовником подсудимый шутя перемахнул изгородь. Мужчины попробовали последовать его примеру, но дворник распорол ногу, а садовник, перепугавшись, отказался от глупой затеи. После этого случая у подсудимого вошло в привычку походя перепрыгивать изгородь, вызывая изумление прохожих. Увидев в тот вечер, как мужчина легко перескочил через препятствие, я поняла, что это мог быть только он...

Дубровская спускалась по лестнице. Она чертовски устала за этот бесконечный судебный день и мечтала лишь о том, чтобы поскорее добраться до дома и принять расслабляющую ванну.

Несмотря на некоторые спорные моменты в этом деле, она чувствовала, что у ее подзащитного все меньше шансов остаться на оправдательный приговор. Горничная Маша сумела закрепить превосходство обвинения. Конечно, Дубровская задавала ей вопросы, пытаясь выяснить, насколько хорошо был освещен двор, не путает ли она подсудимого с кем-нибудь посторонним, таким же быстрым и спортивным, как их бывший телохранитель. Но девушка стояла на своем, как скала. Это он, и точка! Если разобратся, то мотива оговаривать подсудимого у нее не было никакого. Личная неприязнь? Но откуда ей взяться, если Маша и телохранитель по службе почти не пересекались, обязанности и расположение хозяина не делили. Честно говоря, подсудимый – красавчик. У молодых незамужних женщин он способен вызывать только симпатию, но никак не ненависть.

Хотя что-то было в словах Машеньки, во взглядах, которые она изредка бросала на скамью, где сидел телохранитель... Что-то такое,стораживающее. Дубровская не могла понять, откуда взялось это странное ощущение фальши, которое возникло у нее во время допроса. Хотя, может, она просто переутомилась...

На улице по-прежнему беззаботно тренькала капель, а на тротуаре перед Дворцом правосудия уже образовались первые лужи. Елизавета с удовольствием перепрыгивала их, игнорируя прекрасную возможность пройтись по снегу. Однако за целый день сидения ее тело затекло, а зад стал таким же плоским и деревянным, как судебная скамейка. Молодость требовала движения, и Дубровской не терпелось сбросить с себя адвокатскую солидность, припустить до машины бегом.

– Эй, красавица! – раздался рядом уже знакомый голос. Лиза обернулась.

Ну, разумеется, это была все та же цыганка, которую Дубровская видела утром. Те же яркие черные глаза, роскошные волосы, юбка с оборкой и томительный, чарующий аромат неизвестных духов.

– Не пугайся, – успокоила ее цыганка. – Денег просить не стану. У меня, наоборот, есть что-то для тебя.

Она полезла за пазуху и вынула оттуда завязанную тесемкой пачку потрепанных конвертов.

– Держи! Почитай-ка на досуге. – Она ловко впихнула в руки Дубровской сверток и, взметнув подолом юбки мартовское крошево, удалилась прочь...

Включив отопление в салоне автомобиля, Елизавета нетерпеливо дернула тесемку. Конверты посыпались ей на колени.

«Милый Саша!» – аккуратные строчки бежали вниз, где стояла витиеватая подпись: «Мария». «Милый Саша! Как передать тебе, что я чувствую? Когда ты рядом, мне трудно удержать себя в руках, казаться уравновешенной, невозмутимой, словом, такой, как обычно. Как глупо, должно быть, я выглядела в твоих глазах сегодня, когда на твое приветствие я вдруг вспыхнула и начала бормотать что-то невразумительное...»

Господи! Да что это у нее в руках? Дубровская вертела в руках конверт без марок и указания отправителя. Было ясно только, что это Маша. Это какая же Маша? Неужели горничная? Тогда кто же адресат? Судя по письму, это некий Саша, к которому бедная девушка воспылала самыми нежными чувствами. Постойте-ка, так подсудимый тоже Саша... Так вот оно что! Саша и Маша...

Фрагменты головоломки завертелись в голове, причиняя боль. Сведения были отрывочными, целостная картинка не получалась. Дубровская открыла еще один конверт.

«Я ненавижу себя за свою слабость, а тебя – за твою великодушие. Зачем ты согласился пойти со мной прогуляться? Мы сидели на старых качелях под полной луной, ты рассказывал мне что-то забавное. Ты наверняка догадался, что я тебя не слушала. Ни единого слова. Я вся была занята мыслями о тебе. Ты сидел так близко, что невольно касался меня локтем. Когда ты поворачивался ко мне, я чувствовала твоё дыхание на своей щеке. Зачем ты пошел со мной, если я тебе абсолютно безразлична? Не спорь, я видела, как ты

украдкой поглядывал на часы. Конечно, ты хорошо воспитан, поэтому и не отказал мне...»

Дубровская открывала конверт за конвертом, удивляясь, как от письма к письму менялся тон Марии. Последние послания были начисто лишены романтических признаний, зато изобиловали жалобами и угрозами.

«Ты испортил мне жизнь! Не думаю, что, когда наступит подходящий момент, я буду стоять перед выбором – я отплачу тебе сторицей. Можешь быть в этом совершенно уверен. *Больше не твоя, Мария*».

Дубровская сложила письма и перевязала их тесемкой. Фрагменты головоломки сложились воедино. Теперь она знала, что делать...

– Попрошу вызвать для повторного допроса Кольванову Марию, – обратилась к суду Дубровская.

Судья недовольно поморщился:

– Но ведь мы уже допросили свидетельницу, и у вас была возможность задать ей вопросы. К чему тянуть следствие?

– Но есть обстоятельства, которые остались невыясненными...

– Ваша честь! – неожиданно встал со своего места Липман. – Мария находится в коридоре, и я в принципе не возражаю против повторного допроса. Пусть защитник сделает все, что считает нужным.

– Ну, что же, – судья строго посмотрел на Елизавету. – Благодарите потерпевшего. Он не против. Свидетельница здесь. Я тоже не возражаю. Только не затягивайте допрос...

Мария вошла в зал заседаний. Первый взгляд, как отметила про себя Елизавета, девушка бросила не на судью и не хозяина, а на того, кто находился за решеткой. В ее глазах читалось что-то очень похожее на... торжество?

– Свидетельница, поясните, в каких отношениях вы были с подсудимым. – Дубровская не стала тянуть, а напрямик перешла к делу.

– У нас не было никаких отношений, – проговорила Маша, но при этом на ее бледных щеках зажглись ярко-красные пятна.

– Протестую, ваша честь! – взвился с места прокурор. – Не понимаю, какое это имеет отношение к делу.

– Сейчас объясню. – Елизавета выглядела спокойной. – Вчера свидетельница заявила, что у нее нет причин оговаривать подсудимого. Соответственно, у защиты появился повод говорить об обратном.

– Защита права. Продолжайте, – позволил судья.

Дубровская вынула из портфеля стопку писем и, словно взвешивая, подержала их на ладони.

– Не стоит отпираться, Мария, – сказала она, выдержав паузу. – Здесь есть все, о чем вы не желаете говорить. Это ваши письма?

На лице свидетельницы отразилась целая гамма чувств. Сначала это было изумление. На смену ему пришел испуг. Потом, поколебавшись, она приняла решение.

– Да, – звучало обреченно.

– Повторите громче.

– Да, это мои письма.

– Кому они адресованы?

– Саше... Я хотела сказать, подсудимому.

– Позвольте зачитать цитату? – Дубровская открыла конверт и достала лист бумаги. – «Ты испортил мне жизнь! Не думаю, что, когда наступит подходящий момент, я буду стоять перед выбором – я отплачу тебе сторицей». Что же, Мария, подходящий момент настал?

Горничная посмотрела на нее исподлобья:

– Да, мои отношения с подсудимым трудно назвать дружескими. Но во многом он виноват сам. Он заставил меня ненавидеть...

Государственный обвинитель резко поднялся с места.

– Ваша честь! Я не совсем понимаю, почему мы изучаем эти письма? Откуда они вообще взялись?

Судья внимательно взглянул на Дубровскую.

– Защитник, как я понимаю, эти письма вы получили не из рук свидетеля. Можете прояснить ситуацию? Откуда они у вас взялись?

Елизавета была в замешательстве. Что им сообщить? Рассказать о том, что письма передала ей цыганка? Бред, да и только!

– Источник пожелал остаться анонимным, – проговорила она.

– Тогда мы не можем признать их доказательствами и вести о них речь в суде, – быстро среагировал прокурор.

– Но позвольте! – с отчаянием в голосе произнесла Елизавета. – Ведь это имеет отношение к делу! Эти письма доказывают, что у свидетеля обвинения был умысел оговорить подсудимого. Они доказывают...

– Они ничего не доказывают. Государственный обвинитель прав, – пресек возражения судья. – Формально эти письма доказательствами не являются. Вы взяли их невесть откуда и заставляете нас поверить в их подлинность.

– Но вы лишаете подсудимого права на защиту! – воскликнула она.

– Вы получите замечание в протокол, – последовало предостережение судьи. – Адвокат, а вы вообще слышали о неприкосновенности частной жизни?

– Но если речь идет о свободе человека...

– Не заставляйте повторять меня дважды, – повысил тон судья. – Если у вас еще есть вопросы, то задавайте их. Нет – отпускайте свидетеля.

Елизавета проглотила набежавшие на глаза слезы.

– Хорошо, я продолжу. Свидетель, у вас была причина испытывать неприязнь к подсудимому?

Мария посмотрела поочередно на судью, прокурора, адвоката. Она ровным счетом ничего не поняла из той дискуссии, свидетельницей которой стала. Очевидно было одно: у адвоката откуда-то взяли письма. Ее письма! Стало быть, опираться не имело смысла.

Она распрямила плечи.

– Была причина. Он посмеялся над моими чувствами.

– Ваша честь! Призовите защитника к порядку, – потребовал прокурор. – Она опять использует данные из сомнительных источников. Я так понимаю, вопрос с письмами закрыт?

– Ваша честь, я больше не ссылаюсь на письма, – ответила Елизавета и демонстративно убрала пачку со стола в портфель. – Я просто задаю вопросы свидетелю, а она отвечает.

Судья пожевал губами.

– Защитник прав. Это всего лишь вопрос. Вы можете продолжать, Дубровская...

Настал черед судебных прений. Несмотря на заранее заготовленную речь, голос Дубровской немного дрожал.

– Подведем итоги, уважаемый суд, – она вздохнула и отложила в сторону бумаги. Нет, она не будет говорить по шпаргалке. – Обвинитель показывает на человека и убеждает: «Он украл!» А вы в этом уверены? Находчивый *коллега* господина Липмана путается с описанием внешности злоумышленника; эксперт не уверен в своем заключении, а бедная девушка Маша и вовсе настолько зла на подсудимого, что в любом человеке, прыгающем через изгородь, ей видится ее несостоявшийся любовник. Вероятнее всего, преступников было двое. Если один из них – наш подсудимый, то покажите мне другого! Почему уважаемый прокурор не сказал ничего по этому поводу? Да просто потому, что у него нет версий. Вы забыли про тот телефонный звонок, который прозвучал в доме Липмана *так вовремя*? Настоящий преступник хорошо знал его привычки, его распорядок дня и ту его маленькую слабость, благодаря которой он и попался на крючок. Так вот женский голос в трубке принадлежал сообщнице. Звонила вовсе не клиентка ювелира, о которой он нам говорил ранее. Вернее, его собеседница представилась ее именем и даже сумела его убедить в том, что это именно она. Женщина заговаривала его глупейшими вопросами, пока ее сообщник обчищал кабинет. Конечно, любое преступление оставляет следы. Но в этом случае следы уперлись в глухую стену. Проверив распечатку принятых вызовов на домашний телефон Липмана, следователь установил, что номер таинственного абонента принадлежит некоей бабе Дусе, которая за пятьсот рублей любезно предоставила свою трубку первому встречному. Все, тупик! Но почему об этом молчит прокурор? Ведь данные этой проверки есть в материалах дела. На самом деле все просто. Не так легко говорить о том, чему не находишь объяснений.

Так что, уважаемый суд, вам решать, виновен или нет телохранитель Липмана в краже. Но, по моему мнению, «Тигровый глаз» сейчас находится не в тайнике, дожидаясь выхода подсудимого на свободу, а в чьих-то проворных руках, которые знают, как поступить дальше. Досадно...

Примерно через неделю после получения замечательных известий об оправдании ее подзащитного Елизавета, просматривая утреннюю прессу, натолкнулась на небольшую заметку под рубрикой «Происшествия»:

«Вчера в доме известного ювелира Липмана, потерпевшего по делу об исчезновении драгоценностей, произошло знаменательное событие. Дворник, расчищающий участок от снега, услышал звонок со стороны ворот. Нежданной гостьей оказалась цыганка, которая на удивление не требовала денег и не предлагала погадать. Она всунула в руки растерявшемуся работнику коробочку, обтянутую красным шелком, и велела

передать ее хозяину. Опасаясь, видимо, что дворник не выполнит ее просьбу как следует, эффектная посетительница пообещала напустить на беднягу порчу и так зыркнула на него своими черными глазами, что тому не оставалось ничего другого, как бегом броситься к хозяину. Каково же было удивление известного ювелира, когда, раскрыв коробочку, он обнаружил внутри драгоценный «Тигровый глаз»! Липман сообщил о чудесной находке в правоохранительные органы, но газетам давать комментарии отказался. Таинственная история обросла всевозможными слухами и домыслами. Понятно, что цыганку обнаружить по горячим следам не удалось. Вернее, от нее вообще не осталось никаких следов! Было выяснено, что к воротам Липмана не подъезжала машина, а пешеходная дорожка, ведущая к калитке, оказалась покрыта девственно чистым снегом, выпавшим накануне. Кроме версии о сверхъестественной подоплеке событий, изложенной напуганным дворником, и еще более глупом объяснении о раскаявшемся преступнике, полученном от анонимного источника в правоохранительных органах, иных комментариев журналистам добиться не удалось. Но так или иначе «Тигровый глаз» опять вернулся к хозяину! Жаль, что нет известий об остальных драгоценностях похищенной коллекции».

Елизавета отложила газету, а ее рука, помимо воли, потянулась к телефону. Она просто не могла не позвонить.

– Филипп Яковлевич отказывается беседовать с журналистами, – сообщил ей официальным тоном голос невидимого собеседника. – Нет, горничная Мария здесь уже не работает.

Узнав, что звонит адвокат, новый секретарь Липмана немного смягчился:

– Будьте снисходительны к моему хозяину, ведь он пережил сильное потрясение.

Дубровская изумилась:

– Странно, а я считала, что возвращение «Тигрового глаза» стало для него большой радостью.

– При чем тут «Тигровый глаз»? – в свою очередь удивился собеседник. – Все дело в дочери. Елена оставила его ради театра. Говорят, что она теперь где-то в Европе.

«Легенда о раскаявшемся грешнике? – усмехнулась про себя Елизавета. – Ну, что же! И это возможно...»

Это случилось позже, летом, на небольшом пароходике, совершавшем ночные прогулки по Темзе. Елизавета забежала на минутку в дамскую комнату поправить макияж. Конечно, она была занята только своим отражением в зеркале, поэтому не замечала ничего вокруг. Мимо нее прошлестели оборки вечернего платья, и Лиза отчетливо уловила в воздухе знакомый пронзительно-терпкий аромат женских духов. Она обернулась, повинувшись безотчетному порыву, но увидела лишь краешек длинной юбки, скользнувшей за дверь.

Разумеется, это было смешно так реагировать на запах восточных пряностей, ставший основой для многих духов. Ведь ими могли пользоваться тысячи женщин по всему миру. Но в памяти Елизаветы были живы воспоминания о талом весеннем снеге и воздухе, звенящем неумолчной мартовской каплей, а также об алой цыганской юбке с зеленой нашивкой по краю. В общем, возвращаясь на свое место в ярко освещенный плавающий ресторан, Дубровская пребывала во власти томительного ожидания чего-то необыкновенного.

Компания ее встретила шутками, и через несколько минут Елизавета обязательно бы растворилась в царящей повсюду атмосфере веселья, если бы не случайный взгляд, брошенный ею на соседний столик. Сидящая там пара меньше всего желала быть в центре внимания. Этим двоим вполне хватало общества друг друга. Они сидели, держась за руки, словно отгороженные от всего мира непроницаемой стеной. Лицо женщины показалось Лизе странно знакомым. Девушка долго перебирала в памяти обстоятельства, при которых она могла видеть эти голубые глаза, брови вразлет и стройную фигуру. Мужчина сидел к Лизе спиной, и Дубровской хорошо были видны его налитые плечи и мощный затылок. Странно, но Дубровская не могла отвести взгляд от этой пары, снова и снова экзаменуя собственную память.

Должно быть, мужчина чувствовал спиной чье-то пристальное внимание. Он на мгновение оглянулся и, встретившись глазами с Елизаветой, поспешил повернуться к своей спутнице. Но этого было достаточно для того, чтобы бедная Дубровская, презрев все правила приличия, издала удивленный возглас. Конечно, она узнала в этом щеголеватом мужчине бывшего телохранителя ювелира Липмана. Он не особо изменился, разве что выглядел свежее и раскованнее, чем когда-то, на скамье подсудимых. Но это, в конце концов, было неудивительно.

Конечно, не внешние метаморфозы с бывшим подзащитным вызвали столь неоднозначную реакцию Дубровской. Она бы изумилась меньше, если бы у телохранителя Липмана появилась волчья пасть, а лицо обросло бы звериной шерстью. Но спутницей молодого человека была... Елена. Да-да, дочка известного

ювелира сидела напротив человека, некогда обвиняемого в краже драгоценностей у ее отца!

Скорее всего, парочка уже успела оценить ситуацию. Мужчина встал с места и, улыбнувшись, сделал жест рукой, приглашая Лизу за их столик. Дубровская, осилив несколько шагов, с облегчением опустилась в кресло. Ноги казались ей ватными. Некоторое время они просто смотрели друг на друга. Наконец Елена нарушила молчание:

– Значит, встретились. Правду говорят, мир очень тесен.

От ее напыщенности и светского снобизма не осталось и следа. Ее улыбка казалась доброжелательной, а глаза завораживали.

– Это?.. – Лиза сделала неопределенный жест, описав дугу возле своего лица. Должно быть, в такой странной манере она выражала свое удивление невесть откуда взявшейся эффектной внешностью вчерашней дурнушки.

– Это макияж, – усмехнулась Елена. – Природа не наградила меня блестящей наружностью, но, как оказалось, и у этого обстоятельства есть свои положительные стороны. Линзы для глаз и немного косметики делают чудеса, а если учесть мою страсть к перевоплощению...

– Так, значит, цыганка – это вы, – молвила Дубровская уже без удивления. Казалось, что она уже давно знала это.

– Да, это я. К чему теперь отпираться?

– Значит, вы вдвоем и организовали похищение драгоценностей? – выдохнула Лиза.

– Это не было похищение, – хладнокровно заявила дочь ювелира. – Я взяла лишь то, что принадлежало мне по праву, – драгоценности отца, являющиеся моим приданым. Как вы наверняка знаете, я вернула ему «Тигровый глаз». Считайте, что во мне проснулось сострадание... Конечно, я не вышла замуж за банкира Савицкого и нарушила тем самым планы отца, но тут уж ничего не поделаешь. Я только хотела быть счастливой.

– И вы счастливы?

Должно быть, в голосе Лизы прозвучало сомнение, потому что женщина ответила ей с неожиданным вызовом:

– Да, я счастлива. Надеюсь, мой отец недолго будет безутешным, бесценный «Тигровый глаз» при нем, а на роль моей мачехи претендует сейчас... кто бы вы думали? Машенька!

– Странно все это, – задумчиво проговорила Лиза, ошеломленная безудержным потоком новостей. – Но, как бы то ни было, я никому не сообщу о нашей встрече. И дело, пожалуй, не в адвокатской тайне...

– Конечно, – наконец взял слово ее бывший клиент. – Просто в этом нет смысла. Ювелир уже давно обо всем догадался. А возвращаться в Россию мы не торопимся. Во всяком случае, пока не родится ребенок.

Он нежно обнял Елену. Та вскинула глаза на него и улыбнулась. Дубровская готова была поклясться, что в тот момент глаза женщины сияли, как грани легендарного «Тигрового глаза». Но ей уже не нужны были жертвы. Она просто охраняла свое счастье...

Екатерина Гринева Ожерелье с острова Тиу-Тиу

Ульяна посмотрела на себя в зеркало и зажмурилась. То, что она увидела, – ей не понравилось. Но когда она быстро открыла глаза – отражение никуда не исчезло. Наоборот, оно сигнало ей, что нужно уделять себе больше внимания. Больше спать, меньше работать, вести упорядоченный образ жизни и перестать есть сухомятку. Но, к сожалению, все перечисленные пункты из разряда «миссия невыполнима». Да разве она, популярная телеведущая Ульяна Байкина, известная на всю страну, может жить как обычные домохозяйки? Ее жизнь – бешеный ритм, череда стрессов, хронический недосып и погоня за рейтингом. Она должна быть всегда на высоте и не допускать никаких проколов. А такое напряжение не может не сказываться на внешности и нервной системе.

В последнее время нервы не годились ни к черту. Она могла вспылить из-за пустяка и расплакаться на пустом месте. А может, виноват хмурый муторный январь и низкое атмосферное давление, от которого часто болит голова? Что, в общем-то, правда. Точнее, полуправда. Но настоящая причина в том, что она смертельно устала в одиночку решать все свои проблемы, которых каждый день возникало великое множество.

Нет, она не была одна. Формально. Поскольку состояла в четвертом по счету браке. Но это не меняло сути. Ульяна Байкина по сути хроническая одиночка. Брак являлся обычной сделкой. По принципу «ты – мне, я – тебе». Мужу, крупному бизнесмену Николаю Селянову, была нужна популярная жена, чтобы хвастаться в кругу рублевских олигархов: «Я женат на Ульяне Байкиной. Да-да, той самой».

Но если его мотивы понятны, то о себе Ульяна так сказать не могла. Что толкнуло ее на брак? Желание иметь рядом мужчину? Или надежда на то, что простая симпатия перерастет в нечто большее? Но правду говорят, что судьбу не проведешь, а людей не обманешь. Трехлетний брак в последние полгода трещал по всем швам. Николай завел любовницу, которая прилагала все усилия, чтобы стать законной спутницей. А Ульяна с головой ушла в работу и старалась как можно меньше времени бывать в загородном особняке на Рублевском шоссе. Как только они поженились, муж купил ей роскошную пятикомнатную квартиру, в которой она наконец-то решила сделать ремонт. Но все застопорилось на стадии проекта. То ей одно не нравилось, то другое. Не то чтобы она настолько придирчива, просто хотелось сделать внутренний антураж оригинальным, неизбитым.

Заботы, заботы, заботы... А еще она никак не могла уговорить родителей переехать из Сочи в Москву. Те уперлись – и ни в какую. Несмотря на все ее уговоры.

Ульяна вздохнула. Она сидела в ванной комнате на краешке ванны и придирчиво разглядывала себя в зеркале. Эффектная яркая брюнетка... но по женской части ей как-то не везет. Нет, она не обделена мужским вниманием. И время от времени позволяет себе маленькие одноразовые интрижки, случавшиеся в основном на гастролях. Ведь, помимо кипучей телевизионной жизни, у Ульяны была и другая. Она же еще певица. И между гастрольными часами женщина награждала себя бурным сексом, как бы доказывая всем и прежде всего себе, что она – в полном порядке. И способна волновать, провоцировать, увлекать. Мол, она не Чебурашка в ящике, а женщина в самом соку. Ей – сорок с хвостиком. Прекрасный возраст! Замечательный. Тем более к ее услугам самые дорогие салоны красоты и чудеса пластической хирургии. Но в глубине души Ульяна чувствовала, что ее часики неумолимо тикают. И что обратного хода нет. Наверное, подобное чувство знакомо всем женщинам, перешагнувшим сорокалетний рубеж. Словно ты бежишь, бежишь, и вдруг – бац! Остановка по требованию. И липкий страх, что ты, несмотря ни на что, стареешь. Мужиков привлекает только твое имя. Не будь у тебя такой известности, кто бы вообще посмотрел на тебя? Вокруг столько стройных длинноногих молодых девушек с гладкой кожей и упругими попками...

Для Ульяны вес всегда был проблемой номер один. И никакие диеты не могли до конца вытравить округлый животик и пухлые бедра. А без конца ложиться под нож хирурга не хотелось. Все равно получался замкнутый круг. Только уберут жир, а он наплывает снова. И чего она парится? Вернее, ради кого? Телезрители любят ее именно такой: своей в доску бой-бабой, способной справиться с любой проблемой, которая круче любого мужика и может пробиться в нашей сволочной жизни самостоятельно. Без посторонней помощи.

Передачу на телевидении она вела душевную – играла роль жилетки, в которую можно поплакаться, поделиться наболевшим. Зрители выплескивали в эфире свои проблемы, а она давала советы, хотя прекрасно понимала, что все советы – условны. Каждая проблема индивидуальна. И на всех советов не

напасешься. Что подходит одному, категорически противопоказано другому. Да и вообще жизнь такая непонятная штука! Почему столько умных, красивых, порядочных женщин остаются одиночками? Тот, кто решил бы эту проблему, наверняка стал бы лауреатом Нобелевской премии. Не меньше.

А зрители все плакались ей и плакались. И программа «Байки от Ульяны» имела высокий рейтинг. Она выслушивала самые разные истории: о том, как новый муж изнасиловал ее дочь, как сестра увела любовника, как альфонс женился на женщине из-за квартиры, а потом выселил ее из собственного дома, и несчастная оказалась на улице.

Когда Ульяна в своей гримерке смывала грим, ей часто думалось: «А вот если бы я сама вдруг во время передачи взяла и спросила: «Как мне, Ульяне Байкиной, стать счастливой и найти своего мужчину? Вообще возможно ли это?» Многие тогда, наверное, решили бы, что она сбрендила и мается дурью. У женщины, мол, такая популярность, куча денег, есть богатый муж... И чего она заморачивается? Не знает баба, что такое настоящая нужда да беда. Ей бы в нашу шкурку!

Ульяна еще раз посмотрела на себя в зеркало. Все, хватит заниматься ерундой. Нужно взять себя в руки и не раскисать. Есть люди, которым реально, а не по-киношному худо. Например, ее домработнице Наташе, приехавшей в Москву из украинской деревни, где просто нечего жрать. И никакой работы. Вот ей действительно плохо...

Звонок мобильного вырвал Ульяну из омута опасных мыслей. Она посмотрела на дисплей – номер был ей незнаком. Взять трубку или дать отбой? Да ладно, послушаем, кто там такой...

Она откашлялась и ответила:

– Да.

– Ульяна?

Мужской голос был так же незнаком, как и номер. Нет, зря ответила. Какой-нибудь очередной поклонник. Будет теперь неровно дышать в трубку...

Она нажала на кнопку, и связь прервалась. Ульяна положила сотовый на столешницу под зеркалом и, открыв кран, сполоснула лицо холодной водой.

Звонок раздался снова. Телефон отчаянно завибрировал по гладкой мраморной столешнице. Все тот же номер.

– Что вы себе позволяете? – обрушилась на неизвестного абонента Ульяна. – Прекратите беспокоить меня!

– Простите... – Мужчина стушевался. – Я просто хотел передать вам подарок.

– Какой подарок?

– Сюрприз.

Ульяна чуть не задохнулась от возмущения. Мало того, что ее отвлекают дурацкими звонками. Так еще и выпендриваются!

Словно прочитав ее мысли, мужчина быстро заговорил:

– Извините, я не представился. Андрей Бирулин. Помните, мы познакомились, когда вы были на гастролях в Самаре. Я – футбольный тренер. Мы с вами провели приятный вечер в ресторане «Южный двор».

Теперь она его вспомнила. Красивый высокий парень. Блондин. Светлые глаза. Мужественный торс. Но взгляд как у беззащитного ребенка. Бывший спортсмен, но из-за травмы из спорта пришлось уйти. Он старался угодить ей – наливал вина, развлекал разными историями. Потом плавно перекочевали в ее номер. Она размякла от хорошего вина и мужественной внешности собеседника. Остальное Ульяна помнила плохо: обычный любовный угар пьяной бабы. Когда ничего не помнится и секс брызжет, как откупоренное шампанское, а наутро голова какая-то мутная и хочется спать. Андрей был из породы однодневок. Ульяна использовала его в качестве тонус-разрядки и забыла. Хм, говорит, что какой-то подарок... На фиг он ей!

– Вещь редкая, – продолжал между тем собеседник. – Я привез ее с острова Тиу-Тиу.

– Никогда не слышала о таком.

– Вот видите...

Ульяна посмотрела на часы.

– Ну ладно. В вашем распоряжении час. Где мы встретимся?

Она подумала: хоть какое-то развлечение все же лучше, чем сидеть и киснуть. Надо развеяться. Убить время.

– Ресторан «Пушкин».

– Идет.

Ульяна посмотрела на часы:

– Через полчаса буду там.

– Жду.

Ульяна оделась без пафоса. Не было времени. Да и настроение подкачало. Накрасила губы. Ресницы. Брызнула духами. Все! Черные брюки. Черная водолазка и белый полшубок. Сойдет и так для какого-то тренера.

Бирулин уже стоял около ресторана и ждал ее. С огромным букетом роз. Ульяна подъехала на такси (было лень выкатывать свою тачку из гаража).

– Добрый вечер! – Бирулин припал к ее руке.

– Добрый.

Ульяна критически осмотрела своего мужчину. Не был похож на бывшего спортсмена. Скорее на певца или музыканта. Строгий и элегантный стиль. Хороший парфюм. Дорогая качественная обувь. Все тип-топ.

– Ну что ж, Андрей... – кокетливо прищурилась Ульяна. – Ведите девушку в ресторан!

В тот вечер Андрей подарил ей жемчужное ожерелье с Тиу-Тиу, малюсенького острова Малайзийского архипелага.

Жемчужины были некрупными и обработаны кустарным способом. Андрей сказал, что купил его у местного шамана.

– Оно приносит удачу и... любовь!

При этих словах Андрей посмотрел в глаза Ульяне и накрыл ее руку своей.

Так начался их роман. Отношения были бурными и страстными. Андрей переехал в Москву, они сняли квартиру, где встречались почти каждый день. Еще любили гулять по Москве в редкое свободное время и фотографироваться. Ульяна была страстной фотолюбительницей и щелкала все подряд: здания, природу, их с Андреем, в обнимку и целующимися. Чтобы ее никто не узнал, надевала большие, вполлица, темные очки.

Ульяна уже подумывала развестись и жить с Бирулиным открыто. Не таясь и не прячась ни от кого. А пока она замужняя женщина, нужно сохранять внешние приличия.

– Слушай, ты просто чокнулась! – говорила ее лучшая подруга Анжелика, крашенная блондинка с длинными волнистыми волосами. – Какой-то футбольный тренер! Ты хоть его зарплатой интересовалась? Или думаешь посадить на свою шею альфонса? У тебя богатый муж, звездный статус. Ты в полном шоколаде. Тебе оно надо?

– Брось! – отмахивалась Ульяна. – Могу я себе позволить выйти замуж просто по любви, без всяких денежных дополнений. Я замужем за денежным мешком четвертый год и счастливее от этого не стала. А потом, я сама хорошо зарабатываю и прокормлю хоть двоих, хоть троих. Без проблем.

– Ну и что? – не сдавалась Анжелика. – Получается, что должна теперь выходить замуж за первого встречного? Только потому, что он хорош в постели?

– У Андрея есть и другие достоинства. И вообще, ты так говоришь, потому что никогда не любила. У тебя что ни муж, то новый счет в банке.

– А разве плохо?

– По мне – так ничего хорошего. Ладно, давай оставим беспредметный разговор. Здесь мы друг друга не понимаем.

Но мысль уйти от мужа-олигарха и жить так, как хочется, не оставляла Ульяну. Она ощущала в себе внутренний подъем и желание перемен.

После месяца страстного романа Андрей уехал работать по контракту в Италию. Ненадолго. После его отъезда Ульяна ощутила страшную пустоту и одиночество. Она смотрела каждый день на календарь и зачеркивала красной ручкой дни, прожитые без Андрея.

В тот вечер ничто не предвещало никакой беды. Ульяна вернулась с работы, разделась, прошла в спальню. И увидела раскрытый ящик тумбочки. Кинулась к нему. Так и есть! Ее золото исчезло! Там были украшения – подарки мужа. И деньги пропали. Пять тысяч долларов. Основные-то ценности она хранила в сейфе, а в тумбочке лежало то, что надевала в будние дни. А главное – пропало жемчужное ожерелье! Подарок Андрея.

Ульяна застонала. Кто же мог взять драгоценности и деньги? И где Наташа? Домработница должна была приготовить ужин и дожидаться ее. А Ульяна собиралась дать ей мелкие поручения.

Ульяна достала сотовый, набрала номер Наташи. Телефон домработницы оказался заблокирован. Черт! И вдруг Ульяну пронзила неприятная догадка: Наташина работа. Сколько о подобном писали! Домработницам нельзя доверять. Они обкрадывают своих хозяев. Крадут деньги и драгоценности и сбегают. У богатых людей всегда есть чем поживиться. И теперь Ульяна пополнила печальную статистику...

Наташа казалась ей порядочной девушкой. Ульяна нашла ее в агентстве добрых услуг «Фортуна». Ульяна позвонила им и попросила подобрать домработницу, которая бы хорошо готовила, поскольку

вкусная еда была Ульяниной слабостью. Наташа готовила просто обалденно. Пальчики оближешь! Особенно Наташе удавался настоящий украинский борщ. Всегда получался жирный, наваристый. От него аромат плыл по всей квартире. Казалось, можно насытиться одним только ароматом.

Наташа Ульяне понравилась сразу. Живая. Энергичная. Несколько раз они говорили по душам. Наташа рассказала хозяйке, что хочет поднакопить денег на обучение младшего брата. И вот Наташа ткнула ее мордой в холодец... Да еще как!

Ульяна позвонила в милицию. Ей сказали, чтобы она ничего не трогала и ждала приезда опергруппы. Снова набрала Наташин номер. Глухо! Пожалуй, нужно позвонить в агентство и спросить Наташин адрес. Фамилия ее, кажется, Деревянко. Ульяна раскрыла свою записную книжку. Так и есть. Наташа Деревянко. Агентство «Фортуна».

Ульяна позвонила. Трубку сняла секретарь:

– Алло! Вы позвонили в бюро добрых услуг «Фортуна». Добрый вечер!

– Меня зовут Ульяна Байкина. Вы подобрали мне примерно два месяца назад домработницу. Наташу Деревянко. Так вот сегодня вечером она меня обокрала. У вас нет ее адреса или других координат? Ее мобильный не отвечает.

– Одну минутку. Адрес есть. Записывайте. Улица Пришвина, дом тридцать два...

Ульяна записала.

– А телефон?

Женщина начала диктовать номер Наташиного мобильного, по которому никто не отвечал.

– А другого телефона нет? – перебила ее Ульяна.

– Нет. Только этот номер.

Следующий звонок был мужу.

– Я на деловой встрече, – сразу предупредил тот.

Николай явно находился в ресторане, рядом были слышны мужские голоса.

– Я буду краткой. Меня обокрала домработница.

– Звони в милицию.

– Уже позвонила. Сейчас приедут.

– Много взяли?

– Хватает.

– Ладно. Поговорим после.

Ульяна положила трубку. Ни утешения, ни сочувствия. Они уже давно друг другу чужие. Так, тянут вольнку и играют на публику.

Прибыла милиция. Следователь милиции, майор Игорь Семенович Гладков, мужчина лет сорока, с военной выправкой и твердым взглядом, обошел квартиру и спросил:

– Вы сказали, что у вас пропали деньги, пять тысяч долларов, и драгоценности. Где они хранились?

– В тумбочке в спальне.

– Но раньше у вас ничего не пропадало?

– Раньше нет. Если только по мелочам. Если бы что-то крупное пропало – я бы сразу заметила.

– Значит, домработница долго примерялась, чтобы обокрасть вас. А нынешним вечером решила осуществить задуманное. Она знала, когда вы вернетесь домой?

– Я сказала Наташе, что должна буду приехать примерно в восемь, и попросила дожждаться меня.

– Вы приехали в это время?

– Немного позже, в начале девятого. А Наташа должна была прийти после пяти, чтобы успеть приготовить ужин.

– У нее имелся ключ от вашей квартиры?

– Естественно.

– Вы ее нашли по объявлению?

– Через агентство «Фортуна». Или, как они себя называют, бюро добрых услуг.

– Понятно. Дайте контактный телефон этого бюро.

– Я уже звонила туда, узнала адрес Наташи. Кстати, ее мобильный не отвечает.

– За милицию работать не надо, Ульяна Дмитриевна. Диктуйте, что вы узнали. Хотя, думаю, она уже оттуда съехала, искать ее по этому адресу бесполезно. Я обратил внимание, что ваш дом оснащен системой видеонаблюдения. Нужно просмотреть материалы.

– Ее найдут? – задала Ульяна вопрос и тут же устыдилась его наивности.

– Будем искать. Если обнаружите, что пропали еще какие-то вещи, поставьте нас в известность. А по

поводу украденных драгоценностей... Составьте опись и укажите стоимость. Список я потом у вас возьму.

Пока они разговаривали, в комнатах работала бригада криминалистов.

После того как милиция уехала, Ульяна какое-то время ходила по квартире как потерянная. Наконец легла спать.

Проснулась она по будильнику. В восемь. На сегодня у нее было запланировано посещение СПА-салона. Вместе с Анжеликой. Сначала Ульяна подумала, не отменить ли встречу. Потом все же решила поехать. Немного отвлечься.

Она позавтракала, выпила кофе, приняла ванну, размышляя. Андрею звонить не стоит. Тот распереживается, помочь ничем не сможет. Не примчится же из Италии? Если все там бросит, сорвется контракт. Чего хорошего?

Вспомнив об Андрее, Ульяна решила просмотреть фотоальбом, где они сняты вместе. Пошла к полке, где всегда лежал альбом. Его там не оказалось. Удивилась. Куда же он делся?

Следующий час был посвящен поискам альбома. Ульяна осмотрела все места, куда могла его засунуть. Но альбом исчез. Неужели Наташа украла и его? Зачем? Зачем домработнице чужие фотки? И тут Ульяну осенило: Наташа собирается продать снимки «желтой» прессе! Ну конечно, ведь на них можно неплохо заработать. Вот гадина! Нет, ну какая сволочь! Попалась бы она ей сейчас!

Ульяна посмотрела на часы и стала собираться. Иначе она опоздает в СПА-салон.

Анжелика была уже там.

– Выглядишь ты неважно. Что-то случилось?

– Случилось. Меня ограбили, – мрачно сообщила Ульяна. – Домработница, сука Наташка, деньги забрала, пять штук баксов, и драгоценности. Подарки Николая. Даже жемчужное ожерелье сперла, которое мне Андрей подарил.

– Мне она никогда не нравилась.

– Да, еще снимки, где мы с Андреем, прихватила. Но главное – жемчужное ожерелье! Мне его больше всего жаль. Андрей всегда говорил, что оно – талисман нашей любви, – вздохнула Ульяна. – Не знаю, как он переживет его пропажу.

– Ты ему звонила?

– Нет. У него ответственная работа в Италии. Зачем его тревожить? Начнет нервничать, переживать. Вот приедет, тогда и расскажу.

Пока массажистка-китаянка усердно массировала ей спину, Ульяна думала, что если бы она нашла стерву Наташку, то первым делом попросила бы вернуть именно ожерелье. Только его. А всем остальным пусть подавится! Но как ее найти... Деятельная, энергичная натура Ульяны требовала каких-то действий. Сидеть и ждать – не в ее характере. Не случайно за глаза ее называли крутым мужиком. Или бабой с яйцами. Себя Ульяна называла скромнее: рабочей лошадкой. Сколько себя помнила, она всегда пахала на износ. Чтобы добиться успеха. Так что ее звездный статус был вполне заслужен и выстрадан. Но что же делать сейчас? Ульяна вдруг вспомнила: однажды Наташа рассказывала ей о своей подруге Лике, которая работает в кафе с каким-то смешным названием... «Пьяный дурак»? Нет, «Пьяный моряк»! Да, точно!

Ульяна вскочила с лежанки.

– Вам плохо? Я сделала что-то не так? – заволновалась массажистка. – Почему вы встали?

– Нет. Все хорошо, Ляо. Ты все делаешь супер! И на следующий раз я заказываю двойной массаж. Идет? Но сейчас мне нужно уйти. Срочно.

Ульяна быстренько оделась и выбежала на улицу. Где искать кафе?

Ага, вот кто ей поможет... Она набрала номер Саши Приходько, продвинутого мальчика, который знал все обо всем. Тот работал редактором в телепередаче «Байки от Ульяны».

– Саша, – торопливо заговорила Ульяна, – ты сейчас не в Интернете сидишь? Там? Очень хорошо. Посмотри мне адрес кафе «Пьяный моряк».

Через минуту Ульяна прямо на ходу записывала адрес в блокнот. При этом налетела на какого-то мужика в черном пальто. Он выронил из рук кейс и смачно выругался:

– Куда прешь?! Не видишь, что ли?!

Внезапно на лице пешехода мелькнуло удивление. Он стал всматриваться в Ульяну. Она была без косметики. Но все равно узнаваема. Черт! Ульяна быстро достала из сумки спасительные черные очки и нацепила их.

– Простите, – обратился к ней мужчина. – Вы не...

– Нет! – бросила Ульяна и заторопилась к метро.

Лучше ехать не на машине. В городе жуткие пробки. Так она потеряет время. А оно дорого.

Ульяна шла вдоль витрин магазинов. Они были празднично оформлены – много цветов, яркие

переливающиеся ленты. Боже! Да ведь через неделю Восьмое марта! Как все проходит мимо нее... Погода всегда имела для Ульяны чисто практическое значение – что надевать? А все остальное растворялось в суете дней. Праздники тоже были как галочка-обязаловка. За неделю начинался звон-перезвон с клубами – где выступить и за какую сумму? Только нынешнее Восьмое марта она полностью освободила для себя. Седьмого прилетал Андрей, и они собирались три дня провести вместе. А потом он снова уедет в Италию. Но через два месяца контракт заканчивался, и тогда... Ульяна одернула себя. Ей нужно сосредоточиться на сегодняшнем дне. На конкретной задаче – найти Наташу. А не забегать вперед.

В метро Ульяна не снимала темных очков. А то еще пристанут с просьбой об автографе или будут пялиться, как на обезьяну в зоопарке. Нагло и бесцеремонно.

Вот и «Пьяный моряк». В зале почти пусто. За стойкой бармен протирает фужеры. Ульяна решительно направилась к нему.

– Мне нужна Лика.

– Лика? Сейчас. Лика! – крикнул бармен. – Тебя тут спрашивают.

К Ульяне вышла молоденькая девушка с ярко-рыжими волосами.

– Да?

Ульяна сняла темные очки.

– Мне нужна Наташа. Сию минуту.

– Ульяна Дмитриевна! – залепетала девушка. – Наташа ни в чем не виновата! Тут какая-то ошибка... она не воровка... Наташа ничего не брала у вас! Кто-то подставил ее...

– Слушай! – перебив, Ульяна схватила Лику за руку. – Пусть она скажет все это сама. Где она?

– Я... я не знаю.

– Знаешь! Звони... – Ульяна достала из сумки сотовый и сунула Лике в руку. – Звони ей. Пусть приезжает сюда. Мне надо с ней поговорить. Ну!

Лика набрала номер.

– Алло... Наташ, тут рядом со мной Ульяна Дмитриевна. Она хочет с тобой поговорить.

Ульяна перехватила трубку:

– Да, Наташа, мне очень нужно с тобой поговорить. Приезжай.

Через полчаса Наташа сидела за столиком перед Ульяной и рыдала.

– Ульяна Дмитриевна, я ничего не знаю! Я пришла... Дверь в спальню оказалась открытой. Заглянула туда и увидела пустой ящик тумбочки. Я знала, что у вас там лежали украшения и деньги. Я так испугалась! Ведь вы наверняка на меня подумаете... Я вообще в тот момент ничего не соображала! Захлопнула дверь квартиры и убежала. Я так испугалась!

Ульяна достала из сумки пачку сигарет и закурила. Она уже несколько раз бросала курить. Но не получалось. При такой нервной жизни – как же, бросишь! Она курила, смотрела на рыдающую Наташу и размышляла. Верить или нет? Девчонка может и врать... Легко свалить на кого-то.

– Наташ! – Ульяна резким движением раздавила окурочек в пепельнице. – Я хочу предложить тебе сделку. Ты возвращаешь мне жемчужное ожерелье и фотоальбом. И мы замнем это дело. Согласна?

Рыдания возобновились с новой силой.

– Но я ничего не бра-а-ла!..

– Тише! Успокойся.

Ситуация была из разряда бредовых. И что делать? Н-да... А Ульяна так надеялась, что ей удастся договориться с воровкой.

– Хорошо. Тогда тебе нужно пойти в милицию и рассказать все как есть. Конечно, я вызывала милицию, ко мне приходил следователь. Теперь ему нужно побеседовать с тобой. Договорились? Ты, кстати, почему по сотовому не откликаешься?

– Я... я боялась. Со вчерашнего дня в ступоре.

– Ладно, – Ульяна подавила вздох, – поехали ко мне.

Следователь Гладков приехал вскоре после того, как Ульяна ему позвонила. Он внимательно выслушал сбивчивые объяснения Наташи и спросил:

– А почему вы не позвонили сразу в милицию?

– Я... я...

Он махнул рукой.

– Это было вашей большой ошибкой.

Они сидели в большой комнате. Ульяна – в кресле. Следователь – на стуле. Наташа – на диване.

– Значит, что мы имеем... – Следователь задумчиво посмотрел на Ульяну. – Итак, открылись новые факты. Во сколько вы пришли? В пять? – повернулся он к Наташе. – Выходит, вор, если придерживаться

вашей версии, уже в квартире побывал. Вот что. Я прошу вас сейчас поехать к нам в милицию. Там мы вместе просмотрим запись видеонаблюдения, и вы скажете мне, кого узнаете из посетителей того дня.

Ульяна вся подобралась:

– Хорошо.

– Наташа тоже поедет с вами...

Когда Ульяна просматривала запись видеонаблюдения, на экране неожиданно всплыло знакомое ей лицо.

– Ба! А этот клоун зачем ко мне приходил? – Она повернулась к Игорю Семеновичу. – Костя Семкин – мой бывший муж. Мы с ним когда-то выступали вместе. Чего он приперся-то?

Следователь остановил просмотр.

– Вы с ним поддерживаете отношения?

– Да какие отношения! Просто иногда на телевидении ведем совместные программы. И то под давлением боссов. Мне он сто лет не нужен! В молодости столько нервов истрепал, сколько крови выпил...

– Значит, вы не знаете, зачем он к вам приходил?

– Могу узнать. – Ульяна достала сотовый. – Даю гарантию: деньги клянчить.

– Подождите. Досмотрите пленку до конца. Потом будете звонить.

Через некоторое время на экране возник молодой человек с усиками и гладкими волосами до плеч.

– Это мой дизайнер Юрий Капков, – сообщила Ульяна. – Я хочу сделать в квартире ремонт, Юра разрабатывает проект будущего интерьера. Мы с ним работаем уже больше двух месяцев. Никак не придем к общему мнению.

– Вы с ним договаривались встретиться?

– Нет. Юра приходил ко мне, когда ему в голову стукнет. Творческий человек. Как придет идея, так бежит. Его контора находится недалеко от моего дома, так что лишний раз забежать для него не проблема.

Следователь что-то черкнул в своем блокноте.

– Что? Еще смотреть? – спросила Ульяна.

– Да. Осталось немного.

Когда на экране возникла смазливая блондинка в брючном костюме и с большой сумкой в руках, Ульяна завопила:

– А она, сволочь, что здесь делает? Что ей от меня надо?

– Вы о ком? – заинтересовался следователь.

– Это... это любовница моего мужа! – выпалила Ульяна. И спросила тихим голосом: – Можно, я закурю?

– Вообще-то, нельзя. Но... ладно, курите.

Ульяна достала сигарету, щелкнула зажигалкой и затянулась.

– Понимаете... у нас в семье такая сложная ситуация... Мой муж, Николай Селянов, крупный бизнесмен. Фактически мы с мужем на грани развода. У каждого из нас своя жизнь. Но официальная точка еще не поставлена. Эта женщина – любовница моего мужа, – отчеканила Ульяна. – Но что ей понадобилось от меня, зачем она приходила ко мне в квартиру, я не знаю.

– Вы с ней раньше встречались?

– Нет. Никогда.

– Откуда же вы ее знаете?

– Да так. Подруга их случайно вместе увидела и сказала. Я не поверила. А потом и сама как-то наткнулась на них. В ресторане.

Ульяна скрыла тот факт, что в тот день подслушала телефонный разговор мужа и поехала за ним. В ресторан. Специально. И там увидела его с этой курицей-блондинкой. Смазливой телкой. Ульяне захотелось немедленно устроить скандал и выяснить отношения. Но, немного подумав, она решила, что не стоит. Ну будет скандал, и что?.. Придется сразу подать на развод. Опять пресса будет полоскать ее имя. Нервотрепка, суд... Ульяна не хотела пока делать никаких кардинальных шагов. Все равно они с мужем живут отдельно. Так чего особо рыпаться?

– Вы с мужем живете отдельно?

– Да. Раньше жили вместе, но в какой-то момент пришли к выводу, что нам лучше так. Мне из-за работы удобнее жить в центре. Чтобы все было под рукой. А муж привык к своему особняку на Рублевке.

– А любовница вашего мужа... она давно с ним?

– Не знаю. Наверное, с полгода.

– У вашего мужа есть ключи от вашей квартиры?

– Да. – Ульяна часто-часто заморгала. – Но он обычно ставит меня в известность, перед тем как

приехать. Правда, за последний год это случалось крайне редко. Вы думаете, что...

– Не знаю, – отрезал следователь. – Я проверяю разные версии. Мне нужен контактный телефон женщины.

– У меня его нет. Но я достану, – поспешно сказала Ульяна. – В ближайшее время.

– Хорошо. Учитывая тот факт, что она последней приходила к вам, ее показания могут быть весьма ценными для следствия.

Ульяна потушила окурок в пепельнице и подняла на следователя глаза:

– Мы с Наташей можем идти?

– Да, Ульяна Дмитриевна, вы можете идти. Только дайте мне телефоны вашего бывшего мужа, Константина Семкина, и дизайнера Юрия Капкова. Вы свободны. А Наталье Деревянко придется немного задержаться. Мне нужно снять с нее официальные показания. Она присоединится к вам позже.

Ульяна раскрыла свою записную книжку и продиктовала телефоны. Потом кивнула Наташе, сказала «до свидания» следователю и быстрым шагом вышла за дверь.

На улице она расстегнула пальто. Ей было жарко. В милицию они с Наташей приехали на машине следователя, и теперь ей нужно поймать такси, чтобы добраться до дома. На улице стремительно тепело. Ульяна задрала голову – небо было светлым и высоким. На асфальте образовались огромные лужи, которые нужно было перепрыгивать.

Ей предстоял неприятный разговор со Светланой Лиханцевой, любовницей ее мужа. Ульяна не стала давать следователю ее телефон, прежде чем сама не переговорит с ней. Ее номер она нашла в мобильном мужа. Украдкой. Там же была фотография блондинки, по которой, собственно, Ульяна и узнала любовницу. А телефон она тогда переписала в свою записную книжку. Так. На всякий случай.

Ульяна не сомневалась, что именно Светлана выкрала ключи от квартиры и забралась к ней. Украла фотоальбом и ожерелье. А между прочим прихватила другие драгоценности и деньги. От жадности.

Дома Ульяна бросила одежду на пол и кинулась звонить.

– Алло! – раздался в трубке тягучий манерный голос.

– Это Ульяна Байкина.

Молчание.

– Нам нужно поговорить, – добавила Ульяна.

Теперь Светлана откликнулась сразу. Как будто бы только и ждала такого предложения.

– Хорошо. Где и когда.

Ульяна посмотрела на часы.

– Через час. Около памятника Пушкину. Зайдем в какое-нибудь кафе, там и побеседуем.

– Да. Я приду, – выдавила Светлана таким тоном, словно делала великое одолжение.

Ульяна повесила трубку. Внезапно ей в голову пришла одна мысль... Наверное, стерва-блондинка станет шантажировать ее. Угрожая, что передаст все материалы в СМИ, если Ульяна не разведется с мужем. Зазвонил телефон. На дисплее высветилось имя Андрея.

Ульяна быстро нажала на кнопку приема.

– Уля! Я тебе вчера звонил-звонил... Глухо, к телефону никто не подходил. И сотовый не отвечал. Что-то случилось?

– Нет, Андрюша, все в порядке. Просто много работы перед праздником. Пришла и отрубилась полностью. Завалилась спать и ничего не слышала.

– Кстати, о празднике. Я тебе приготовил один сюрприз.

– Андрюша! Твой приезд для меня главный сюрприз и подарок!

– Я так по тебе соскучился...

– Я тоже. Как у тебя дела?

– Живу на чемоданах. Считаю дни, минуты и секунды.

– И я. Мне пора бежать... Я тебя целую, Андрюшенька. Береги себя.

– Я целую тебя на расстоянии. Но вскоре исправлю этот недостаток.

Светлану Ульяна узнала сразу. Наглый вид, дорогой меховой полушубок. Интересно, обновка – подарок Николая? Вот сучка! Впрочем, плевать. Выпутаться бы из неприятной истории с кражей. А потом можно будет и правда о разводе задуматься. У нее ведь есть Андрей. Любимый мужчина.

– Здравствуй! – подошла к блондинке Ульяна.

Светлана окинула ее взглядом с головы до ног.

– Привет!

От такой наглости Ульяна чуть не задохнулась. Но решила держать себя в руках.

– Тут есть ресторан «Марокко». Зайдем туда...

Когда сели за столик, заказали кофе. Через пару минут официант принес чашки с густым ароматным напитком.

– Ты хотела со мной поговорить... – протянула Светлана. Достала из сумки пачку дорогих сигарет и щелкнула дорогой зажигалкой.

«Быстро она привыкла к хорошим вещам», – усмехнулась про себя Ульяна.

– Скажи, пожалуйста, зачем ты вчера приходила ко мне домой. Что тебе нужно от меня?

– А... ты об этом... – Светлана улыбнулась.

Ульяна не выдержала:

– Сперла ключи у Николая и пробралась ко мне в квартиру? Обокрала и сдулась? Думала, что сойдет с рук? Не получится!

– О чем ты говоришь? Не понимаю.

– Рассказывай кому другому! Украла альбом со снимками... Драгоценности... Жемчужное ожерелье... Чего ты добиваешься? Развода?

– Да. Я приходила как раз насчет развода. – Светлана смотрела прямо в глаза Ульяне. – Мы с Николаем любим друг друга и хотим пожениться. Но он не решается сказать тебе о своем решении. Все тянет и тянет. Не знает, как ты отнесешься к этому. Вдруг устроишь грандиозный скандал?

– Сначала верни украденное. А потом будем разговаривать.

– Не понимаю твоих намеков! – взвизгнула Светлана. – В чем ты меня обвиняешь?

– Прекрасно понимаешь!

Ульяна вскочила из-за стола. От резкого движения чашка с кофе опрокинулась, и темно-коричневая жидкость залила светлый костюм Светланы.

– Дрянь! – завопила та. – Все равно Николай тебя бросит. Ты ему давно надоела! Он про тебя мне такое рассказывал...

Сорвав с вешалки пальто, Ульяна устремилась к выходу. Официант за ней.

– За меня вон та женщина заплатит, – кивнула на Светлану Ульяна. – С процентами!

На улице Ульяна сделала несколько глубоких вдохов. Нужно было успокоиться. И вдруг зазвонил сотовый. Анжелика! Ульяна вспомнила, что утром убежала из СПА-салона, оставив подругу одну, ничего ей толком не объяснила. Пару раз Анжелика потом названивала ей, но Ульяна давала отбой. Ей было не до разговоров с подругой.

– Слушай, Анжелика, ты извини, я исчезла так внезапно, не поставив тебя в известность о своих планах.

– Я уж не знала, что и подумать.

– Тут такая каша заварилась...

Вкратце Ульяна рассказала все и прибавила:

– Ох, чует мое сердце, подкинет мне эта тварь грандиозную подлянку. Мы когда с Николаем поженились, он меня предупредил: никаких скандалов и «желтой» прессы. Таким было его основное условие. Я его соблюдала, отрывалась только на гастролях, причем со всей возможной конспирацией. А теперь мои снимки с Андреем в ее руках.

– А я давно тебя предупреждала. Нужно было раньше поговорить с Николаем. Отвадить ее. А ты не захотела.

– Я тогда не была готова к разводу. А сейчас... Сейчас мне все равно. Может, и к лучшему все случилось. Скорее разведемся, и я уйду к Андрею. Собственно, я так и собиралась сделать. Только позже. Но видишь, как все повернулось...

– А квартиру Николай тебе оставит?

Практичная Анжелика была в своем репертуаре. Ульяна на нее по-настоящему рассердилась:

– Да ну тебя! У меня голова кругом идет, а ты о таких вещах думаешь!

– Ладно. Прости. Ляпнула просто так.

– Думай, что говоришь.

– Ты сейчас куда? Может, ко мне заедешь? Посидим. Поговорим.

– Я в Останкино. Там запись праздничного концерта идет. У меня совместный номер с моим уродом.

– С Семкиным?

– Ну да, с кем же еще! Телебоссам и зрителям нравится, как мы ругаемся в эфире. Они, наверное, по-прежнему считают нас парочкой. А мне, глядя на него, плевать охота.

– Хм, а ведь десять лет с ним прожила.

– Промучилась. Ну все. Бегу. Созвонимся.

В «Останкине» царил предпраздничная атмосфера. Записывались программы. Все бегали нарядные. В костюмах с блестками и в украшениях.

Ульяна зашла в гримерку. Там ее ждал Семкин. Маленький колобок с большими амбициями.

– Опаздываем!

– Пошел ты... Брысь отсюда! Я переодеваться буду. Ты зачем ко мне вчера приходил?

– Да. Приходил. А ты откуда знаешь? Тебя же дома не было.

– Колись!

– Хотел, чтобы ты попросила на постановку моего спектакля денег у мужа.

– Ясно. Выкатывайся.

Семкин ушел, хлопнув дверью.

Ульяна вышла из гримерки при полном параде. Короткое черное платье, открывающее сильные мускулистые ноги. На шее – огромное украшение из серебра. В ушах – серьги-висюльки. На ногах серебристые босоножки. Они с Семкиным должны были разыграть шуточный номер-пародию на Шекспира – «Димон и Отелла».

Зазвонил сотовый. Николай!

Ульяна замерла.

– Да!

– Скажи, пожалуйста, мы с тобой о чем договаривались, когда поженились? Никаких скандалов. А ты, оказываясь, мужика какого-то заимела. Мне по электронке некие снимки прислали, где ты с ним в обнимку лижешься. Завела себе трахальщика и выставила меня полным чмо!

– Это все Светлана подстроила? Она украла у меня снимки и передала тебе! А ожерелье она не отдала?

– Какое ожерелье?

– Вы все из меня дуру делаете! Жемчужное ожерелье. А твои драгоценности, которые ты мне дарил, она что, решила себе оставить?

– Светлана тут ни при чем!

– Ну да, конечно, так я тебе и поверила... Ишь, какая хитрая, решила пока не светиться – по электронке компромат отправила. Хочет быть перед тобой белой и пушистой!

– С кражей разберемся потом. А ты лучше бы за своим Семкиным смотрела. Он опять вчера приходил ко мне – деньги на спектакль клянчил.

– Послушай, Николай... А... а тебе никаких требований в связи со снимками не предъявляли? – упавшим голосом спросила Ульяна.

– Нет! – рявкнул Николай и повесил трубку.

Внезапно мысли Ульяны приняли совсем другое направление. А... а если тут не в Светлане дело? Какой-то уж очень озадаченной выглядела она, когда Ульяна напирала на нее. Но если не она, то... вот сволочь Семкин! Сделать слепок с ключа он вполне мог. Был же несколько раз у нее дома. Или подобрал похожий ключ. Он еще тот аферист и жулик! Ульяна не сомневалась в его криминальных способностях. Признался же бывший муженек ей однажды, что в молодости, когда не было денег, пару раз спер у граждан кошелек из кармана. Да, Семкин на все способен! А сейчас денег на свои бредовые проекты нигде достать не может... Ульяна наотрез отказывалась просить мужа выступить спонсором. На фиг ей надо! Вот он и разозлился на нее, решил иначе свою проблему. Открыл дверь, украл деньги и драгоценности. А снимки прихватил с одной целью: чтобы шантажировать Николая. Или чтобы продать «желтой» прессе. Подороже.

– Ульяна! Твой выход! – крикнул режиссер программы Никита Сологуб.

– Иду! – откликнулась она и помахала рукой.

Семкин уже ждал ее на съемочной площадке, под камерой.

– О мой Димон! Где ты был вечером? – выпалила в кадр Ульяна, извиваясь в узком платье.

Семкин лежал посередине большой белой кровати и стонал, как с похмелья.

– Я? С друзьями в бане. Пиво пил!

Зазвучала музыкальная разбивка.

– Слушай, урод, – горячо зашептала Ульяна. – Твоя работа? Влез в мою квартиру, обокрал. А теперь еще отправил мои фотки мужу! И все за то, что я послала тебя подальше вместе с твоими прожекторами?

– Я? Что ты мелешь? – На лице Семкина отразилось страшное удивление. Но Ульяна не обманывалась.

Актер он еще тот!

– Ответь мне честно! – зашипела Ульяна. – У тебя совесть есть или все-таки ее нет?

– Чокнутая!

– Семкин, признавайся! Хуже будет!

Музыка кончилась. И «Димон» продолжил уже по сценарию:

– Я на сторону не хожу. Одну тебя, Отеллочка, люблю!

Во время следующих пауз Ульяна пыталась расколоть Семкина, но тот все отрицал. Женщина

распалялась все больше и больше. В заключительном эпизоде она с радостью кинулась душить Семкина.

– А... а... а... – хрипел бывший муж.

– Будешь говорить?

– А... а...

– Все отлично! – крикнул режиссер. – Сильно сыграли. Молодцы!

Ульяна нехотя разжала пальцы.

Обалдевший Семкин вертел головой.

– Кукукнутая. Хорошо, что я с тобой развелся.

– Тебя я бросила. Подумай, Семкин. Не вернешь украденное – пеняй на себя. Ты меня знаешь.

Семкин умчался от нее по коридору.

А Ульяна поспешила в гримерку. Настроение – хуже не бывает. Ну, попала в переплет. Да еще в какой!

Она расплакалась. Семкин, козел, не хочет признаваться в краже... Что же делать? Ульяна решила поехать к Анжелике. Тем более та приглашала. А что, и правда, посидит у подруги, расслабится. У Анжелики всегда в наличии обалденная выпивка. Ликеры там всякие, вина элитные. Напьется, и легче станет. Хоть на время.

Ульяна поймала машину и назвала адрес подруги. Анжелика жила в старом доме, где раньше были коммуналки. Постепенно дом расселили, и в нем раскупили квартиры богатые люди. Лифта в пятиэтажном доме не имелось. Приходилось подниматься пешком. Ульяна шла медленно, держась за перила. Анжелика жила на последнем этаже. Внезапно она услышала два голоса. Мужской и женский. Женский принадлежал Анжелике. Мужской... Ба, да это же дизайнер! Юрий Капков! А он-то что здесь делает? Судя по нервному смеху Анжелики, она была пьяна и никак не могла попасть ключом в замочную скважину.

– Представляешь... – хихикала Анжелика, – скоро мы получим кучу бабок за снимки! Он не захочет скандала в «желтой» прессе.

– И тогда мы поженимся, – гудел Капков. – Ты мне обещала.

– Куда нам торопиться? Нам и так хорошо! И без штампа в паспорте.

Ульяна стрелой взлетела с третьего этажа на пятый.

– Ну ты и сволочь, Анжелка! Ты что натворила, дрянь паршивая? Теперь я все поняла. Ты мне завидовала и хотела разбить мою личную жизнь. Хотела поссорить с Николаем. Все подталкивала меня поговорить с ним насчет любовницы. Устроить скандал. А когда у меня появился Андрей, обливала грязью его. С головы до ног! И зарплата у него не та, и сам он не тот... Мы с тобой общались практически каждый день, и ты знала мой распорядок дня. Когда дома бываю я, когда Наташа. Ты и подговорила эту мразь обокрасть меня! – Она ткнула пальцем на Капкова. – Рассказывай, как ты все проделал!

Дизайнера, казалось, вот-вот хватит удар. Побледневшая Анжелика стояла и, ни слова не говоря, смотрела на Ульяну.

– Ну что вы молчите? Давайте зайдем в квартиру и поговорим. – Произнося последние слова, Ульяна резко обернулась к Анжелике. – И не вздумайте ничего сделать со мной! Наташа в курсе, куда я пошла.

В коридоре Ульяна ткнула пальцем на Капкова.

– Давай выкладывай!

– Я... я... сделал слепок с ключа... А потом вошел в квартиру и...

– Все ясно, можешь не продолжать. Анжелика тебя науськала. – Теперь Ульяна смотрела в упор на заклятую подружку. – Конечно, ты завидовала моим деньгам. Николай был слишком богат, чтобы ты могла спокойно пережить мой успех. А когда появился Андрей, стала завидовать моей любви. Сама-то ты даже понятия не имеешь, что это такое! Думаешь, Юрик, она бы вышла за тебя замуж? Ха-ха-ха! Черта с два! Анжелику интересуют исключительно мужчины с солидными банковскими счетами... Какие же вы сволочи! Решили все свалить на Наташу, зная, что она будет подозреваемой номер один.

Ульяна прошла в большую комнату, продолжая говорить, как бы рассуждая вслух:

– Я как-то не подумала, что жемчужное ожерелье настоящего грабителя вряд ли бы заинтересовало. Слишком дешево по сравнению с другими похищенными вещами. Оно дорого только мне. Как подарок Андрея. Наверняка Анжелика велела взять его, просто чтобы сделать мне больно. Да-да, больше всего им нужен был альбом со снимками и ожерелье. Подруженька моя ведь видела альбом, знала, что он существует... А все остальное украли для отвода глаз. Чтобы спихнуть кражу на Наташу...

Сообразив, что к чему, Ульяна остановилась посреди комнаты, устремив гневный взгляд на Анжелику:

– Как же ты хотела мне подгадить, подружка! Быстренько снимки Николаю отправила. Чтобы мы разошлись со скандалом. И он отобрал бы у меня квартиру. Не случайно ты поинтересовалась: оставит ли он мне квартиру... Подсутилась! Хотела, чтобы я несчастенькой стала. Ты все время мне говорила, что я в полном шоколаде... Так вот. Ничего у тебя не получится. Я буду счастливой! А тебе вместе с твоим

сообщником придется в тюрьме посидеть.

– А я здесь при чем? – заявила вдруг Анжелика нагло. – Воровал он, я в стороне.

– Как так? – подал тут голос дизайнер.

– А так... Доказательств никаких нет. Стало быть, и дела нет.

– Ну и стерва ты, Анжела! Где, кстати, все украденное?

Анжелика внимательно посмотрела на нее.

– Слушай, а может... Может, я тебе вещи и снимки... И... замнем инцидент? Насовсем.

Ульяна задумалась.

– Ну как? – Анжелика по-прежнему не сводила с нее цепкого взгляда.

Ульяна подошла к бару и налила себе в фужер коньяку. Залпом выпила.

– А ладно, черт с тобой. Давай.

– Но ты... не проговоришься?

– Нет.

Анжелика вышла в соседнюю комнату. Потом появилась со свертком в руках.

– Вот.

Ульяна просмотрела содержимое.

– Все правильно.

Уже в дверях она обернулась, достала что-то из сумочки, повертела в руках, усмехнулась.

– А это ты видела?

– Что это?

– Миниатюрный диктофон. Я его все время с собой таскаю. А то журналисты наскокивают на меня, задают дурацкие вопросы, а потом приписывают мне то, чего я и не говорила. Удобная вещь. И полезная.

– Юра! – крикнула Анжелика.

Дизайнер рванул к Ульяне. Но она была начеку. И врезала ему изо всех сил ногой в пах.

– А... – раздался дикий вопль.

– Спокойно, беби, спокойно!

И Ульяна быстрым шагом, чуть ли не бегом, спустилась с лестницы.

В аэропорту Ульяна сразу заметила Андрея и стала подпрыгивать, взмахивая руками.

От волнения ей стало жарко, и она расстегнула пальто.

Андрей подбежал к ней и, подхватив, закружил. Потом бережно опустил на землю.

– Как будто сто лет тебя не видел! Так соскучился!

– Я тоже.

Он дотронулся до ее шеи.

– Мне так нравится видеть на тебе это ожерелье.

Ульяна спрятала лицо на груди у Андрея.

– Здесь, я смотрю, прохладно, – тихо произнес он. – В Италии сейчас плюс двенадцать.

– Только сегодня, – проговорила счастливая Ульяна. – А так все дни было солнечно. Но завтра, Восьмого марта, обещают солнце и без осадков.

– Да что мы с тобой, как старики, о погоде... – встрепенулся Андрей. – Я тебе говорил, что у меня сюрприз для тебя?

– Говорил.

Андрей достал из кармана маленькую коробочку.

– Открой.

Ульяна подняла крышечку.

Внутри на бархате лежало кольцо с бриллиантом.

– Бирулин! Так ты что, мне таким образом предложение делаешь?

– Угадала. Разводись со своим мужем и выходи за меня замуж.

Ульяна молчала.

– Ну как? Чего ты молчишь?

– Вообще-то я согласна. Но повтори свои слова еще раз. Вдруг мне они слышались.

Анна Данилова

Искушение

– Ну, как она там? По-прежнему? Обо мне и слышать ничего не хочет? Понятно... Ладно... Давай так. Снова собери ей продукты, принеси, скажи, что от тебя, что ты – подруга и не можешь не помочь ей в трудную минуту... Я это уже говорил? Да я все понимаю... Но что могу поделать? От меня-то она все равно ничего не примет... И еще, Аля, не забудь про гранаты... Ты же говоришь, что она болеет, что у нее постоянно что-то болит, что она по-прежнему прихрамывает... Господи, я же мог бы отвезти ее к лучшему хирургу... И как это ее угораздило подвернуть ногу? Неужели она не понимает, что в таких делах медлить опасно? Сколько это уже продолжается? Три дня?... Не расстраиваться? Что-нибудь придумаешь? Да разве тут можно что-нибудь придумать?! Я уже себе голову сломал надо всем этим... Все понимаю умом, но поделать ничего с собой не могу... Ну что, все? Договорились?

...Произнося последние слова, Сергей Николаевич Борисенко уже осознавал, что находится в машине не один, что, помимо водителя, рядом с ним сидит его брат Григорий, человек хоть и близкий ему и понимающий, но все равно продолжающий придерживаться своих принципов.

«Мерседес» плавно двигался вдоль Садового кольца, водитель в душе молил бога о том, чтобы та пробка, которую они только что пережили, была на их пути последней.

– Сережа, я понимаю, что с тобой давно уже бесполезно разговаривать на эту тему. Больше того, что эта тема для тебя болезненная, но все равно скажу... Просто не могу сказать. Ты ведешь себя как тряпка. Твоя жена ушла от тебя к другому, понимаешь? Она тебя бросила. Оставила все, понимаешь, все, ради чего другие женщины готовы на все, – на унижения, предательство, даже на преступления...

– В том-то и дело, что она все бросила... – нервно произнес Сергей Николаевич. Русоволосый, с бледным лицом и большими карими глазами, мягкими движениями и внешне выглядевший много моложе своих лет (ему недавно исполнилось сорок), Сергей Борисенко тем не менее, руководя большим количеством людей, умел при всей своей внешней незащищенности и неуверенности быть строгим и подчас даже жестоким. Но только не по отношению к своей жене... Бывшей... Бывшей ли? Они же так и не успели развестись...

– Сережа, она все бросила ради похоти, неужели ты не понимаешь? Она словно сорвалась с цепи... Она же ушла с этим негодяем прямо с дня рождения Вити Караваева, на глазах у всех. На твоих глазах!.. Я, правда, не видел, но мне рассказывали: он увел ее прямо за руку... она была словно парализована... Она что, не понимала, что бросает тебя? Что обратного хода не будет? Что она своим уходом наплевала тебе в душу?! Ты для нее сделал все, она жила, как... как я не знаю кто... Могу представить себе, сколько ты положил на ее счет... Да она в роскоши купалась, ела, можно сказать, с золотых тарелок...

– Я справлялся, с тех пор она не взяла со своего счета ни рубля, – кротко заметил Сергей. – И это при том, что та скотина ее бросила, что Люба голодает, что она болеет... Она прихрамывает, представляешь? И вообще, эта ее подруга, с которой я сейчас говорил...

– Кассирша, что ли, с которой твоя любимая работала в супермаркете? – усмехнулся Григорий.

– Да... Аля говорит, что Люба находится в глубочайшей депрессии, что она на грани, понимаешь?!

– А ты как думал? Слишком уж разительный контраст... Сначала жить с тобой, как у Христа за пазухой, а потом упасть ниже некуда, стать нищей, снимать квартиру...

– Да вот еще и квартира... Она задолжала за три месяца... Аля говорит, что ее могут выгнать, если она не найдет денег. Но если она ей даст эти деньги, то это будет выглядеть противоестественно. Откуда у простой кассирши тысячи долларов?

– Значит, переедет в более скромную квартиру.

– Сейчас сложно найти дешевую квартиру.

– Пусть ищет коммуналку.

– Какой же ты жестокий, Гриша! – воскликнул в сердцах Сергей. – Ты же раньше любил Любу, восхищался ею, говорил, что она – сама доброта, что мне повезло с женой... Скажи, ты говорил так? Говорил?

– Не цепляйся за воспоминания. Это было давно и неправда. С тех пор прошло хоть и не так уж много времени, но многое изменилось... Твоя жена изменилась. Она предала тебя. Она изменила тебе с другим, она променяла тебя, человека порядочного, любящего, на какого-то бродягу... Я так и не понял, откуда он взялся... Не удивлюсь, если узнаю, что он положил на нее глаз еще раньше... перед днем рождения Караваева и что он подбивал к ней клинья исключительно потому, что она – твоя жена... Думаю, что он и бросил ее только потому, что она отказалась просить у тебя денег для него...

– Наконец-то ты понял это.

– Да все об этом говорят.

– Меня не интересует, кто и о чем говорит. Я хочу, чтобы она вернулась ко мне. Но ее, как говорит Аля, мучают угрызения совести, она испытывает чувство вины... А я знаю Любу – она не вернется... И пропадет...

Сергей вздохнул и вцепился пальцами в портфель. Отвернулся к окну. Майское солнце играло в витринах открывающихся магазинов, сверкало в стеклах проезжающих мимо машин... Москва оделась в пышную нежную зелень, попадавшие в поле его зрения женщины выглядели празднично, свежо... Он представил себе Любу, одиноко бредущую по тротуару и прихрамывающую... Какую же ножку она себе повредила? Правую или левую? Он забыл спросить у ее подруги... У Любы такие красивые ноги, и вся она такая беленькая, стройная, нежная... Что с ней случилось в тот вечер? Почему она ушла с тем парнем? Может, и правда испытала к нему сильное сексуальное чувство? Но она никогда прежде не была страстной, хотя и старалась отвечать на его чувства... В ней было так много нераскрытости, стыдливости, и это ему так нравилось... И вообще, он был ее первым и, как он считал, единственным мужчиной. Они прекрасно жили два с половиной года... Пока не случился этот проклятый день рождения... И хотя прошло уже полгода с того времени, как Люба ушла от него, он никак не мог выбросить из головы то счастливое время, что они прожили вместе. После женитьбы все изменилось в судьбе молодого, известного в Москве архитектора Сергея Борисенко. Его жизнь, прежде наполненная исключительно работой, теперь была разделена на две части, первую из которых занимали дела, вторую – его тихая и ласковая жена Люба, его отношения с ней, приятные семейные заботы, обустройство новой квартиры и бесконечное тепло, переполнявшее теперь его существование. Его тянуло домой, ему хотелось как можно скорее оказаться рядом с женой, ужинать вместе с ней, разговаривать, лежать с ней на диване перед телевизором, мечтая о детях или покупке загородного дома... Нравилось ему делать ей подарки, он испытывал подлинный восторг, когда ему удавалось угодить ей, доставить радость. Он мог подолгу целовать ее бледно-розовые теплые губы, играть ее тяжелыми каштановыми волосами, обнимать ее в темноте, крепко прижавшись к ее ставшему таким родным телу. Сам не искушенный в физической любви, он постигал эту приятную науку с наслаждением, и ему казалось, что и Любе доставляет это удовольствие, что и она вместе с ним каждый раз открывает для себя что-то новое, прежде не изведенное... Они как повзрослевшие дети учились любви...

Теперь же, вспоминая об этом, он почему-то испытывал жгучий стыд и связывал это с чувством вины: а что, если он сам во всем виноват и Любе не хватало чего-то большего в интимной жизни? Только в этой сфере их отношений Сергей испытывал неуверенность (причем, именно в силу своей неопытности), поскольку во всем остальном Люба должна была быть счастлива. Они были молоды, здоровы и очень богаты. Перед ними простиралась долгая и счастливая жизнь... Так что же произошло тем вечером на дне рождения Вити Караваева, чем так заморозил, примагнитил к себе нежную и не искушенную в любви Любу парень, имени которого так никто и не вспомнил? И как он вообще оказался на той вечеринке? Караваев потом клялся, что видел его у себя вообще первый раз... Сошлись на том, что этот незнакомец с жгучими черными глазами и длинными волосами – проходимец...

– Радуйся, – сказал ему как-то Виктор на ухо, обдавая коньячным духом (друзья ужинали в ресторане, изливая друг другу душу), – что он Любу твою не раздел и не ограбил, а потом зарезал прямо на лестнице, что она вообще жива... Она же вся сверкала бриллиантами в тот вечер...

Вот Витька – единственный, кто поддерживал его, кто понимал его страдания и не осуждал за мягкотелость и готовность простить сбежавшую жену.

– Из всех зол всегда следует выбирать меньшее, – похлопывал он Сергея по плечу. – Это она сейчас не может к тебе вернуться, а потом вернется... Все принципы рано или поздно упрутся в голод, а голод – это, скажу я тебе, страшная вещь...

И хотя он был прав, Сергею все равно было неприятно, что разговор о голоде идет применительно к его жене, Любе, что это она голодает, что она брошена, что у нее долги...

Это люди Виктора Караваева разыскали Любу, узнали, где она снимает квартиру (причем одна), что работает кассиршей (!!!) в расположенном рядом с ее домом супермаркете. Сергей поехал к Любе, но когда

она, открыв дверь, увидела его, тотчас захлопнула ее... Они разговаривали через дверь, тихо, как очень близкие, но расставшиеся навсегда люди... Он говорил, что готов принять ее, что простил и хочет, чтобы они снова жили вместе. Люба же тихо плакала за дверью и говорила, что ей стыдно и что она никогда не вернется к нему, что она должна заплатить за свою ошибку, за предательство и что после всего того, что она натворила, между ними все равно уже никогда не будет тех, прежних, отношений, которыми они вместе когда-то дорожили... И что это справедливо, что она живет теперь так, как живет...

Он приходил потом еще раз, знал, что она дома, но она так и не открыла дверь... А позже, познакомившись с ее подругой Алей, которая время от времени навещала Любу, Сергей, чувствуя, что с женой происходит что-то нехорошее, опасное (к тому времени он уже знал, что Люба не ходит на работу, возможно, болеет), попросил помочь ему передавать Любе хотя бы продукты и лекарства.

– Ей нужны успокоительные средства, – призналась Аля.

Сергей нашел ее в супермаркете, за кассой – на своем рабочем месте. Говорили быстро, поскольку была очередь.

– Вот, это продукты, которые ей надо передать... Что еще? Может, деньги?

– Она может догадаться, – закатила глаза Аля, маленькая полненькая брюнетка с усиками над верхней губой. – Нет, продукты я ей так и быть принесу, скажу, что от меня лично... Как и всегда. А вообще-то у нее депрессия. Она говорит только о вас, о том, что...

Но она так и не успела договорить. Очередь возмущалась, да и невозможно было дальше продолжать этот разговор в присутствии посторонних людей. Ярко освещенный огромный супермаркет напоминал гигантский аквариум с плавающими в нем разноцветными фигурками... И что-то праздничное и вместе с тем неестественное было в этом обилии красок, света, шума... Особенно рябило в глазах возле стеллажей с фруктами. Апельсины резали глаза своей флюоресцентной оранжевостью... Сергей снова сделал круг, толкая впереди себя корзину, и вновь оказался возле кассы...

– Вот, гранаты... можно ваш телефон, Аля?

Она быстро нацарапала на клочке бумаги номер и протянула ему.

– Она очень плоха... Но я постараюсь убедить ее в том, что вам надо хотя бы встретиться и поговорить... нормально, как цивилизованные люди... Поверьте, мне ее и вас искренне жаль... Знаете, – добавила она шепотом, – у нее волосы начали выпадать...

...Он очнулся. Григорий что-то говорил ему, но он никак не мог воспринять смысл его слов.

– Сережа, что с тобой? У тебя лицо белое как бумага, – Гриша внимательно посмотрел на брата. – Тебе плохо?

– Нет, нормально. Только горло болит. Глотать больно. Проклятье...

– Я-то думал, что у меня брат – здравомыслящий человек... Ты оглянись только! Посмотри, какое восхитительное утро! Весна, брат! Какой воздух...

– С воздухом ты явно перебрал... – сухо заметил Сергей. – Где это ты в Москве, да еще и в самом ее центре, нашел свежий воздух?

– Все равно... Небо какое... нежное, голубое...

– Не старайся... Из тебя все равно бы не вышел поэт.

Они приехали на место. Машина подрулила к вычурному, украшенному лепниной бледно-желтому особняку – офису архитектурно-строительной фирмы, которой руководил Сергей.

Выйдя из машины, он задрал голову вверх – ярко-голубое небо, насыщенное солнечным светом, ослепило его...

– Какое холодное солнце, – сказал он сам себе и быстрым шагом направился к крыльцу. Григорий едва поспевал за ним...

«Почему они все на меня смотрят? Неужели я стала такой заметной и все видят, что мне худо, что я стала такой слабой да к тому же еще и хромой?»

Она шла, как ей казалось, быстро. Но на самом деле медленно. И каждый шаг давался с трудом. И если тело не хотело слушаться, то разум был ясным, как и этот чудесный день, наполненный солнцем... А разумом она понимала, что дальше так продолжаться не может, что непозволительно вот так выставлять

себя жертвой, чтобы люди испытывали к тебе исключительно жалость. Зачем Аля таскает ей продукты? Неужели она не верит в то, что она, Люба, выйдет на работу, что она в состоянии работать, тем более что на кассе ей не придется особо-то напрягаться физически, там важна сноровка и реакция... Вот! Реакция. А она у нее в последнее время стала запоздалой. А люди не любят ждать, они нетерпеливые и грубые. Им подавай здоровых кассирш, у которых свертки и пакеты мелькают в руках, как будто бы они не живые женщины, а роботы. Штрих-коды. Мазнул малиновой светящейся полоской по штрих-коду – и готово дело! Пусть ты устала, пусть к вечеру чувствуешь себя мерзко и не хочется ничего из того, что проходит через твои руки, особенно еды, но все равно ты возвращаешься домой с чувством того, что ты – такая же, как и все, и что тебе тоже положены какие-то честно заработанные деньги. Без денег же никуда, они необходимы не только для того, оказывается, чтобы тратить их в свое удовольствие, а чтобы просто выжить: чтобы было чем заплатить за жилье, чтобы купить самую простую еду...

Надо работать, работать... А для этого неплохо было бы доковылять до супермаркета, разыскать Алю и попросить ее устроить ей встречу с Валентиной Николаевной, той самой, что принимала ее на работу в первый раз. Приятная и толковая женщина. Они всегда нормально ладили. А то, что Любе пришлось неожиданно уйти с работы, – так кто от этого застрахован. Сегодня здоровье есть, завтра – нет его...

Главное, добраться до супермаркета... Почему так трудно дышать? И отчего слезы струятся из глаз? Так нестерпимо бьет в глаза солнце, словно испытывая ее терпение, ее выносливость...

И эти нелепые деревья, разряженные в пух и прах... А запахах... Запах тонколистных молодых тополей, и эти прозрачные длинные тени, дробящие солнечные потоки... Какое сегодня число? А год? А месяц?

Какие-то женщины, стремительно пронесшиеся мимо нее в цветастых платьях, напоминающие бабочек, на мгновение словно окаменели и воззрились на нее не сговариваясь, словно увидели что-то непонятное, невероятное, не поддающееся объяснению... Ну не три же глаза у нее... И лицо не зеленого цвета, не синего... Она смотрелась сегодня утром в зеркало: бледное осунувшееся лицо с небольшой угревой сыпью... У нее явно нарушен обмен веществ, это вполне естественно в ее состоянии... Она плохо питается, плохо спит, вернее, почти совсем не спит...

– Девушка, вам не холодно? – услышала она над самым ухом и вздрогнула. И тотчас раздался дружный смех обогнавших ее подростков, стайка которых тотчас же скрылась за углом дома...

Она остановилась напротив зеркально переливающейся витрины, чтобы посмотреть в свое отражение и понять, чем же она так привлекает внимание прохожих, и когда увидела, то чуть не захлебнулась собственным криком... На нее смотрело странное существо, закутанное в потертую кроликовую шубку, ноги засунуты в короткие замшевые красные сапоги, на руках – черные перчатки. А на голове – и это самое удивительное и страшное – синий берет с брошкой.

Она зажмурилась... Что с ней происходит и как она могла так нелепо и по-зимнему одеться, да еще и в солнечный теплый майский день?! Неужели она сходит с ума? И в таком виде она вышла из дома как раз в тот самый день, когда ей пришлось в голову начать новую жизнь и заняться поисками работы? Что же делать? Возвращаться домой, чтобы переодеться (но тогда, если она вернется, дороги не будет, и ей уже не надо будет снова отправляться в супермаркет устраиваться на работу – если верить приметам, ей все равно не повезет), или же снять с себя эту чудовищную, страшную, побитую молью шубу (доставшуюся ей по наследству от прошлых жильцов квартиры) прямо здесь, на улице, а также переобуться и купить в ближайшем магазине легкую обувь? Но где взять деньги?

Она стояла так и раздумывала, пока не увидела Алю. Та находилась неподалеку, в тени большого тополя, и кормила собаку. Залитая солнцем, во всем розовом, Аля, устроив два больших пакета на асфальте, не спеша, с удовольствием бросала двум бродячим отощавшим псам печенью. «Вот и я, наверно, выгляжу, как эти собаки...»

– Аля! – крикнула Люба, и на этот окрик ушло так много сил, что голова ее закружилась.

Та уронила печенью, увидела Любу и сразу же, подхватив пакеты, двинулась с улыбкой ей навстречу.

– Люба, что ты здесь делаешь? – И тут же, вероятно оценив ее наряд, нахмурилась и даже как будто бы хотела отвернуться, чтобы не видеть ее. – Люба... что с тобой? Почему ты в шубе?

– Не знаю... – чуть не плакала Люба. – Не понимаю, что со мной... Как будто бы и не было этих последних месяцев и я вышла в шубе по инерции... Словно на улице зима... Я хотела найти тебя и попросить устроить меня обратно, в супермаркет... Я не могу одна сидеть дома... Я должна работать... Я должна что-то делать, жить, ты понимаешь?!

– Ладно, разберемся... Пойдем.

Они вернулись домой. Взмокшая и ослабевшая, Люба сняла с себя шубу. Повесила ее на вешалку, разулась, прошла в комнату и рухнула в кресло. Убогая квартира с потемневшими, кофейного цвета обоями и продавленным диваном с коричневой обивкой. Пожелтевшие от времени занавески на высоком узком

окне.

– Это продукты... Тебе надо хорошенько поесть, а потом мы с тобой не спеша решим, как тебе жить дальше... – Аля энергичными движениями выкладывала из пакетов продукты. – И в следующий раз, прежде чем тебе выходить на улицу, смотришь в зеркало.

– Скажи, я что, на самом деле сошла с ума? – шепотом спросила Люба.

– Нет. Просто ты скучаешь по своему мужу, вот и все, – следуя своему убеждению, подкрепленному ее договоренностью с Сергеем, уверенно проговорила Алевтина, внутри себя радуясь тому, что делает правое дело, спасает человека. – И стоит тебе только принять решение, как сразу все переменится, ты увидишь, как мир засверкает вокруг тебя радужными красками, ты вздохнешь полной грудью и поймешь, что воздух-то на улице сладкий, что весна, что наступила пора любви, а не депрессии... И что депрессия, из которой ты пока никак не можешь выбраться, – всего лишь временное явление, и что только от нас самих зависит, как мы будем жить завтра...

– Да ты философ, – заметила Люба. – А к мужу я все равно не вернусь. И не потому, что боюсь его или еще чего там... нет, все гораздо хуже. Я люблю его, но поняла это слишком поздно... Если бы ты только знала, какой он... Да если бы он только увидел меня сейчас, в каком я состоянии, он бы взял меня на руки, принес домой... Искупал бы в ванне, накормил бы меня...

Она тихонько заскулила.

– Он честный, порядочный человек, а я... я – ничтожество...

– Ты что, с ума сошла? – замахала руками Аля.

– Ну сошла, и что дальше?

– Я не в том смысле... Разве можно так говорить о себе? Ведь если ты не будешь любить себя, то и другие тебя тоже не будут любить... Это же азбука!

– Но что поделать, если я себя на самом деле не люблю?

– А ты полюби себя... Сначала поешь вот... Гранаты... Они очень полезны. Бутерброд, хочешь, я тебе сделаю?

– Ты столько денег тратишь на меня... Когда я с тобой расплачусь?

– А ты радуйся. Ведь это говорит о том, что я верю в то, что ты скоро поправишься, устроишься на работу, заработаешь и вернешь мне... Мы же с тобой подружки...

– Как бы мне хотелось сделать что-нибудь приятное для тебя... Думаю, сделав тебе подарок, я получила бы огромное удовольствие... Там, в моей прежней жизни, я часто делала подарки подругам...

– И где они сейчас, эти твои подружки? – Аля бросила презрительный взгляд в окно, словно подружки столпились где-то там, под окнами.

– Они-то остались, это меня нет. С ними все в порядке, в отличие от меня. Они-то своих мужей не предавали, напротив, они держатся за них и очень крепко... и, думаю, продолжают держаться... После того, что я натворила, разве могла я отвечать на их звонки, что-то объяснять? Тем более что я до сих пор не могу понять, как так могло случиться, что я поцеловалась с этим Эролом в ванной комнате у Караваева...

– Я вот никак тоже не пойму: ты что, тогда много выпила, что ли?

– Не знаю...

– А может, этот Эрол твой подсыпал тебе что в стакан?

– Тоже не знаю... Но только мне вдруг стало как-то легко на душе, смешно... я даже смутно помню, как вышла с ним на лестничную площадку, как целовалась, а потом мы спустились с ним на лифте вниз, взяли такси и приехали сюда...

– А что потом?

– Утром его уже не было. И колец моих тоже... И колье...

– Он ограбил тебя, и никого ты не предавала... Думаю, этот тип нарочно пришел к Караваеву, чтобы снять какую-нибудь дамочку, усыпанную драгоценностями... Он сидел рядом с тобой?

– Да... Конечно, иначе как бы мы познакомились?

– Послушай, мы уже говорили с тобой об этом... Я понимаю: для тебя это неприятные воспоминания, но я хочу сказать тебе об одном – ты ни в чем не виновата... Этот Эрол (ну и имечко! Наверняка он его выдумал!) подсыпал тебе в вино или сок что-то такое, после чего ты перестала отвечать за свои поступки...

– Да какая теперь разница.

– Большая! Если ты не виновата, значит, тебе не должно быть стыдно возвращаться к своему Сергею.

– А откуда ты знаешь, как зовут моего мужа? – Люба повернула голову и внимательно посмотрела на подружку. – Ты что, с ним знакома?

– Люба, ты же сама сколько раз упоминала его имя... – Аля говорила чистую правду.

– Ну и ладно... Все равно... ничего уже не вернуть...

– Тебе надо было вернуться сразу же после того, как ты пришла в себя...
– Но разве он поверил бы мне, что между нами ничего не было? Что он привез меня сюда, ограбил и исчез так же внезапно, как и появился...
– А хозяйка квартиры? Она что-нибудь о нем знает?
– Нет. Она, когда увидела меня, подумала, что мы с ним вместе, и потребовала плату... Ей все равно, кто и с кем живет... Она даже имени его не знает... Я же не могла ей сказать, что не имею к нему никакого отношения, что меня сюда просто привезли, как овцу на заклание...
– Хорошо еще, что он не изнасиловал тебя.
– У меня были брильянты.
– Но ты все-таки как-то продержалась некоторое время, платила за квартиру, чем-то питалась...
– У меня на ноге была платиновая цепочка и заколка для волос была тоже из белого золота, усыпанная настоящими рубинами... Эрол, вероятно, подумал, что это обычная дешевая заколка... Словом, он увидел то, что увидел... Ладно, хватит об этом... Я устала... Аля, спасибо тебе за все... Как говорит Сергей: Родина тебя не забудет...
Подруги обнялись.
– Я эгоистка страшная, мы постоянно говорим только обо мне... А что у тебя? Как дела? Помнится, у тебя были долги... Ты ремонт закончила?
– Еще нет, но долги растут, – искренне призналась Аля, совершенно забыв о том, что она привезла подруге продуктов на довольно большую сумму. При долге в три тысячи долларов благотворительностью заниматься затруднительно. Но и раскрываться, признаваться в том, что все это купил для нее Сергей, она тоже не имела права.
– Аля... Ты моя хорошая... – прослезилась Люба. – И ты при таких долгах покупаешь мне икру... Интересно, сколько она сейчас стоит?... Подожди... Одна баночка, помнится, в нашем супермаркете стоила тысячу рублей.
– Нет, это подешевле будет, моя знакомая привезла из Астрахани... – порозовела не привыкшая лгать Аля.
– Ладно, даст бог – расплачусь.

Аля вдруг вспомнила, что ей надо срочно домой, что должен прийти мастер-сантехник, что она опаздывает. Уже в передней, прощаясь, она пообещала поговорить с Валентиной Николаевной, чтобы Любу восстановили на работе, и уже за минуту перед тем, как уйти, не выдержала и сказала:

– Я с парнем одним познакомилась... Приятный такой молодой человек... Пригласил меня в субботу на свидание, а мне пойти не в чем, представляешь? Пересмотрела весь свой гардероб и поняла, что совершенно не готова к свиданиям... Раньше-то как было? Работа – дом, дом – работа. А сейчас мне надо выглядеть... У меня только джинсы, майки, свитера... Ну ладно, что-нибудь придумаю... А ты держись... Все, я пошла...

Она поцеловала Любу и ушла.

И с ее уходом квартира словно умерла. Стало так тихо, нехорошо, словно в дом снова вернулась болезнь...

Сон пошел ей на пользу. Она проснулась в три часа дня. Квартира наполнилась душным желтым солнцем. Люба поднялась, подошла к окну и распахнула его. И тотчас в комнату хлынул свежий, живой воздух. Она вздохнула полной грудью... Потом встала на стул и сняла грязные занавеси, собрала все, что показалось ей несвежим (кухонные полотенца, носовые платки, салфетки), и сунула в корзину с грязным бельем.

Окна помыла простой теплой водой и вытерла насухо при помощи старых газет. Не понадобилось ничего из той рекламируемой химии для мытья окон, чем пользовалась в свое время ее домработница... И стало легче дышать. Потом она прибралась на кухне, вычистила плиту...

Когда в подъезде мальчишки рванули петарду, она выронила кастрюлю... Та упала со страшным грохотом на пол... Откололся кусок эмали... Мысленно она купила и новую кастрюлю, и новую сковородку, потом мысль плавно перетекала к Але, так захотелось сделать ей что-то хорошее, полезное, купить ей, к примеру, красивое платье, туфли... Сколько же платьев и красивой обуви осталось в ее прежней жизни, в прежней квартире, прежнем шкафу... Сейчас же в старом желтом шкафу аккуратной стопкой лежало две пары джинсов и свитера, свитера... Она вспомнила Алю, у которой гардероб был примерно таким же...

Только в отличие от Любы она жила в собственной квартире, доставшейся ей в наследство от тетки...

Люба вышла с мусорным ведром из квартиры, оставив ее приоткрытой, поднялась на один лестничный марш вверх – к мусоропроводу. Навстречу ей спускался молодой мужчина в джинсовой кепке, надвинутой на глаза. В руках – кричащий, ярко-красный пакет.

До мусоропровода она не дошла, остановилась, уставившись на лежащего ничком на полу, на черно-белых, шахматных плитках пола, залитого большой лужей крови, человека. Спутанные грязные волосы, джинсовая одежда, потертые коричневые башмаки. Кровь была свежей, не успела затянута пленкой. Его только что убили. И ей почему-то было не страшно. Удивительное дело (мысль ее стремительно летела куда-то, навстречу какому-то логическому объяснению), ей не страшно потому, что все самое страшное ей пришлось пережить в стенах этой ужасной, старой, пропитанной запахами беды и подгоревшего лука квартире... Больше того, она почувствовала в себе прилив сил. Он, этот несчастный, был убит и не дышал... Она опустилась перед ним на корточки и положила палец на шею... Потом потрогала место на руке, где мог бы прощупываться пульс... Он был мертв. А она, Люба, была еще жива... Этого человека застрелили, а она, по сути, здорова. У нее ничего не болит... Но должна же она сделать что-нибудь для этого несчастного! Хотя бы вызвать милицию, чтобы по горячим следам схватили преступника, скорее всего, это тот самый парень в надвинутой на глаза джинсовой кепке...

– Я сейчас, – сказала она, обращаясь к мертвецу. – Мигом...

Так, с полным ведром, она вернулась домой и хотела было уже броситься к телефону, до него оставалось всего пару шагов, как сзади ее кто-то больно схватил за ворот рубашки, да так, что она застонала...

– Стой тихо... – услышала она тихий мужской голос.

Потом захлопнулась дверь ее квартиры, следом щелкнули запираемые замки... Все. Она поняла, что произошло. Убийца воспользовался тем, что она оставила дверь квартиры приоткрытой, и вошел туда. Спрятался...

– Я стою... – прошептала она. Надо было притвориться, что она ничего не поняла. Что она понятия не имеет, кто мог войти в ее квартиру: – А вы кто? Грабитель? Так у меня ничего нет. Я – безработная. У меня только продукты... мне подруга принесла... Я вообще-то болею...

– Да заткнись ты, балаболка.

Он схватил ее за руку и резко повернул к себе. Так и есть – джинсовая кепка на глазах...

Только теперь в лицо ей почти упиралось дуло пистолета. Того самого пистолета, который, возможно, еще был теплым от того первого и единственного выстрела, лишившего жизни парня, лежащего теперь в луже крови возле мусоропровода...

– Где ведро? – спросил убийца.

– Зачем тебе ведро? – удивилась Люба. А потом поняла – по содержимому мусорного ведра (в случае, если бы она бросила его на месте, рядом с трупом) можно было бы установить, кому оно принадлежит, следовательно, она стала бы для работников милиции свидетелем... Или что-нибудь вроде этого...

– Да вот же оно, на полу... – Она осторожно повернула голову к двери.

Парень снял кепку, и она увидела розовый ободок – рубец от тесной кепки на мокром от пота лбу. Лоб был низким, глаза маленькими, бегающими. Зато нос и рот у преступника были крупные. Да и вообще он был настоящим уродом.

– Значит, так, – сказал он тихо, но так, чтобы она его услышала. – Я поживу тут у тебя пару-тройку дней, пока все не утрясется. Не трону тебя, если не сделаешь глупостей...

– Только телефонный кабель не перерезай, – сразу предупредила она, – потому что, повторяю, за мною присматривают, как за больной... И если будут проблемы с телефоном, вызовут мастера, если же я не открою дверь – ее взломают или же... Если придет моя подруга, у нее есть ключи... надо что-нибудь придумать, вести себя естественно...

Убийца стоял и смотрел на нее, пытаясь понять, издевается она над ним или нет.

– Я серьезно... Если не веришь, пойдем, я тебе кое-что покажу...

Он пожал плечами, они вместе вошли в комнату, и он увидел разложенные на столе продукты.

– Видишь? Меня навещают, приходят ко мне... Я могу сказать, что ты мой друг, родственник...

Она хотела, чтобы как можно скорее прошли эти два дня и он исчез из ее жизни. Она сделает все, чтобы ему было здесь спокойно. Ей нет дела до того, кого он убил... Вернее, она делает вид, что ей нет дела. На самом деле, когда он уснет, она, возможно, позвонит в милицию...

– Если ночью позвонишь в милицию, я застрелю тебя... – сказал он, словно прочитав ее мысли. – От твоей головы не останется ничего, как и от его головы... Ты видела его?

Она не переставала удивляться себе. Почему она его не боится? Почему ведет себя так, словно ей

приходилось прежде каждый день встречаться с убийцами? Куда делись все ее страхи? Это неестественно... или... Или же именно такая встряска требовалась ей для того, чтобы прийти в себя?.. Это была спасительная мысль, придававшая ей силы...

Сначала Эрл – мошенник и грабитель, теперь – убийца... Почему она притягивает к себе таких людей? Точнее – нелюдей?

– Тебя как звать? – спросил он ее.

– Люба. А тебя?

– Называй Саша. Нам жить с тобой здесь... Надо будет как-то обращаться друг к другу, – сказал он самым мирным тоном.

И тут он, увидев диван, подошел и рухнул на него, раскинул руки-ноги. Он отдыхал, приходил в себя после напряженных часов, минут, секунд... Ведь прежде, чтобы совершить то, что он совершил, ему надо было все обдумать, подготовиться, достать пистолет, выследить жертву... За что он убил того парня?

– За что ты его? – спросила она, подошла к столу, села на стул и взяла гранат. Принялась чистить.

– За дело. У тебя есть большая сумка? Спортивная?

– Нет. У меня вообще ничего нет. Только хозяйственная, да и то не моя – я нашла ее на балконе, она страшная, но если ее отмыть, то туда можно что-то положить...

– Нет спортивной сумки? Как же ты живешь? – спросил он ее, не открывая глаз.

– Не знаю. Сама себе удивляюсь.

– Замужем?

– Нет. Я живу одна и давно.

– А парня у тебя нет?

– Нет.

– Теперь будет. Правда, всего на два дня. Ты чего страшная такая? Наркоманка, что ли?

– Нет.

– А чего хромаешь?

– Ногу подвернула.

– Понятно. Ладно, тащи сюда свою хозяйственную сумку...

Она вышла на балкон, нашла среди запывившегося хлама сумку, отнесла ее в ванную комнату, почистила, протерла мокрым полотенцем. Вот теперь руки ее начали дрожать. Она вдруг представила, что там, возле мусоропровода, лежит она в луже крови... Какая ужасная, пошлая смерть.

Вернулась в комнату и увидела, что Саша-убийца спит. И даже похрапывает.

– Принесла? – спросил он ее, прервав на мгновение свой сон.

– Да. Вот, смотри...

Он тотчас встал, увидел большую, черную, в белую полоску сумку и покачал головой.

Потом выругался.

– Извини... Это не мое, – сказала Люба.

– Тебе не идет эта прическа... затянула узел на затылке... распусти волосы... – сказал он, и она чуть не выронила сумку.

– Может, еще и раздеться? – Она с трудом разлепила губы.

– Неа... мне не до этого. Как-нибудь потом, лет эдак через пять, когда я сюда вернусь...

Он резко, пружинисто встал, достал из-под стола большой красный пакет, подхватил сумку и скрылся со всем этим в передней. Она слышала, как он хрустит пакетом – перекладывает что-то в сумку.

Потом попросил ее вернуть сумку на балкон.

– Я туда не пойду, вдруг кто увидит... – сказал он.

Она сделала так, как он просил.

– У тебя хлеб есть?

– Есть.

Она унесла часть продуктов в холодильник, часть разложила на тарелки, вскипятила воду, заварила чай.

– Сейчас будем есть...

Уже в кухне, собираясь выложить из одного из пакетов, принесенных Алей, оставшиеся продукты, она обнаружила знакомую коробку – золотую с оранжевым – французские трюфели. И вдруг почувствовала, как волосы на ее голове зашевелились... Как по спине словно кто-то ласково и ознобно провел рукой... Это были ее любимые конфеты.

«Сереза...»

На самом же дне пакета ее ждала еще одна удивительная находка: бледно-бирюзовый пакетик, фирменный аптекарский «36,6», а в нем – еще более знакомый набор лекарств, которыми Сергей лечился от

ангины...

Все остальное уже воспринималось ею по-другому, более легко, почти весело... Она понимала, что это только начало истерики. Она кормила убийцу бутербродами с икрой, купленной для нее Сергеем...

Теперь она несколько не сомневалась в том, что все эти продукты, которые ей якобы покупала Аля, на самом деле были куплены для нее Сергеем. Он не забыл ее, он продолжал думать о ней и заботиться...

Но эти лекарства... Вероятно, он забыл выложить их из пакета. Купил для себя, но забыл выложить... И что же это теперь получается? Что у него ангина, вот что получается! А она, его жена, лучше всех знает, как тяжело он всегда болеет ангиной, какой высокой температурой она сопровождается и каким беспомощным он тогда себя чувствует. И что никто, кроме нее, не знает, как его и чем лечить... Никто, никакие домработницы в мире или секретарши не смогут облегчить ему боль в горле...

Теперь только бы этот тип, этот Саша, который на самом деле никакой и не Саша, не застрелил ее... Сейчас, когда она знает, что нужна Сереже, что она готова сделать первый шаг навстречу ему, ей надо приложить все усилия, весь свой ум (если таковой, конечно, остался), чтобы не допустить трагедии... Пережить эти два дня. Вытерпеть. Стиснуть зубы и молчать, стараться быть незаметной, даже, если понадобится, ходить на цыпочках, чтобы только не нервировать своего незваного гостя – опасного, как дикий зверь...

Он ел жадно, чавкал, и взгляд его при этом был отсутствующий – он о чем-то думал...

– Значит, так, – вдруг он сказал в самом конце ужина с набитым ртом. – Сейчас уже кто-то обнаружил труп, позвонил в милицию... Пойдут по квартирам, уж я-то знаю... Обязательно зайдут и к тебе. Ты откроешь со спокойным видом (я сзади буду стоять и держать пистолет, прижатый к твоей спине, у меня нет другого выхода) и ответишь на все вопросы: ничего не знаю, ничего не видела, не слышала... Если они захотят пройти в квартиру,пустишь... Я буду сидеть в кухне и пить чай. Ты скажешь, что я – твой парень, что меня зовут Саша, что я – слесарь автомастерской, понятно?

– Понятно.

– Если же придут твои люди – познакомишь меня с ними, скажешь, что мы давно знакомы, что я пришел к тебе... Хотя не думаю, что нужно объяснять, зачем к молодой бабе пришел в гости мужик... Это нормально, естественно...

«Только не для меня», – подумала она.

И в эту минуту раздался звонок в дверь.

– Это за мной, – прохрипел Саша. – Иди открывай и не волнуйся... Ты запомнила все, что я тебе только что сказал?

– Запомнила.

Она встала и пошла к двери. Заглянула в «глазок», но ничего Саше не сказала, не посчитала нужным успокоить его, что, мол, это не те, кого он ждал...

На пороге стояла сияющая Аля.

– Люба, не ожидала?!

Она казалась возбужденной.

– Понимаешь, я не выдержала, пошла к соседке, заняла у нее денег и все-таки купила это платье... И мне так захотелось показаться тебе в нем... Ну же! Ты что, непустишь меня в дом?

– Заходи, ужасно рада, что ты пришла...

Она тотчас почувствовала, как в спину уперлось что-то твердое – Саша подошел совсем близко и ткнул ей в спину пусть и не пистолетом, но кулаком – как предупреждение...

– Привет! – бросил он через плечо Любы, здороваясь с остолбеневшей от удивления Алей. – Саша.

– Аля... Алевтина... Так у тебя гость? Вас на самом деле зовут Саша? Или как-нибудь по-другому?

Она сказала это таким нехорошим тоном, что Люба сразу поняла – она подумала, что это спустя полгода к ней вернулся мерзавец Эрл.

– Это Саша, мой давний приятель... Проходи, Аля...

– Я помешала?

– Нет, ты не помешала, – ответил за Любу Саша.

– Я тебе рассказывала про него, просто ты забыла... – Люба старалась выглядеть веселой, и ей казалось, что у нее это получается неплохо.

– Ладно, я пойду... Не стану вам мешать... Дело молодое... – Аля попятилась к двери.

– Девчонки, что вы такие скучные, нервные... Давайте повеселимся... У нас водочка найдется? – Саша обращался с Любой так, словно они на самом деле были знакомы сто лет.

– Только спирт... Для инъекций... – вспомнила Люба. – Но если его разбавить...

– Так давай, разбавляй!!!

Через четверть часа они снова сели как бы ужинать. И что самое удивительное, даже Аля поддержала эту игру, возможно, подумала, что Саша – на самом деле знакомый Любы, если вообще не ее любовник... Все немного выпили, и Саша первым вспомнил о платье, которое купила Аля.

– Так ты продемонстрируй нам его, а мы оценим...

Он был неплохим актером, так, во всяком случае, казалось Любе.

Аля ушла в спальню и вернулась через некоторое время в платье – черном, узком, украшенном двумя асимметричными красными розочками – у ворота и на талии... Черные чулки, черные туфли на шпильках. Она настолько преобразилась, что в этой элегантной девушке было сложно узнать кассиршу Алю из супермаркета.

– Шикарно, – развела руками Люба. – Да ты просто красавица...

– Супер! – Саша резким движением поднял вверх большой палец правой руки. – Просто супер! И сколько же, интересно, стоит такое платье?

Он действительно вел себя естественно, как может вести себя грубоватый и невоспитанный парень, далекий от таких понятий, как такт...

– Дорого, – вздохнула Аля. – Четыреста у.е.

– Ну что, подарим ей платье? – Саша вдруг обнял Любу за плечи и потряс ее. – А, Любаша?

– Не знаю...

– А я знаю!

С этими словами он полез в карман, достал свернутую в тугую трубку пачку евро, стянутую розовой резинкой, развернул ее, отсчитал пять купюр и протянул Але:

– Вот, подружка, бери... нам с Любашей не жалко...

Люба ничего не понимала... Если с самого начала он вел себя нормально, почти естественно, как если бы он был ее парнем, то теперь он явно перегнул палку... Возможно, ему нельзя пить? Тем более слегка разбавленный спирт.

Аля от денег отказалась. Сказала, что не может принять такой подарок. Что у нее тоже есть парень и он сам решил ее финансовые проблемы...

Саша пожал плечами, но деньги обратно не взял.

– Я тебе дал, а уж возьмишь ты или нет – твое дело.

Аля засобиравалась домой. Вспомнила, что у нее еще полно дел дома...

До двери ее провожал Саша. Люба лишь успела помахать ей рукой. Сказать уж тем более ей не получилось.

Аля ушла, Саша, мрачный, вернулся за стол и опрокинул в себя еще полстакана разбавленного спирта.

– Как ты думаешь, она ничего такого не подумала? Не догадалась?

– Откуда ей что-то знать... Она-то здесь не живет.. Мусор не выбрасывает...

– Странно все это... Столько часов прошло... неужели никто не заметил? Не позвонил в милицию?

...Спать она постелила ему в большой комнате. На продавленном диване. Он не возражал.

– Учти, пистолет мой под подушкой... не глупи... Будешь умницей, я и тебе отстегну...

– Послушай, а если придут ночью... Ты можешь не разобраться, что к чему. Начнешь пальбу, пристрелишь меня... Что делать мне, если позвонят?

– Разбудишь меня, я переберусь к тебе на кровать, вроде мы вместе спим, понимаешь?

– Ладно...

– А вообще-то, было бы лучше, если бы прямо сейчас вместе легли...

Он уснул, так и не договорив. У Любы сна не было. Она отправилась на кухню мыть посуду. Часть времени уже прошло, осталось совсем немного, каких-нибудь тридцать шесть часов... Главное, чтобы пришли из милиции, поговорили с ней и ушли. И тогда он успокоится...

И все же она уснула под монотонное звучанье телевизора. Ей снилось, будто бы она идет по улице в шубе, и снова все оборачиваются на нее, тычут пальцами, смеются ей в спину... А потом ей навстречу вылетел трамвай, он становился все больше и больше и грозился уже раздавить ее, как вдруг раздался характерный травмажный звонок, словно водитель только заметил ее... Он звонил, звонил до тех самых пор, пока она не пришла в себя... Открыла глаза. Рядом с ней стоял бледный, трясущийся Саша. В руках его была свернутая постель.

– Звонят. В дверь... Открывай... А я лягу... – Он спрятал постель под кровать и лег. – Послушай, я скажу тебе только, что эти деньги ему достались легко и он вполне мог бы ими поделиться, все-таки не

чужой он мне...

– Это ты о том парне, который там... наверху?

В дверь продолжали настойчиво звонить.

– Нет, я про того, кого мы... там, в машине, рядом с банком... Это на соседней улице... Это был мой сводный брат... Ему вообще везло в жизни, а меня по его вине отправили на зону. Я его девчонку спас... А сам попался... Пока я сидел, он поднялся, а мне помочь не захотел, он стыдился меня... его люди один раз даже выставили меня из его офиса... Но это уже наши, так сказать, семейные дела...

– А тот? Которого ты застрелил у лифта? Он кто тебе?

– Никто. Вместе сидели. Напарник мой. Как деньги взял, так деру... Я его здесь и догнал. Сука... Он что, не знал, что у меня тоже ствол имеется? Ладно, открывай...

Она подошла к двери, заглянула в «глазок». Мужчина. Высокий, крепкий. В штатском. Вероятно, следователь.

– Борисенко Любовь Александровна? – спросил он, когда она открыла дверь.

Однако они хорошо осведомлены, эти следователи-милиционеры. Откуда им известна ее фамилия?

Она услышала, как сзади послышалось шлепанье босых ног – из спальни вышел Саша.

– В чем, собственно, дело? Ты чего это открываешь кому ни попадя? – спросил он нарочито развязным, недовольным тоном разбуженного мужа, любовника, сожителя...

– Ваш муж, Борисенко Сергей Николаевич, попал в автокатастрофу, сейчас находится в больнице и очень просил вас приехать к нему... – сказал человек очень тихо, так, что его могла слышать только Люба.

– Не может быть...

– Вы о чем шепчетесь? – Саша придвинулся к ней сзади вплотную и грубо схватил за руку, дернул... – Сука...

Она обернулась, чтобы сказать ему, что ей надо срочно уйти, что ее ждут, как тут же почувствовала слева, пониже ребер, острую жгучую боль... Когда на лестнице послышался шум и грохот – это группа людей, одетых в камуфляжную форму, рассыпалась по лестничной клетке, некоторые из которых ворвались в квартиру, – она уже ничего не слышала, ее подхватили на руки, истекающую кровью, с ножом в боку... Телохранитель Сергея Борисенко, опустив ее на пол, в шоке от всего происходящего уже набирал номер «Скорой помощи»...

– Его подстрелили, я думаю, когда он находился в воздухе... Он же рванул к балкону, хотел то ли выпрыгнуть, то ли найти пожарную лестницу, чтобы спуститься, словом, он растерялся, – тараторила возбужденная Аля, теребя носовой платок. Она сидела на узком больничном стуле и держала руку Любы в своей руке. – Представляю, какого ужаса ты натерпелась. Надо же, оказаться в одной квартире с таким матерым убийцей... Да ты знаешь, что он застрелил сначала того бизнесмена, который вышел из банка с кейсом, набитым деньгами... потом своего напарника... Он – настоящий зверь... Я когда только увидела его, так сразу поняла, что случилось... У нас в супермаркете только и говорят об убийстве. Банк-то на нашей улице, через дом... Потом одна покупательница сказала, что в доме, в котором она живет, труп... Что приехала следственная группа... всех опрашивают... И даже тогда я еще не связала это никак с тобой... Честно скажу, я отпросилась на полчаса, чтобы купить платье... Денег взаймы взяла у одной девчонки, сказала, что через месяц отдам с процентами... И потом – сразу к тебе...

– Ты молодец... – произнесла, морщась от боли, Люба. – Сразу поняла, что это никакой не мой знакомый...

– Ну да! Сразу позвонила в милицию, все объяснила, сказала, что тебе очень опасно находиться с ним в одной квартире, но что надо действовать очень осторожно... Кто бы мог подумать, что почти одновременно с группой захвата в подъезде появится этот человек...

– ...телохранитель Сережи... Я тоже сначала не поняла, что все это значит... Подумала, что это какой-то спектакль, направленный на захват Саши... этого убийцы...

– И он тоже так подумал, потому и всадил тебе нож... Больно?

– Пока еще больно... Но главное, что все закончилось... И спасибо тебе...

Дверь в палату открылась, и появилась коляска, в которой сидел перебинтованный человек. Высокий, крепкого телосложения мужчина толкал коляску впереди себя.

– Сережа... – Люба схватила протянутую руку и крепко сжала ее. – Сережа...

Теперь и Люба узнала в перебинтованном мужчине Сергея.

– Ладно, я, пожалуй, пойду... – В последнюю минуту она поймала исполненный благодарности взгляд Сергея Борисенко.

– Как твоё горло? – спросила Люба, давась слезами. – Болит?

Телохранитель тоже молча удалился, оставив их вдвоем.

– Болит... Тебя же нет, вот и болит... Еще и нога сломана, и сотрясение... А ты как?

– Нормально... замечательно... ты прости меня...

Она хотела подняться, чтобы поцеловать его, но не смогла, резкая боль в боку приковала ее к постели.

...Они говорили долго, не могли наговориться... Потом пришла медсестра с металлическим подносом, полным шприцов и ампул...

– Пора спать.

Телохранитель увез Сергея в палату.

– И как это вас угораздило впустить к себе домой бандита? – спрашивала, всаживая иглу в бедро Любы, разговорчивая медсестра. Она была вся в розовом, чистая, благоухающая духами.

– И сама не знаю... пошла вот мусор выносить, дверь оставила открытой... – ответила Люба. Она чувствовала легкий озноб и понимала, что у нее поднялась температура.

– У нас в больнице только о вас и говорят... что вы в рубашке родились... Он же настоящий убийца... Страшный человек... Тот, кого он убил, говорили по телевизору, его сводный брат, такой же в прошлом бандюга... Он вышел как раз из банка, с наличными, у него в кейсе было что-то около двухсот тысяч евро, не очень-то и большая сумма, но, думаю, ему на карманные расходы хватило бы... Очень богатый человек... Так вот ваш бандит пристрелил его, потом своего напарника... И ведь рука не дрогнула у человека! Да, что самое интересное...

Сестра поставила капельницу.

– ...денег-то в квартире не нашли... Думаю, он успел куда-то спрятать кейс... Все перерыли, даже в мусоропроводе искали – бесполезно... Как пришли денежки, так и ушли... А парня-то этого застрелили... при попытке к бегству... Так что можете спать спокойно, никто вам не отомстит... Болит рана?

– Болит...

– Скоро пройдет... У нас отличные хирурги. Спите спокойно... Да, вы извините меня за мое любопытство.. А это правда, что этот человек, который к вам сейчас заезжал... Борисенко, Сергей Николаевич – ваш родственник?

– Он мой муж, – едва слышно ответила Люба.

Сестра некоторое время смотрела на нее изумленно, после чего молча вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Люба набрала номер Али.

– Ты еще не спишь, подружка?

– Люба? Ты? Я-то думала, что тебе вкатили снотвор...

– Тихо ты... Слушай... У тебя ключи от моей квартиры есть?

– Есть.

– Поезжай туда, там уже никого нет, все тихо-спокойно.

– Ты хочешь, чтобы я забрала твои вещи? Ты что, дорогая моя, с ума сошла? Да у тебя сейчас начнется совсем другая жизнь... У тебя знаешь сколько шмоток появится...

– Аля! Слушай меня внимательно, – резко оборвала она ее и принялась говорить медленно, тщательно проговаривая заплетающимся от укола языком каждое слово: – Там, на балконе, среди хлама – старая и очень страшная хозяйственная сумка... Такая черная, увидишь... Она завалена мешками с валенками, пустыми консервными банками, ящиками с пивными бутылками... Ты слышишь меня?

Аля молчала.

– Аля, ты что там, уснула?

– Люба... Они же ничего не нашли, – наконец отозвалась Аля. – Думаешь...

– Поезжай. Они там. Думаю, тебе хватит, чтобы расплатиться и за ремонт, и за платье... Ты же мне жизнь спасла... А теперь мне пора спать. Пока...

...Она проснулась рано утром. Вспомнила свой звонок Але, и ей стало не по себе... Неужели она рассказала ей про сумку на балконе? Зачем? Как она могла так поступить? Неужели у нее было так велико желание отблагодарить ее, что она стала чуть ли не соучастницей преступления, воровкой, по сути?.. А Аля? Как поступила она? Люба взяла телефон в руки. Рука была вялая, слабая.

Она не отрывала глаз от дисплея... Она звонила Але ночью... Вот. «Исходящие звонки». Но в телефоне звонок не отразился. Разве такое может быть?.. Она набрала ее номер. Замерла, прислушиваясь к длинным гудкам.

– Аля...

– Люба? Как ты, подружка? – услышала она в ответ сонный голос. – Жива-здоровая?
– Аля... Скажи, я тебе ночью не звонила?
– Ночью? Нет, а что?
– И ничего про сумку не говорила?
– Нет... А что случилось? Ты потеряла сумку?
– И про балкон тоже ничего не говорила?
– Какой такой балкон? Ты спишь, что ли, еще? Может, тебе приснился сон? Про сумку, балкон... Нет, ты мне не звонила... Что случилось? Что-нибудь серьезное?
– Ладно, прости... Я тебя разбудила... Сейчас только пять утра...
Она набрала другой номер.
– Сережа? Извини, что я так рано...
Он сказал, что уже не спит, что готов прямо сейчас приехать к ней в палату на своем новом «мерсе» – коляске.
– Нет-нет. Не надо. Просто попроси, чтобы узнали номер следователя, того самого, что занимался моим делом. Это очень важно. Мне надо ему кое-что сказать.
– Без проблем.
– Пришли мне эсмэску.
– Ты как вообще?
– Нормально...
– Вспомнила что-то важное?
– Да, очень...
– Тогда жди сообщение. Я ужасно соскучился по тебе...
Через четверть часа она уже разговаривала со следователем.

Она отключила телефон, закрыла глаза. Сон мягко окутал ее, разгоряченную, уставшую, счастливую...

Дарья Донцова

Белка с часами

Не надо бояться превратностей судьбы, вполне вероятно, что, получив от нее пинок, ты удивишься тому, на что способна.

Восьмого марта, около полудня, я решила сбегать в магазин, чтобы купить капусту. Вам такая идея в праздник кажется не самой лучшей? Но мой муж Гри обожает пирожки, а я очень люблю своего супруга и потому решила приготовить торжественный ужин.

Вы хотите напомнить, что Восьмое марта – это праздник не для мужчин? Пусть так, но если задать себе вопрос: кто делает нас, баб, счастливыми? – то станет ясно: главное в жизни – замечательный муж, а мой Гри именно такой. Он самое лучшее, что могло случиться со мной на этом свете, и никакое Восьмое марта не способно помешать мне замесить тесто.

Радостно напевая, я добежала до ближайшего супермаркета, нашла в овощном отделе красивый вилок капусты и поспешила домой. Следовало поторопиться: Гри пока находится на работе, но он очень внимательный, поэтому непременно вспомнит про праздник и, наверное, сделает мне сюрприз – приедет пораньше и вручит подарок. Знаете, почему Гри до сих пор не позвонил мне и не сказал: «Милая, в этот изумительный весенний день я хочу еще раз признаться тебе в любви»?

Он понимает, что я сегодня не работаю и буду спать до обеда. Вот он какой, заботливый и нежный всегда и во всем, без исключения! Ну скажите, чем я, обычная, не очень красивая и, если честно, слишком полная тетка привлекла внимание лучшего жениха России? Мой Гри невероятно хорош собой, умен, талантлив, ему просто слегка не везет в жизни. Пока режиссеры не оценили по достоинству актерский талант Гри, и в основном ему достаются крохотные роли, практически без слов, но я верю, что...

Резкий звонок мобильного нарушил плавное течение моих мыслей. Глаза быстро изучили дисплей, и я радостно крикнула в трубку:

– Милый! Как дела?

– Замечательно! – бойко прозвучало в ответ.

Я невольно улыбнулась, вот еще одна положительная черта Гри! Что бы ни случилось, он никогда не станет грузить вас своими проблемами. В нашей семье я узнаю о неприятностях только после того, как супруг все разрулил.

– Выспалась? – заботливо поинтересовался Гри.

– Да, – затараторила я, – и даже успела в магазин сбегать.

– За продуктами?

– Верно, – засмеялась я, – ты угадал!

– Пожалуйста, не хлопочи у плиты, – начал Гри и закашлялся.

Я терпеливо ждала, пока муж справится с приступом кашля: недавно он переболел гриппом – поехал на съемки в другой город и свалился с температурой. Меня, как водится, Гри волновать не стал, думаю, он бы и не рассказал мне об инфекции, потому что знает, как я нервничаю из-за его болячек, но натужный кашель выдал любимого. Кстати, я знаю, как он завершит свою фразу: «Пожалуйста, не хлопочи у плиты, потому что сегодня Восьмое марта и мы пойдем в ресторан, я уже заказал столик».

– Я заказал, – завел Гри и снова принялся кашлять.

– Хорошо, милый, – я решила ему помочь, – но все равно я приготовлю вкусненькое, не болтаться же мне весь день без дела!

– Еда пропадет, – сказал Гри, – я вернусь только через пять дней.

– Откуда? – изумилась я.

– Я заказал билет в Екатеринбург, – заявил муж, – сейчас нахожусь в Домодедове, вылет через час. Не волнуйся, приземлюсь и сразу тебе звякну. Не хотел ничего говорить заранее, боялся – вдруг меня не возьмут на съемки. Пока, солнышко, не скучай.

– Не буду, – пообещала я и посмотрела на пакет с капустой.

Ладно, вилок не пропадет, а выпечку приготовлю к возвращению мужа. Я пеку пироги исключительно для Гри, который легко может победить на конкурсе «Мистер Вселенная». Мне, чей вес далек от идеального, мучное ни к чему. Интересно, что за роль дали Гри? Скорей всего, его пригласили на съемки рекламы какого-то товара. Муж не любит заранее рассказывать о новой роли, вот вернется, и я все узнаю. Ладно, пойду домой и...

Нечто маленькое и тяжелое больно ударило меня по голове. Я невольно ойкнула и машинально потерла ушибленное место. Несмотря на Восьмое марта, столбик термометра еще не поднялся выше нулевой отметки. Вероятно, на меня свалилась небольшая сосулька, я как раз стою около пятиэтажки. Я машинально посмотрела вверх и увидела, как на третьем этаже быстро захлопнулось окно. Меня охватило негодование – это не ледышка, упавшая с крыши, а какой-то мусор, который бесовестный человек решил вышвырнуть на улицу. Огрызок яблока или... уж не знаю что! Постойте-ка, безобразия запуталось в моих волосах.

Полная гнева, я начала осторожно вытаскивать из кудрей нечто, на ощупь похожее на камушек. Если с фигурой и лицом у меня проблемы, то с волосами полный порядок, хватит на трех собак!

Что же шлепнулось мне на макушку? Пальцы осторожно извлекли предмет, и я ахнула: это были женские часики, на вид очень дорогие, обильно украшенные бриллиантами. Сверкающие камушки украшали не только внешнюю часть корпуса, но были помещены и внутрь, под стекло, они словно плавали между ажурными, золотыми стрелочками. Я никогда не держала в руках столь дорогих украшений.

Я снова посмотрела вверх и в ту же секунду сообразила, что произошло. Очевидно, владелица дорогого украшения потеряла его в тот момент, когда затворяла окно. Браслет расстегнулся, и часы упали вниз. Хозяйка сразу ничего не заметила, может, к ней пришли гости? Но через короткое время она спохватится и начнет обыскивать квартиру, ей и в голову не придет побежать вниз и осмотреть улицу. Праздничный день не принесет бедняжке радостных эмоций. Ладно, я сейчас обрадую незнакомку, представляю, как она удивится, когда я продемонстрирую ей свою находку! Вычислить место, где живет растеряха, очень легко.

Дверь нужной квартиры была обшарпанной. Однако странно! Владелица столь дорогих часов должна жить в элитной новостройке, или, по крайней мере, вход в ее апартаменты обязана скрывать стальная дверь, закамуфлированная панелью из цельного массива дуба. А тут нечто, обтянутое дерматином, через прорехи торчат желто-серые комки. Похоже, жилье не ремонтировали лет этак двадцать пять: уже давно при обивке дверей не используют вату. Но я отлично запомнила, какое из окон затворилось, и явилась по нужному адресу.

Я ткнула в звонок, из квартиры донеслось надтреснутое дребезжание, затем раздался нежный голосок:

– Кто там?

– Таня Сергеева, – ответила я, – мы не знакомы, но, пожалуйста, откройте!

Дверь распахнулась.

– Здравствуйте, – настороженно сказала девушка, появившаяся на пороге, – что случилось?

В ту же секунду я поняла – ошибки нет, я нашла хозяйку дорогих часов. Незнакомка была очень красива, просто оживший снимок из журнала мод: высокая, стройная, белокурая, с большими небесно-голубыми глазами, нежной кожей и изящно изогнутым ртом. Длинные волосы стягивала в хвост затрапезная «махрушка». На лице не было ни грамма косметики, и одета красавица просто: короткие джинсовые шортики и маечка с надписью «Супер», я сама хожу дома в подобном костюме. То есть, конечно, я не натягиваю шорты, с моей фигурой это неприлично, увы, все слишком короткое и обтягивающее не для меня, я в такой одежонке становлюсь похожей на батон любительской колбасы, перетянутый веревками. Я имела в виду футболку, такие продаются возле каждой станции метро, стоят копейки, и, что странно, даже после многократных стирок они не садятся и не линяют. Редкое сочетание малой цены и замечательного качества.

– Здравствуйте, – нетерпеливо повторила девушка, – вы ваще кто?

Я вздрогнула и сказала:

– Шла мимо вашего дома...

По мере моего рассказа улыбка медленно покидала лицо красавицы, оно удивительным образом, сохранив правильность черт, превратилось в непривлекательную маску.

– Вот ваши часы, – радостно завершила я, – получите и распишитесь!

– Офигела! – взвизгнула девчонка и стала похожа на злую обезьянку. – Еще квитанцию ей какую-то надо! Сумасшедшая.

– Это была шутка, – растерялась я, – не очень, наверное, удачная?!

– Не первое апреля на дворе, – зашипела девица, – а Восьмое марта! Вали отсюда!

– Кто там пришел? – прозвучало из комнаты, и в тесную прихожую втиснулся парень.

Девушка мгновенно заулыбалась и опять превратилась в красавицу, а молодой человек, обняв ее за плечи, выжидательно посмотрел на меня. Я мгновенно оценила обстановку. Юноша очень хорошо и дорого одет, на нем пиджак точь-в-точь, как у Гри, а мой супруг обладает безупречным вкусом, он не способен надеть вульгарную вещь.

– Что происходит? – начал нервничать парень.

Я повторила историю про часы.

– Дайте-ка поглядеть, – удивился он. – Лен, они твои?

– Ага, – кивнула девушка, – еще я имею «Бентли», дом в Огаревке, счет в швейцарском банке и папу-олигарха. Не смейся меня, Андрюшка! Сам видишь, как я живу!

– Интересненько, – протянул Андрюша и, насмивывая веселый мотив, начал изучать «будильник».

Мне стало не по себе, что-то здесь не так. Андрей – явно хорошо обеспеченный человек, его квартира должна выглядеть иначе. И почему хозяин одет дома в изысканный костюм, а его жена носит затрапезные шмотки? Вероятней всего, Андрей и Лена не семейная пара, а любовники, и апартаменты принадлежат девушке, вот тогда все становится на свои места. Я опустила глаза и удивилась еще сильнее. На правой ноге Лены я заметила довольно большую разноцветную татуировку, цветочный орнамент. Многие девушки сейчас украшают себя подобными наклейками, но меня поразила не она, а педикюр. Большинство женщин, вынужденных экономить, старается зимой не посещать салон красоты. Визит к мастеру, который приведет ваши лапки в порядок, – это дорогое удовольствие, и основная масса из нас предпочитает самостоятельно покрывать ногти лаком. Вот летом, когда наступает пора босоножек, тогда да, придется отправиться к профессионалам. Но Восьмое марта – это ранняя весна, мы еще не вылезли из зимних сапог, а у Лены ноги в идеальном порядке, руки, кстати говоря, тоже. Абсолютному большинству мужчин было бы непонятно: бегала ли дама в институт красоты или сама возилась с пилкой и лаком. Но у женщин наметанный глаз, и я испытала искреннее недоумение: надо же, живет в грязной квартире, а за собой следит очень тщательно. Надела майку за три копейки, но не пожалела кругленькой суммы на педикюр.

– Это «Ворт», – сказал Андрей, – коллекция «Зима», браслет сделан в виде снежинок, циферблат с брелочками и плавающие алмазы внутри. Приколно. Я видел такие в фирменном бутике, это дорогая, эксклюзивная вещь! Говорите, ее выбросили из окна?

– Да, – кивнула я, – и попали мне в голову!

– Ваще, – развела руками Лена, – ты видела, как я вышвырнула часы?

– Нет, но окно запомнила, – не дрогнула я, – его, когда я подняла голову, как раз захлопывали.

– Наверное, ты ошиблась, – очаровательно заулыбалась Лена, – у меня украшений дорожке ста рублей нет!

– На фасаде дома сплошняком стеклопакеты, – пояснила я, – а у вас самая обычная ободранная рама, извините за эту деталь, просто я хочу пояснить, почему легко запомнила ваше окно.

– Оно не мое, – загрустила Лена, – я снимаю однушку у невменяемой бабки. Старухе все безразлично, когда муниципалитет людям современные рамы за бесплатно ставил, она даже дверь строителям не открыла. А у меня на собственное жилье средств нет, я не жалуясь, просто так получилось.

– Сегодня все изменится, – пообещал Андрюша и прижал к себе Лену. Та с обожанием посмотрела на юношу.

– Значит, часы не ваши? – растерянно спросила я.

– Нет, – помотала головой Лена, – они очень красивые, прямо шикарные, но мне никогда не принадлежали.

– Еще не вечер, – загадочно улыбнулся Андрюша, – сегодня Восьмое марта, скоро ты увидишь мой подарок. Ну собирайся, поедем в одно место, где тебя ждет сюрприз.

– Нет, – твердо ответила Лена, – ты мне только что принес роскошный букет цветов, спасибо за них и оказанное внимание, но для первой встречи хватит презентов.

– У нас с тобой тысяча и одно свидание было! – воскликнул Андрей.

– Но не в реале! – отбила мяч Лена. – Извини, я не привыкла получать дорогие вещи, на мой взгляд, лучше самой заработать себе на брюлики, а не кланчить их у своего парня.

– Значит, я все же твой парень! – пылко воскликнул кавалер.

– Эй, ребята, – вклинулась я в их любовное чирканье, – я сейчас уйду, и вы продолжите. Лучше скажите, что с «будильником» делать?

– А почему ты у нас спрашиваешь? – изумилась Лена.

Я прикусила губу: красавица права, если часики не ее, мне надо ухаживать. Но неведомая сила словно приклеила меня к месту.

– Вы видели такое украшение в бутике? – спросила я у Андрея. – Не помните, сколько оно стоит?

– Цена зависит от количества бриллиантов, – охотно пояснил парень, – чем больше камней, тем, естественно, часы дороже. Думаю, эти потянут тысяч на пятьдесят.

– Мужу за съемку в рекламе мыла заплатили больше, – невольно вырвалось у меня.

Андрей рассмеялся:

– Вы жена Бреда Питта? Простите, Анджелина Джоли, я не узнал вас сразу!

Я пожала плечами.

– Неудачная шутка.

Парень развеселился еще больше:

- Думаю, пятьдесят тысяч евро ни один российский актер за ролик не получает.
- Вы назвали стоимость часов не в рублях! – ахнула я.
- Ну да, – пожал плечами Андрей, – если больше вопросов у вас нет, тогда прощайте, мы торопимся.
- Что мне делать? – окончательно растерялась я. – Если часы не Елены, то чьи они? Как мне быть?
- Оставь их себе, – неожиданно предложила девушка, – что с неба упало, то пропало! Экая ерунда!

Считай, тебе повезло!

Андрей с нескрываемым изумлением взглянул на возлюбленную.

– Хороший совет, – пробормотала я, – но я не могу им воспользоваться. Стой «подарок» пару тысяч рублей, я не стала бы так нервничать, но огромная сумма обязывает! Вы уверены, что она правильная?

Лена посмотрела на Андрея и слегка порозовела:

– Я глупо пошутила, ясное дело, чужое брать не надо, но мы и правда торопимся.

Дверь захлопнулась, я села на ступеньку, вытащила мобильный, набрала номер справочной и попросила:

- Дайте адрес бутика «Ворт».
- Записывайте, – тут же ответил бойкий голосок.

Получив необходимую информацию, я встала, и тут дверь квартиры приоткрылась, высунулась Лена.

– Вали отсюда, – зло сказала она, – чего примоталась, квашня! Андрюша тебе понравился? Знаю, на него бабы западают! В Интернете прям взбесились, когда он про любовь ко мне рассказал и чат прикрыл. Андрей мой! Тебе ничего не обломится!

– Я счастлива со своим мужем, – решила я успокоить ревницу, – просто хочу вернуть часики владелице.

– Забери их себе, – прошептала Лена, – в качестве подарка на Восьмое марта.

– Я уже слышала это предложение, но оно мне не подходит! – отрезала я.

– Если не уйдешь, получишь в нос, – пригрозила Лена, – приперлась в праздник, выдумала дурацкую историю, а когда Андрюшу увидела, влюбилась и...

– Ох и дура же ты, – покачала я головой и ушла.

Всю дорогу до бутика «Ворт» я обдумывала странную ситуацию и хвалила себя за правильное решение. Абсолютно бесперспективное занятие ходить по квартирам пятиэтажки, которые смотрят окнами на проспект, показывать людям часы и тупо спрашивать: «Это ваши?»

Узнав стоимость украшения, я решила не делать ничего подобного. Вполне вероятно, что мне попадется нечестная женщина, которая радостно воскликнет: «Ой! Это мои! Спасибо!» – возьмет часики, а когда наивная Танечка уйдет, начнет бурно радоваться своей удаче. Не каждый день нам домой приносят гору бриллиантов, и не всякий человек устоит перед таким соблазном. Лучше показать находку сотрудникам магазина. Если часы и впрямь стоят такие бешеные деньги, то, скорее всего, мне назовут имя покупателя. Навряд ли «Ворт» каждый день продает десяток таких «пустячков», и потом, на тыльной стороне вещи есть серийный номер.

В магазине меня встретили очень вежливо, а когда продавщицы увидели часики, на их лицах появилось почти благоговейное выражение.

– Ваш товар? – спросила я и положила находку на прилавок.

– Да, да, да, – закивали три девочки, все, как одна, одетые в элегантные черные брючные костюмы.

– Что случилось? – испугалась одна из работниц. – Они сломались?

– Нет, просто камни запачкались, – ответила я, – хозяйка просила их почистить.

– Хорошо, – сказала менеджер с бейджиком «Марина», потом натянула белые нитяные перчатки, взяла часики, перевернула их, посмотрела на обратную сторону, вытащила из ящика стола амбарную книгу и начала перелистывать страницы.

– Безобразие, – раздался за моей спиной гневный голос, – мерзкое качество!

Марина втянула голову в плечи, но не бросила своего занятия, зато две другие девушки начали приседать и кланяться.

– Эльмира Сергеевна, здрасте!

– Желаете чашечку кофе?

– Чай, сок, минералочка?

– Угостите лучше оборванку, которую впустили в магазин, где обслуживаются обеспеченные люди! – завизжала тетка.

– Пройдемте в vip-комнату, – промурлыкали продавщицы дуэтом.

– Извините, – сказала мне Марина, когда воцарилась тишина, – к нам подчас заглядывают неадекватные

люди.

– Я понимаю, что не соответствую статусу бутика, я всего лишь домработница, которую отправили с поручением, – смиренно ответила я.

– Хотите кофейку? – ласково предложила Марина и вдруг ойкнула.

– Что случилось? – напряглась я.

– Как зовут вашу хозяйку? – со страхом спросила Марина.

– У вас же там указано, – вывернулась я, – вы сверили номер и увидели фамилию, так?

– Да, – кивнула продавщица.

– И кому, по-вашему, принадлежат часы? – нагло поинтересовалась я.

– Анне Гаркави, – машинально ответила Марина, – ей их отец купил, Эдуард Сергеевич, в подарок на день рождения. Он у нас частый гость, все свою девочку баловал, она была сирота, без матери росла.

– Почему «была»? – изумилась я.

Марина заморгала, потом нырнула под прилавок и вытащила газету «Треп».

– Вот, – ткнула она пальцем в первую полосу, – я сегодня у метро купила.

Я уставилась на большие черные буквы, пересекавшие лист.

«Горе олигарха. Эдуард Гаркави может купить все, кроме жизни. Сегодня известный бизнесмен, чье состояние превышает сто миллионов долларов, опять отправился на кладбище, дабы помянуть любимую дочь. Трагедия привлекла внимание самых разных людей. Напомним вам, что в самом конце февраля Анна погибла в автокатастрофе, она разбилась на подъезде к особняку, находящемуся в подмосковном местечке Огаревка. Дочь олигарха сама управляла спортивной машиной. Ее не раз штрафовали за превышение скорости и за езду в нетрезвом виде. Рано или поздно Анна должна была стать участницей ДТП, но никто не предполагал, сколь масштабным оно будет. Олигарх опознал дочь по татуировке на ноге, большая часть тела и лицо Анны сильно обгорели. Эдуард Гаркави воспитывал дочь один, его жена якобы скончалась, когда Анне исполнился год. Но по сведениям, которые удалось добыть вашему корреспонденту, ее мать, Ольга Гаркави, жива, она уехала из Москвы, вернее, ее выгнал муж, поймавший супругу с любовником. Анну Эдуард матери не отдал, он постарался оградить девочку от ее влияния. Но дурная генетика перевесила, начиная с пятнадцати лет дочь Гаркави стала объектом внимания прессы. «Треп» не раз сообщал о драках, выпивках и приводах в милицию наследницы бизнесмена. Полгода назад Анна резко изменила свое поведение, она прошла курс лечения у психотерапевта и, по мнению близких, стала другой. Очень жаль, что смерть вырвала ее из жизни в тот момент, когда Анне едва исполнилось девятнадцать лет. Мы приносим наши соболезнования Эдуарду Гаркави».

В правом верхнем углу полосы серел снимок, я вгляделась в него и вздрогнула. Фотоаппарат папарацци запечатлел обгоревшую машину, а около нее носилки, прикрытые тряпкой, из-под которой торчала одна нога.

– Часы принадлежат Анне Гаркави, – произнесла Марина, – так указано в записях, мы непременно регистрируем владельца, потому что фирма «Ворт» предоставляет двадцатипятилетнюю гарантию. Я сама продавала Эдуарду Сергеевичу часы, он мне за красивую подарочную упаковку дал замечательные чаевые. Откуда у вас эти часики, а?

Продолжая говорить, Марина медленно опустила руку под прилавок.

– Пожалуйста, – быстро сказала я, – не нажимайте тревожную кнопку. Признаюсь, я обманула вас, эти часы упали мне на голову!

– Как? – разинула рот Марина.

– В прямом смысле слова, – вздохнула я, – давайте расскажу, вы только шум не поднимайте!..

– Случается же такое, – заохала продавщица после того, как я замолчала, – а вот на меня никогда ничего стоящего не падало. Повезло вам!

– В смысле?

– Знаете, сколько стоят эти часики? – понизила голос Марина.

– Мне сказали, что пятьдесят тысяч евро, но, думаю, цена ошибочна!

– Верно, – округлила глаза продавщица, – в два раза!

– Двадцать пять штук тоже не копейки!

Марина оперлась грудью о прилавок.

– Вы ошиблись! Они стоят сто тысяч!

– Врешь! – ахнула я.

Девушка снисходительно посмотрела на меня.

– «Ворт» не делает дешевые вещи, а Гаркави для своей дочери эксклюзив заказал. Хочешь мой совет?

– Ну? – ошарашенно спросила я.

– Тебе повезло, поняла? – прищурилась Марина. – Сегодня вроде как праздник, Восьмое марта, вот и считай, что судьба тебе подарок сделала. Продашь часики – и живи счастливо. Машина есть?

– Нет, – ответила я.

– купишь тачку, – возбудилась Марина, – хочешь адресок подскажу? Торговый дом «Ларс», прямо сейчас туда рули.

– Зачем? – изумилась я.

Марина усмехнулась.

– Мы не только часами торгуем, у нас и ювелирка в полном наборе представлена. Есть, конечно, сумасшедшие бабы, вроде Балакиревой, это та, что сейчас в vip-комнату отвели, она сама себе брюлики хапает. Но в основном наши клиенты – богатые мужики, им сто тысяч евро, как мне леденец на палочке, приобретут кольцо и не заметят. Знаешь, что их любовницы делают?

У меня закружилась голова.

– Нет!

Марина выпрямилась.

– Получат побрякушку, поносят ее пару месяцев, а потом бегут в «Ларс», там у них брюлик охотно берут, не за полную стоимость, конечно, но ведь и половина неплохо, так?

– Ага, – кивнула я, – а что «Ларс» делает с приобретенными украшениями?

– Ну ты спросила, – развеселилась Марина, – продаст по вполне подъемной цене. Допустим, тебе за эти часики они сорок тысяч евро дадут, если, конечно, удостоверятся, что механизм не краденый. А затем их в витрину с ценником «шестьдесят» положат.

– За копейки отдадут, – ухмыльнулась я.

– Зря смеешься, это намного дешевле, чем у нас.

– Значит, дочь Гаркави могла сдать папин подарок в «Ларс»?

– Зачем ей это? – пожалала плечами Марина. – Денег у нее лом, да и умерла она!

– Анна погибла случайно, – протянула я, – вполне вероятно, что ей понадобились средства на не совсем благовидные дела, поэтому подарок отца и оказался в фирме «Ларс». Так, теперь мне все ясно! Некто приобрел часы Гаркави, подарил их на Восьмое марта своей девушке. Браслет был не подогнан по руке новой владелицы, оказался слишком велик и слетел с запястья, когда она захлопывала раму!

Марина оглянулась на закрытую дверь vip-комнаты и пробормотала:

– У часов «Ворт» есть слабое место, давай покажу! Вот тут, в защелке, иногда выскакивает штырек, и замок расстегивается. К нам уже несколько раз женщины с претензией обращались. Но твоя находка в полном порядке.

– Спасибо, – кивнула я, – дай адрес «Ларса».

– Верное решение, – одобрила Марина.

– Вообще нет! Я хочу узнать у них имя человека, который приобрел эти часы, – возмутилась я.

– Ты дура? – скривилась продавщица.

– Если присвоить себе найденные деньги, взамен заплатишься своим счастьем. Надо непременно вернуть находку владельцу, иначе ничего хорошего не будет. Я верю в эту примету!

Марина повертела пальцем у виска.

– Похоже, ты больная. Можешь не стараться. В «Ларсе» работают «крокодилы», они тебе ни слова о клиентах не скажут. Мы регистрируем покупки, потому что даем гарантию, предоставляем бесплатный ремонт, чистку драгоценностей, их хранение на случай отъезда владельца. А «Ларс» продал, и покедова! Там с тобой даже говорить не станут и могут ментов вызвать.

Попрощавшись с болтливой Мариной, я вышла из бутика и вернулась к дому Лены. Так, еще раз внимательно изучу место происшествия. В момент, когда сверху упали часы, я стояла вот тут. Я внимательно изучила фасад. Часы довольно тяжелые, в сторону ветром их отнести не могло, значит, вероятнее всего, что они упали вот из этих рядов окон. Первый этаж исключаем сразу, он очень низкий, часики бы не попали мне на голову, на пятом люди, похоже, куда-то уехали, там окна закрыты рольставнями. Жильцы боятся воров-верхолазов, вот и установили дополнительное средство защиты, такими ставнями сейчас забиты все строительные рынки. И что у нас в остатке? Не так уж много квартир. Дело за малым: надо узнать, в которой из них проживает молодая симпатичная девушка. Маловероятно, что часы купил своей жене преданный муж. Почему? Да потому! Дом, возле которого я стою, – самая обычная пятиэтажка, расположен он в очень неудобном месте, фасадом на шумную улицу. Если кто-то из его жильцов, семейный человек, накопил солидную сумму в евро, то он, скорее всего, потратил бы ее на более насущные нужды, например, сменил бы жильё.

Значит, я ищу юное создание не старше двадцати одного года, студентку, модель или просто красивую

девушку.

Постояв пару минут, я сбегала к метро, купила в газетном киоске блокнот, ручку, вернулась к «хрущобе» и вошла в намеченный подъезд. Начну с четвертого этажа, позвоню в квартиру, расположенную по соседству с той, где проживает Лена.

Дверь распахнула востроногая тетка в халате цвета взбесившегося поросенка.

– Чего надо? – буркнула она.

– Здравствуйте, – заулыбалась я, – мы у вас в подъезде будем кино снимать. Ясное дело, пошумим немного, вот, мне велели обойти жильцов, предупредить!

– Да пошла ты! – рявкнула баба и с треском захлопнула дверь.

Я тяжело вздохнула: маловероятно, что на свете найдется хоть один мужчина, готовый одарить эту бабищу подарком на Восьмое марта. Жаль, что в календаре нет дня Бабы-яги! Вот к этому празднику тетку бы завалили презентами.

– А вы правда из кино? – шепотом спросил кто-то за спиной.

Я обернулась: из квартиры, расположенной напротив, высунулась рослая девочка лет пятнадцати.

– Я Маша, – представилась она, – что у нас тут будут снимать?

– Сериал, – улынулась я, – сцену в подъезде. Главный герой входит в дом, а его поджидает киллер.

Пошумим немного.

– Вау! Круто! – восхитилась Маша. – А вам артистки не нужны?

– Да, требуется очень красивая девушка, – обрадовалась я удаче, – скажи, среди твоих соседей есть такая?

– Я, – без ложной скромности заявила девица.

– Нужна кандидатка чуть постарше.

Маша, явно расстроившись, молчала.

– Не переживай, – попыталась я наладить контакт, – лет через пять придет и твое время.

– Мне сейчас охота, – мрачно сказала девочка.

– Сделай одолжение, помоги мне, – попросила я, – ищу в вашем подъезде симпатичных девушек, необязательно очень красивых, но приятных, понимаешь?

Маша кивнула.

– Ага, только здесь одни уроды страшные.

– Всех жильцов знаешь?

– Конечно, – пожала плечами школьница, – на пятом этаже только баба Клава живет в такой же квартире, как у нас, одна в целой «трешке», ее дочка давно просит: «Мам, поменяйся с нами, тесно в «однушке» с мужем и ребенком». А баба Клава ей в ответ: «Вот умру, тогда и въедешь в хоромы».

– Милая старушка, – кивнула я.

– Сволочь! – рявкнула Маша. – Больше на пятом никого нет, две квартиры какой-то мужик купил, но он еще не живет, наверное, скоро покоя лишимся, затеет ремонт. Болтают, что он еще и чердак отхапал, хочет пентхаус строить.

Я подавила улыбку. Пентхаус в «хрущовке» – это круто!

– На четвертом мы, – продолжала Маша, – и... во! Лена! Она за этой дверью живет! Симпатичная была! Раньше бы вам подошла, а теперь нет. Тоже сволочью стала!

– Почему? – удивилась я.

Маша вытерла нос кулаком.

– Не знаю, может, я заразилась злобой от Карины Карловны, вы ее ща видели, в халате которая. Вот уж, блин, сука! А Ленка нормальной была, мы даже дружили, она разрешала мне компом попользоваться, это я первая Андрюшу увидела!

– Андрюшу? – переспросила я.

Маша кивнула и поманила меня пальцем.

– Идите сюда, хотите чаю?

– Не откажусь, – быстро согласилась я и вошла в квартиру.

Через четверть часа Маша выболтала все. На самом деле ей всего двенадцать лет, просто девочка выглядит старше и всю пользуется этим обстоятельством. Мать не хочет покупать дочери компьютер, считает, что Интернет – «паутина разврата, в которой живут одни педофилы», а Маша страдает, у всех одноклассников давно имеются ноутбуки. Машенька ходит к подружкам в гости и давно стала «продвинутым юзером». Но постоянно пользоваться чужой техникой неудобно. Понимаете теперь, как обрадовалась Маша, когда в соседнюю квартиру вместо безумной бабки въехала симпатичная молодая девушка. Одно дело тащиться в троллейбусе в гости к однокласснице, чтобы полазить в Рунете, и совсем

другое – позвонить в соседнюю дверь. Маша изо всех сил старалась подружиться с Леной и для начала соврала ей по поводу своего возраста, назвалась семнадцатилетней.

– Ну это ты перегнула палку, – усмехнулась я.

– Лена поверила! – радостно воскликнула Маша. – И у нее имелся комп. Она такая хорошая... была. Пока Андрюша не появился, а еще она с этой встретила... ну и все! Теперь к себе не пускает. Боится, что я его отобью. Ну зачем он мне? Хотя он симпатичный, да только мама узнает и по шее накостыляет! Я же для Ленки старалась, а чего получилось? Эта увидела ее фотку на Андрюшином сайте и дружить ей предложила! Ой, Ленка ваще голову потеряла! Мне больше ничего не рассказывала! Та ей: сделай татушку. А она в ответ: конечно, с радостью. Та ей: волосы подрежь и перекрась. А она ей – иес, а та ей...

– Подожди, Машенька, – остановила я не в меру раскисившуюся девочку, – я ничего не понимаю. Ты о ком говоришь?

Маша откинула на спину длинные волосы.

– Лена очень добрая.

– Так, – кивнула я.

– Еще и красивая, – вздохнула девочка, – она очень любит свою маму.

Я внимательно слушала девочку, которая рассказывала совсем невеселую историю. Ольга Сергеевна, мама Лены, была очень больным человеком, поэтому дочери пришлось идти после девятого класса на работу. Много денег без хорошего образования нынче не заработаешь, да еще Лена принадлежит к породе вдовых людей, она не умеет добывать счастье кулаками, не занимается интригами и испуганно шарается в сторону, когда кто-то из начальников пытается запустить ей руки под юбку. Увы, у женщины в современном мире есть всего несколько путей к обеспеченной жизни. Либо ты успешна на работе, имеешь кучу дипломов и являешься эксклюзивным специалистом, либо живешь за счет мужчины. Второй вариант был Лене не по душе, она хотела встретить свою любовь, а на учебу не было времени: все свободные от мытья офисов часы уходило на обслуживание мамы. Потом больной стало совсем плохо, ее пришлось поместить в клинику, понадобились еще большие средства. И тут Лену осенило: она сдала родительскую квартиру, себе сняла непрезентабельную «однушку», а вырученные от этого доллары пошли на лечение матери.

Единственной радостью для Лены был Интернет. Будучи доброй девушкой, она разрешала пользоваться своим компьютером Маше. Других подруг у новой жилички, похоже, не было.

Несмотря на юный возраст, Маша неплохо разбирается в людях, и ей стало жаль Лену. Ну где той найти себе жениха? И Маша решила сделать доброе дело: ползала по брачным сайтам и нашла там фотографию очень красивого парня, Андрюши, который написал о себе: «Молодой, спортивный, не пью, не курю, нацелен на создание семьи».

Решив, что эта кандидатура вполне подходит, Маша отправила фото Лены на его адрес и получила от Андрея ответ: «Очень рад знакомству. Мы можем продолжать его в чате, где я бываю каждый вечер».

Маша обрадовалась еще больше, значит, Андрей и в самом деле нормальный человек, сексуально озабоченные парни тут же предлагают встречу в реале, торопятся уложить в постель очередную девчонку. Маша влезла в чат и обнаружила там большое количество посетителей. Через пару дней девочке стало ясно – Андрюша король тусовки, основная часть посетительниц влюблена в него, но самой рьяной и даже наглой является некая Белка, она готова на все, чтобы заполучить парня.

Спустя пару недель Маша призналась Лене в совершенном деянии, соседка сначала возмутилась:

– Кто просил тебя рассылать мои снимки?

Но школьница так уговорила Лену заглянуть в чат. И все! Случилось то, чего никак не ожидала Машенька: Лена и Белка внезапно подружились.

– Сначала Лена мне все уши прожужжала, – обиженно тянула Маша. – «Белка замечательная, умная, красивая!» Потом они начали по аське общаться. Ну а потом эта Белка ей вообще мозги порушила! Ленка под нее косить начала!

– Зачем? – удивилась я.

– С ума сошла, под чужое влияние попала, – вздохнула Маша. – Эта Белка, типа, гипнотизер. Наплела черт-те чего Ленке, налила ей в уши байдю! А та и рада стараться. Сначала волосы перекрасила, потом брови выщипала. Затем Белка ей шмоток надарила! Правда, очень классных, дорогущих! А последняя фишка – татушка! Ленка ее дней десять назад на ноге выколола! Ой, она так болела! Жуть! Я как увидела, так и решила: ну ни за какой шоколад на это не соглашусь! Хоть ей Белка и пообещала золотые горы!

– Ты о чем? – уточнила я.

Маша шмыгнула носом.

– Она нас раздружила, Белка мерзотная! Ленка тоже хороша! Ее новая подруга по аське выпрашивать

начала: «Одна живешь? Есть родственники? Друзья?» Лена и написала: «Нет!» Меня за близкую не посчитала, кстати, это обидно! И сразу в дом меня пускать перестала, а потом сказала: «Знаешь, Маня, не ходи ко мне в гости, Белка условие поставила: либо мы вдвоем, либо она со мной не дружит. Извини, но она мне как сестра! Понимаешь?»

Маша говорила и говорила, видно было, что в душе у девочки кипит обида.

Через час я вышла на улицу, побежала к метро, купила в киоске почти все газеты, не только свежие, но и старые. Так и есть! Журналисты писали о несчастье Эдуарда Гаркави, половина изданий проиллюстрировала материал о погибшей дочери олигарха ужасными фотографиями с места аварии, другие дали снимки Анны, сделанные на разных светских мероприятиях. Красивая девушка в дорогих украшениях и шикарных платьях заученно улыбалась с газетных полос.

Я вздохнула и вытащила мобильный. Девятнадцать лет – это слишком рано, чтобы отправиться на тот свет, социальный статус и материальное положение тут роли не играют, абсолютно все равно, являешься ты дочерью олигарха или нищенкой, смерть не должна забирать ни ту, ни другую на пороге двадцатилетия.

Кое-где Гаркави была в длинных вечерних платьях, кое-где в вызывающем мини, и, надо отметить, Анне было что показать. Ноги у девушки были на зависть стройными, а ступни крохотными, как у Золушки. Даже зимой Гаркави щеголяла на вечеринках в босоножках, щедро украшенных стразами, у нее под каждый наряд имелись специальные туфли и сумочка. Несмотря на скандальную репутацию, Анна обладала хорошим вкусом или имела отличного стилиста. Вот хотя бы этот снимок, под которым стоит подпись: «Красавица Гаркави на дне рождения телеведущего Балагова». На праздник Анна надела черное, обтягивающее фигуру платье. Вроде бы классический наряд, вот только разрез сбоку полностью открывает ногу красотки. Во всем остальном дочь бизнесмена была безукоризненна. Педикюр-маникюр-макияж-прическа – идеальны. Лак на руках и ногах контрастен и не совпадает с тоном губной помады. Я люблю читать гламурные журналы и знаю, что теперь немодно краситься, так сказать, одним цветом.

Я еще раз внимательно изучила все снимки. Маникюр-педикюр... В голове пронеслись обрывки разговоров, вновь зазвучал голос Лены: «Оставь часы себе, экая ерунда», «Ага, я имею дом в Огаревке и «Бентли», сам видишь, как живу», «Андрюша мой», потом вмешался дискант Маши: «...она нормальная была», «... совсем с ума сошла», «Белка ей вещи дарила».

Я вынула часы с брильянтами из сумочки, внимательно осмотрела их и убедилась, что замок у браслета в полном порядке, штырек, о котором говорила продавщица Марина, на месте, но крепление расстегнуто. Оно не могло открыться само, его разомкнула хозяйка. Ох, похоже, мне нужно обратиться к Гри.

Я вытащила мобильный и нажала на кнопку с цифрой 2. Бога ради, не подумайте, что муж занимает в моей жизни второе место! Нет, он всегда первый, но клавиша с номером 1 отчего-то не участвует в быстром наборе.

– Да! – гаркнул Гри.

– Милый, это я, как дела?

– Отлично, кто это говорит?

– Таня.

– Татьяна? – изумился муж. – Назовите фамилию!

Я почувствовала укол совести. Я уже говорила, что Гри – актер очень и очень талантливый, с огромной самоотдачей. Для мужа не существует маленьких ролей. Да, ему пока не удалось сыграть Гамлета, но это не означает, что в рекламном ролике он станет изображать пакет с соком спустя рукава. Вот и сейчас Гри вжился в образ и забыл обо всем на свете. На данном этапе он не мой муж, а некий персонаж.

– Танечка! – уже другим тоном спросил супруг. – Что случилось?

Мне стало еще гаже. Ну вот! Выбила Гри из творческого настроения, теперь ему снова придется собираться.

– Что случилось? – повторил муж.

Видите, какой он замечательный? Другой бы наорал на дуру-бабу, помешавшую творчеству, а Гри волнуется о глупой жене.

– Ерунда, дорогой, – смущенно проблеяла я, – мне очень нужен телефон твоего приятеля, полковника милиции Федора Симонова.

– Секундочку, – бормотнул Гри, – погоди, надо его из мобильного вытащить, записывай.

Я нацарапала цифры на полях одной газеты, услышала из сотового короткие гудки и совсем расстроилась. Таня, ты редкостная свинья! Не сказала Гри спасибо! Очень недовольная собой, я вновь нажала на кнопку быстрого набора. Равнодушно-вежливый женский голос произнес фразу о том, что абонент недоступен. Гри очень умный, слава богу, он догадался отключиться от сети, а то некоторые глупые тетки, вроде меня, могут помешать съемкам.

Я быстро набрала номер, продиктованный мужем, договорилась с Симоновым о немедленной встрече и побежала к метро. Обычно на московских улицах редко встретишь мужчин с цветами, но сегодня каждый второй представитель сильного пола тащил букет, завернутый в бумагу. На секунду я ощутила зависть к женщинам, которые сегодня получают розы, герберы, лилии... Но тут же прогнала прочь дурацкие мысли, сказав себе:

– Татьяна, не будь идиоткой! Большинство мужей вспоминает о существовании жен лишь Восьмого марта, принесут дежурные цветики и схватятся за бутылку отмечать праздник. Девятого числа жен встретит на кухне гора посуды, а кое-кто будет замазывать синяки, нанесенные кулаком мужа-алкоголика. А мой супруг – творческий человек, нежный, заботливый, умный, тонкий, страстно меня любящий, дело не в подарках, а в глубоких чувствах, которые испытывает ко мне Гри. Дело не во внешних проявлениях любви. Кому нужна эта демонстрация?

Гри вернулся пятнадцатого марта. Сначала уставший муж принял ванну, затем выпил кофе с горячими пирожками и заулыбался:

– Я купил в поезде газеты, а там сплошные рассказы про мою жену! Милая, ты стала звездой!

– Скажешь тоже, – покраснела я, – честно говоря, я пребываю в шоке, не представляла, какую бучу затеет «желтая» пресса! И ведь корреспонденты продолжают мне звонить! Никак не успокоятся, пришлось отключить оба телефона – и мобильный, и домашний!

Гри покосился на молчавшую трубку, лежавшую на тумбочке, и вдруг спросил:

– И как ты догадалась, что произошло убийство?

Я пожалала плечами.

– Сопоставила факты, и кое-что показалось мне странным. Я была почти на сто процентов уверена, что часы выпали из окна Лены. Когда стала беседовать с ней, она занервничала, хотела поскорей от меня избавиться и ляпнула: «Оставь себе находку, экая ерунда».

– Почему тебя насторожила эта ничего не значащая фраза? – изумился Гри.

– Бедный человек не назовет бриллианты ерундой, – улынулась я, – так может сказать особа, у которой полно украшений, причем не купленных лично, а кем-то подаренных. Еще один нюанс. Сначала Лена показалась мне честной, она ведь могла взять часы, поблагодарить меня, и дело с концом. Но девушка отказалась от ценности, значит, она не способна присвоить чужое, и вдруг посоветовала мне... не искать владелицу, а считать часы подарком судьбы на Восьмое марта. Это ее заявление противоречило первому впечатлению о ней. Еще соседка Маша сказала, что тихая, даже застенчивая Лена попала под влияние некоей Белки, подруги по интернет-общению, а та, весьма хваткая девица, полностью подчинила себе новую знакомую. Велела Лене изменить прическу, форму бровей, сделать татуаж губ и наколку на ноге. Одна моя знакомая не так давно посетила тату-салон, набила себе на лодыжке разноцветного дракончика. Я видела, как она мучилась на протяжении двух недель после посещения салона. Картинка воспалилась, покрылась корочкой, ее пришлось мазать кремами, укрывать пищевой пленкой, она не сразу приобрела нормальный вид. А Маша говорила, что Лена была у мастера дней за десять до моего появления в квартире! Но тату на ноге у Лены не выглядело воспаленным, его, похоже, сделали давно. Еще меня поразил свежий педикюр, явно выполненный дорогим мастером. По идее, не очень обеспеченная девушка не пойдет в элитное место. Я отметила этот факт и машинально посмотрела на руки Лены, они тоже были в полнейшем ажуре. Мне, правда, показалось, что на левом мизинце есть пятнышко от лака, но потом я сообразила – там небольшая родинка.

– Ты просто Шерлок Холмс, – восхитился Гри.

– Скорей уж мисс Марпл, – улынулась я. – Еще Лена на мой вопрос: «Это ваши часики?» – язвительно ответила: «Кроме них, я имею дом в Огаревке и папу-олигарха». Девушка явно ехидничала, ее слова следовало считать шуткой. Но потом, из газет, я узнала, что погибшая дочь Эдуарда Гаркави жила в Огаревке. И тут у меня зародился законный вопрос: откуда Лена знала о поселке, где обитают супербогатые люди?

– Просто так ляпнула, – улыбнулся Гри.

– А вот и нет, – посмела я возразить мужу, – у обычных людей скорее вырвалась бы фраза типа: «Дворец на Рублевке», вот про это место слышали все, а об Огаревке известно лишь избранным. Так откуда эта информация? Кроме того, на одном из фото Анны Гаркави я углядела на мизинце пятнышко и вот тогда поехала к Федору Симонову.

Твой приятель оказался молодцом, он живо раскрутил это дело, уже рано утром девятого марта Лена и Андрей давали показания. Все оказалось очень просто и даже примитивно.

Полгода назад Эдуард отправил Анну в специализированную клинику. Отец надеялся, что врачи

приведут девушку в порядок. Она попросила купить ей ноутбук, сказала:

– Буду осваивать комп, хоть время займу.

Взяв себе ник Белка, Анна начала шарить по сети и наткнулась на чат, где царил красавец Андрюша, выбиравший невесту. Белка влюбилась в парня, но тот был с ней всего лишь любезен. Очень скоро Анна поняла: особый интерес у Андрюши вызывает некая Лена, и решила сблизиться с соперницей, чтобы понять, чем та привлекла парня. Девушки обменялись фото и с удивлением заметили свое сходство. Если Лена поменяет прическу, форму бровей и слегка увеличит губы, она будет вылитая Аня. Гаркави – сильная, авторитарная личность, ей ничего не стоило подчинить себе кроткую, податливую Лену. Анна поставила ей условие: дружим лишь вдвоем, от остальных знакомых абстрагируемся, и Лена перестала общаться с Машей.

– Понял! – закричал Гри. – В машине погибла Лена!

– Верно, – грустно кивнула я, – Анна была настолько влюблена в Андрея, так хотела быть с ним, что решила на убийство и поселилась в убогой квартире Лены. Она знала, что Андрей и Лена собрались встретиться впервые в реальной жизни Восьмого марта, и подстроила катастрофу. Лена получила в машине «таблетку-витаминку», которая на самом деле являлась сильнейшим снотворным. Когда несчастная заснула, Анна загнала машину в овраг, посадила Лену за руль, плеснула на иномарку бензин и чиркнула зажигалкой. Труп обгорел до неузнаваемости, словно сам черт помогал Анне, потому что, как она и рассчитывала, почти нетронутой оказалась нога с татушкой. Ни у кого не возникло сомнений в личности погибшей, Гаркави не раз задерживали пьяной за рулем.

– Однако она рисковала, – отметил Гри.

– Чем?

– Ее могли узнать как знакомые Анны, так и Лены.

Я помотала головой:

– Нет, Гаркави и Лена жили в непересекающихся кругах. Мать девушки держат на наркотиках, у нее спутанное сознание, дочь она не узнает, да и близких подруг у Лены нет. Андрей же, хоть и является обеспеченным парнем, не входит в компанию тусовщиков, у него процветающий авторемонтный бизнес, по светским раутам он не таскается, его свадьба с «Леной» не заинтересует папарацци. Думаю, не соверши Анна роковую ошибку, ее план мог бы удался. Однако любовь – страшная вещь, Анна спокойно убила девушку и забыла про отца, и все ради Андрюши.

– О какой же роковой ошибке идет речь? – не сообразил Гри.

– Часы, – пояснила я, – они невероятно нравились Анне, она их не снимала, даже спала с «будильником». Они были у нее на руке и в тот день, Восьмого марта. Гаркави жила в квартире Лены, одевалась в ее шмотки, она встретила Андрея и, лишь приведя его в комнату, сообразила: часы! У нищей девушки таких быть не может! Решение пришло спонтанно, Анна быстро подошла к окну и, сказав: «Холодно стало!» – закрыла раму, часики она ловко вышвырнула наружу.

– Не пожалела такую дорогую вещь! – удивился Гри.

– Гаркави была готова отдать за Андрюшу все миллионы отца, что ей сто тысяч евро, – вздохнула я.

– Прямо страшно, – поежился Гри, – узнаешь про такое и подумаешь: вдруг и у тебя имеется двойник с преступными наклонностями.

Муж встал и начал ходить по комнате.

– Есть некая информация, которую старательно сберегли от «желтой» прессы, – договорила я. – Лена на самом деле сестра Анны. Эдуард поймал супругу с любовником и выгнал прелюбодейку вон, но ни он, ни его неверная жена Ольга не знали о ее беременности. Лена родилась удивительно похожей на Аню. Понимаешь, в каком состоянии сейчас олигарх?

– Жесть! – подскочил Гри. – И, судя по газетным публикациям, он еще пытается помочь дочери!

– Думаю, отец вытащит Анну из беды, сейчас над этим делом работают лучшие адвокаты, – мрачно ответила я, – Анну даже не задержали, она сидит под домашним арестом и...

Трубка на столе резко зазвонила, я вздрогнула.

– Гри, не бери. Это стопроцентно журналисты. Ума не приложу, почему заработал телефон! Отлично помню, как выключала его.

– Наверное, я случайно нажал на кнопку, – протянул Гри и прижал трубку к уху. – Да! Кто? «Треп»? Что вы хотите? Дать комментарий о деле Гаркави? Она сегодня сбежала из страны? Ну и ну! Приезжайте. Кто я? Муж Татьяны, киноартист Гри. Ну, естественно, я знал о расследовании супруги, у нее нет от меня тайн. Чем помогал? Ну, например, посоветовал ей обратиться к своему лучшему другу, следователю Федору Симонову. Да, да, именно он ведет дело. Послушайте, а фотосессию вы тоже хотите по телефону сделать? Только побыстрей, у меня съемки запланированы. Ладно, подождем! Ох, от вас ничего нельзя скрыть!

Просто не всем режиссерам захочется снимать актера, который занялся раскрытием убийства, поэтому мы с женой решили скрыть информацию о моем участии в расследовании.

Гри бросил трубку в кресло и повернулся ко мне.

– Корреспонденты не отстанут! Они очень настырные! Надо один раз встретиться с ними.

– Не хочу, – испугалась я.

– Спокойно, – улыбнулся Гри, – я выведу тебя из-под огня, возьму все на себя, молчи и кивай, хорошо? Ради твоего спокойствия я совру, что активно занимался расследованием, пусть в газетах треплют мое имя.

Я с обожанием посмотрела на супруга. Понимаете теперь, как я счастлива? На Гри всегда можно положиться, он защитит, поможет, спасет. Конечно, иногда мне бывает нелегко, жить с гением непросто, но... хотите совет? Никогда не бойтесь трудностей, в них кроются новые возможности.

Дарья Калинина

Подруга бывает кусачей

Солнце светило в небе так ярко, словно вознамерилось за один день воздать горожанам за долгие месяцы зимы. Теперь оно не халтурило, а жарило изо всех своих весенних сил. Маленькие облачка сначала опасно жались к краю небосвода, опасаясь попасться под горячую руку разошедшемуся светилу. Ведь испарит же! В один момент испарит! И чтобы не искушать судьбу, облачка в конце концов просто взяли да и попрятались.

Да, на улицы города стремительно наступала ее величество Весна. Как же все ее ждали! И вот наконец она пришла и сразу же начала устанавливать свои порядки. Побежали ручьи, снежные сугробы превратились в глубокие лужи. А из-под растаявшего снега на солнечных местах стала проглядывать первая зеленая травка. Она была заметна особенно хорошо в тех местах, где под землей проходила теплотрасса.

Птицы тоже радовались. Они заливались счастливым пением, сидя на мощных раскидистых тополях. Воробьи разбивались по парам. Голуби вовсю ухаживали за своими голубками, воркуя и крутясь возле них словно заведенные, ничуть не смущаясь показным равнодушием своих красавиц.

И даже вороны, которых в течение трех зимних месяцев, казалось, вообще не интересовало ничего, кроме обильной пищи, теплого местечка для ночлега и легких потасовок с конкурентами (потасовок, устраиваемых главным образом для того, чтобы хоть немного согреться), даже вороны пригласили свои серые перышки. И начали поглядывать на противоположный пол с большим вниманием.

А одна молодая ворона рискнула на флирт.

– Кар-р-р! – кокетливо произнесла она и спикировала прямо над головой проходящего мимо мужчины.

Чтобы, значит, все видели, какая она грациозная, подвижная и ловкая.

– Кар-р-р-р! Кар-кар! – одобрили все вокруг.

Ворона хотела сделать еще один заход, но мужчина уже ушел слишком далеко. Оно и понятно, ему было не до ворон. Он торопился к своей возлюбленной. Торопился, потому что знал: она ждет его. И обязательно захочет его поцеловать, едва он переступит порог ее небольшой, но такой уютной квартирki. А может, она будет ждать его у окна и весело замашет рукой. И когда увидит, какой роскошный букет он ей привез, ее большие наивные глаза сделаются еще больше.

Букет в самом деле был роскошный. Из мимозы, потому что ОНА пожелала только мимозу.

– Только эти цветы и никакие другие!

– Почему, любимая?

– Ее в это время всегда полно. Купить можно за копейки. И совершенно не нужно, милый, выбрасывать деньги на ветер. Если купишь какие-нибудь другие цветы подороже, я на тебя серьезно обижусь.

Ну, мимоза так мимоза. Он специально заехал в фирменный цветочный магазин. И попросил недоумевающих продавщиц соорудить нечто грандиозное из свежих веток мимозы.

– Может быть, добавить несколько белых роз? – робко предложила одна продавщица.

– Или ирисы. Посмотрите, какие они замечательные! Только сегодня привезли.

– И они изумительно сочетаются с желтой мимозой.

Владик не спорил. Белое, желтое, зеленое и фиолетовое – в самом деле красивое сочетание. Ничего лишнего, каждый цветок на своем месте. Но ОНА хотела именно мимозу. И он взял только эти цветы. Зато уж взял, так взял! На букет пошла целая охапка мимозы. Практически весь запас, который был в магазине.

– Это наша первая весна вместе, – пояснил Владик ошеломленным его заказом продавщицам. – И я хочу, чтобы ОНА запомнила ее на всю жизнь.

И он вышел из магазина с роскошным ярко-желтым букетом. Букет был живым существом. И он сам по себе был словно весеннее солнце. Да еще от себя продавщицы украсили невиданный букет райскими птичками – пушистыми и разноцветными.

Против птичек Владик не возражал. Про птичек у них с НЕЙ разговора не было. Значит, все в порядке. Она не будет сердиться. А птички, он не мог этого отрицать, в самом деле заметно украсили букет.

– Весна! Весна! – пело и ликовало все вокруг.

Сама природа проснулась от зимней спячки. И люди, какими бы занятыми они ни были, не могли не откликнуться на этот зов.

Первые весенние дни всегда сопряжены с многими хлопотами и волнениями. Ведь нужно отметить первый день весны. А следом за ним грядет Восьмое марта – самый волнительный праздник для всего

женского населения нашей страны.

И волнение прекрасной половины человечества вполне понятно. Что он подарит? Подарит ли хоть что-нибудь? Вспомнит ли вообще о том, что сегодня праздник, и о том, что она – женщина?

Эти вопросы терзают абсолютно всех. И молодых, и старых. И замужних, и заневестившихся. И как следствие, из этих терзаний вытекают разные мысли.

– Ну, я ему покажу, если он не вспомнит!

– На двадцать третье февраля подарила ему роскошный парфюм, неужели поспешила даже на флакон туалетной воды?

И еще одна крайне важная мысль:

– Ни за что не напому ему сама! Надо быть гордой!

При этом каждая особа женского пола, независимо от своего возраста, не может не трепетать. Особенно, если это ее первое Восьмое марта с ее избранником. Тут уж тревога одолевает бедняжку по полной программе. Как же он все-таки поступит? И что из этого будет следовать?

Если сделает вид, что забыл, и явится с пустыми руками, значит, жадина. Если подарит подмерзшую мимозку, значит, дурак. Если вообще не появится у меня в этот день, отговорится сомнительной важности встречами или делами, значит, просто подлец и ничего серьезного с таким человеком построено быть не может.

И женщины ждут и предвкушают. Тревожатся и заранее сердятся.

Не волновалась только она. Звали ее Леночка Царькова. И, пожалуй, во всей стране не нашлось бы женщины, которая была бы больше уверена в своем избраннике, чем она.

– Он придет! – напевала она. – Он обязательно придет! Он придет и поцелует меня жарко-жарко.

При этом она вертелась перед зеркалом, примеряя на себя алое с тоненькими бретельками платье. Платье было красиво само по себе. И к тому же очень шло Леночке. Это признали все. И приемщицы в ателье, в котором работал знакомый Леночки, закройщик, который был малость со странностями. Странности его заключались в том, что, обладая «золотыми» руками, верным глазом и потрясающим чувством вкуса, он так и сидел в самом обычном районном ателье.

Впрочем, благодаря талантливому мастеру ателье пользовалось славой. И очередь к мастеру среди его клиенток выстраивалась на многие месяцы, а то и годы. Леночке повезло. Она получила «очередь» в подарок от своей подружки. Та недавно вышла замуж. И теперь они с мужем ждали пополнения семейства. Как следствие этого Леночкина подружка очень сильно поправилась.

– Но скоро ведь я снова похудею! – делилась она с Леночкой. – И какой смысл шить платье на меня теперешнюю, если через несколько месяцев я снова стану стройной и красивой?

– Ты и сейчас красивая! – совершенно искренне воскликнула Леночка, но «очередь» в подарок все-таки приняла.

В самом деле, зачем напрасно выкидывать деньги на ветер? Ведь то платье, которое сейчас сошьет мастер для подружкиной заметно округлившейся фигуры, будет ей впоследствии не нужно. Разве что она надумает рожать второго или третьего ребенка.

– Но к тому времени платье может выйти из моды. Или его попортит моль. Или оно вытянется, полиняет, запылится. Просто надоест мне! Нет уж, сейчас у меня другие заботы. Так что иди и шей себе! А я запишусь заново! Глядишь, к тому времени и похудею.

И вот Леночка стала обладательницей волшебного прекрасного платья из тяжелого жатого шелка алого цвета. Лиф был гладким. А от талии платье расходилось красивыми глубокими складками. Настоящее бальное платье. В таком в пору фотографироваться для журнала «Вог», а не фланировать по крохотной однокомнатной квартирке в самом обычном панельном доме, в котором проживала Леночка.

Да, квартирка у нее была не ахти какая. Но зато своя собственная! И Леночка очень гордилась, что у нее есть отдельное жилье – предмет зависти и пересудов всех продавщиц у них в магазине. Почти все они жили с родителями или снимали жилье.

– Плачу за жалкую конуру в девять квадратов целых восемь тысяч рублей. И это даже не отдельная квартира. Так, комната в коммуналке, – особенно ярилась Лариска. – А тебе, Ленка, повезло! Своя хата! Те же восемь тыщ, что я хозяйке отдаю, ты на себя потратить можешь. В свое удовольствие живешь!

– Зато у тебя комната в центре! – пыталась возразить Леночка. – А у меня на окраине.

– Метро в двух шагах!

– Ничего себе два шага! Целых три автобусные остановки!

– Все равно прогуляться одно удовольствие!

И Леночка перестала спорить. Повезло так повезло. Хоть в чем-то ей повезло, потому что родителей своих Леночка даже и не помнила. Они погибли совсем молодыми. И вырастила Леночку ее бабушка. Жили

они на две пенсии. На бабушкину и на ту, которую получала Леночка. Так что Леночка в детстве целым колготкам радовалась так же, как иные ее более обеспеченные одноклассники фирменным джинсам.

Однако все когда-то проходит. Прошли и голодные времена. Леночка выучилась на продавщицу и пошла работать. Потом, почти не болея, тихо скончалась ее бабушка. И Леночка осталась совсем одна в собственной квартире. Другая бы на ее месте загуляла и пустилась бы во все тяжкие. Но Леночка была хорошей девочкой. После работы шла домой. А из дома снова на работу.

Разумеется, у нее случались кавалеры. Но ни один из них не оставлял в ее сердце глубокого следа. Да и слишком быстро они исчезали, чтобы Леночка могла хорошо узнать и, быть может, полюбить кого-то из них. Одним словом, работа, дом, встречи с подругами, кино, книги, телевизор и снова работа.

И вот там на работе она и встретила ЕГО! Это произошло серым пасмурным осенним вечером. Леночка сидела на своем обычном месте на кассе. Покупателей в магазине было мало. И она смотрела в окно. Там было холодно, сыро, и по стеклу уныло стекали капли дождя. Она думала... Впрочем, понятно, о чем думает молодая одинокая девушка.

И вдруг...

– Девушка! – прозвучал над ее ухом мужской баритон.

Леночка оторвалась от созерцания оконного стекла и вздрогнула. На нее смотрели два золотисто-карих удивительно теплых глаз. У Леночки перехватило дыхание. Теперь она не видела ничего, кроме этих глаз.

– Девушка, – повторил мужчина, – могу я вас кое о чем попросить?

– Да, – пролепетала Леночка. – Что вы хотите?

Она была готова, что мужчина попросит пробить ему полкило «Московской» колбасы и майонез «Кальве». Ну, и уже нарезанный батон. Или кило говяжьей вырезки. Или что-нибудь столь же неинтересное. Но почему же тогда у нее так замирает сердце? Вряд ли из-за майонеза.

И незнакомец ее не подвел. Он не захотел колбасы. Вместо этого он произнес:

– Подарите мне, пожалуйста, вашу улыбку.

И Леночка, которая никогда прежде не заигрывала с покупателями, против воли улыбнулась странному посетителю. Так и завязался их роман. Сначала Владик, так звали любимого мужчину Леночки, долго и как-то удивительно красиво ухаживал за Леночкой. Он вообще все делал красиво.

– Конечно, богатенького себе отхватила! – завистливо шипела все та же Лариска. – Чего ему не ухаживать?

– Он не богат.

– Конечно! Заливай больше! Видели мы, на какой тачке он за тобой прикатывает!

– Просто «Ауди», – почему-то оправдывалась Леночка. – Не слишком новая к тому же.

– Всего год как из Германии пригнали!

На этом месте Леночка ощутила неприятный укол. Откуда Лариска все это знает? Лично ей, Лене, все равно, на какой машине ездит Владик. Пусть бы даже это была простая «Лада». Она бы не возражала. Машина, она и есть машина. Кто на какую заработал. И это вовсе не говорит, что собой представляет этот человек на самом деле.

Но Лариска не унималась и все шипела и шипела:

– И почему одним все, а другим ничего?! И квартира у нее отдельная! И мужик на иномарке! И сама красавица!

Леночка и в самом деле была хороша. Ростом она была чуть выше среднего, но благодаря хорошей осанке казалась выше. И за фигурой она следила, не лопала столько жирной ветчины, как Лариска. Потому на бедрах у нее турецкие бриджики сидели словно влитые, а на Лариске любая, даже самая дорогая, шмотка казалась принесенной с рынка.

Кроме того, у Леночки были чудесные голубые глаза, нежная кожа и длинные рыжевато-золотистые волосы. На висках они немного вились и спускались красивыми локонами. На вздернутом носике устроились несколько милых веснушек. Но они Леночку не портили. Такие они были светлые и золотистые. Да и характер у Леночки был золотой. Все ее подружки, коллеги и даже начальство в лице строгой директрисы Вендетты Генриховны признавали это.

Вот у Вендетты был тяжелый характер. Да и каким ему еще быть, с таким-то именем? Трудно даже представить, чем руководствовались ее родители, давая ребенку имя – Вендетта. Или они не знали, что означает это слово? Впрочем, трудно ожидать большого здравомыслия от людей, которых и самих звали Генрих и Одетта. И это в двадцатом веке! В Стране Советов!

Но даже Вендетта, которая то ли из-за своего имени, то ли просто так всегда и ко всем придиралась, мстила, увольняла и для которой дня не проходило, чтобы она не устроила разнос какой-нибудь нерадивой подчиненной, никогда не повышала голоса на Леночку.

– Ты у нас словно солнышко! – говорила она, и в ее голосе слышались непривычные ласкающие нотки.
– Всегда улыбаешься! Всегда стараешься всем услужить. А о себе думаешь в последнюю очередь!

– Вы меня захвалите совсем! – краснела Леночка.

– Всем бы брать с тебя пример, – после этого следовал пристальный взгляд директрисы в сторону Лариски. – Тогда и поводов для недовольства было бы куда меньше!

– Конечно, легко быть хорошей, когда тебя все любят! – злобствовала Лариска. – А посадить бы Ленку в мою шкуру! Небось быстро бы перестала ко всем подряд ласкаться!

– Злая ты, Лариса! – укорила ее Вендетта Генриховна. – И завистливая. Поэтому и замуж тебя мужики не берут. Ты же их своим постоянным нытьем изведешь. Сколько тебе ни дай, все тебе мало. Берешь и забываешь! Даже не поблагодаришь!

Лариска краснела и злилась. Но Леночка не обращала внимания на злобствующую приятельницу. Она была слишком счастлива. И думала, что все вокруг тоже должны быть поэтому счастливы.

И совершенно напрасно она так думала. Потому что имелся человек, которому ее счастье было словно кость в горле.

Но в этот момент, кружась перед зеркалом, Леночка не думала ни о чем плохом. Только о хорошем. Только о том, что за окнами наконец-то наступила весна! Что у них с Владиком впереди чудесное лето и много-много других чудесных лет.

– Он придет! – напевала она. – Придет и подарит мне мимозу! Мимозу и самого себя!

Пела Леночка в одиночестве. Пожалуй, музыкальный слух или, верней, полное его отсутствие было ее единственным слабым местом. Но ведь и на солнце есть пятна. Тем более что это было даже не пятно, а так, пятнышко.

– Он придет! – самозабвенно выводила Леночка. – Уже пришел!

Как раз в этот момент в дверь раздался звонок. И она, бросив в зеркало последний торжествующий взгляд и оставшись очень довольна своим отражением, кинулась к дверям. Встречать любимого!

...Владик спешил к любимой изо всех сил. И все так ладно складывалось! Машина, которая, по правде сказать, прибыла из Германии совсем не год, а лет пять назад, завелась с первого же оборота. А иной раз могла и покапризничать. Несмотря на то что Владик уже целых три раза отгонял ее в сервис, зажигание все равно барахлило.

– По-хорошему, поменять бы надо машинку, – признавался самому себе Владик. – Эту я неудачно взял.

Но то одно, то другое, денег на ту машину, которую он хотел, пока что не хватало. А брать что-то попроще он не видел смысла. Дела его шли неплохо. И если подкопить, экономнее жить два-три месяца, то летом можно будет порадовать Леночку настоящим внедорожником! Действительно новым, а не производящим такое впечатление на разных дурочек с ее работы.

Милая Леночка! Владик с умилением вспомнил про любимую. Какая она наивная! Как умеет радоваться сущим пустякам! И как трогательно она запрещает ему дарить ей дорогие подарки. А ведь они встречаются уже полгода. И даже чуть больше. Почти что живут вместе. И при этом такая щепетильность.

– Пойми, – втолковывал он девушке. – Ты теперь со мной. Это раньше ты жила в бедности. А я хочу, чтобы моя невеста ходила с брильянтом на пальчике. И в норковой шубке.

Шубка, если честно, была куплена половинчатая. Не шуба, а так, курточка. Но на длинную шубу у Владика просто рука не поднялась. Однако Леночка и норковую курточку согласилась принять с трудом.

– Зачем мне? – отказывалась она. – Есть у меня дубленка. Отлично прохожу в ней еще один сезон.

Но Владик все же настоял и на норковой курточке. И на колечке с бриллиантками. И сапожки они купили Леночке. Пусть и не в самом дорогом магазине, но тоже вполне приличном, где торговали обувью, сшитой по итальянским лицензиям.

– Ничем не хуже итальянских, – заверил их продавец. – Будете носить и радоваться.

Леночка так и делала. Она вообще радовалась многим вещам. И Владика доставляло удовольствие баловать свою крошку.

И вот сейчас он торопился к ней с огромным букетом желтой мимозы. Один этаж, второй, третий. Вот и заветная дверь.

– Леночка! – приплясывая на пороге от нетерпения, шепотом позвал Владик. – Открывай!

Но Леночка что-то задерживалась. Наверное, душ принимает, хочет к его приходу быть неотразимой в своем алом шелковом платье. Владик его уже видел. И теперь улыбнулся, предвкушая, как в конце прекрасного романтического вечера он его все же снимет с милой Леночки.

Чтобы не тревожить любимую, Владик вытащил ключ от входной двери. И отпер ее.

– Милая! Я пришел! С праздником тебя!

Договаривал свое поздравление Владик уже заикаясь и холодея. Леночки дома не было. Вместо нее тут царил кавардак. Вещи были разбросаны. Стулья валялись на толстом ковре. По паркету раскатились Леночкины косметические карандаши – для глаз, для губ, для век, для бровей. И еще бог знает для чего.

Но особенно поразило Владика то самое алое платье... Оно было измято и порвано. И в одном месте даже испачкано какими-то темными влажными пятнами. Не веря своим глазам и затаив дыхание, Владик подошел ближе и дотронулся до платья.

Пятна в самом деле были влажными. И отдернув руку, Владик убедился, что его пальцы испачканы чем-то красным.

– Кровь! – побледнел он. – Лена! Леночка!

Теперь в его голосе звучало неподдельное отчаяние. Он уже понял, что с его любимой девушкой случилась беда. Она пропала! Исчезла! Может быть, даже погибла.

К горлу Владика подкатил тяжелый комок. И он судорожно сглотнул его. Так! Сейчас нельзя распускать нюни. Сейчас он должен действовать! Причем как можно быстрее. Ясно, что Леночку похитил кто-то из своих. Девушка никогда не открывала дверь всяким подозрительным личностям вроде страховых и рекламных агентов. Продавцам дешевых, привезенных прямо из деревни овощей тоже не открывала. Значит, к ней пришел кто-то знакомый. Девушка открыла ему дверь. А что же случилось дальше?

Надо бежать! Возможно, еще не все потеряно. И он сможет догнать... Кого? Кто мог похитить его Леночку? Куда ему бежать? К кому обратиться за помощью и поддержкой?

И только сейчас Владик понял, что ровным счетом не знает, к кому из Леночкиных знакомых ему обратиться в критической ситуации. Он не знал никого из Леночкиного окружения, кроме ее коллег с работы. И Владик побежал туда. В тот самый магазин, где и познакомился с Леночкой.

Девушки были все на местах. И Владик страшно перепугал их своим внезапным появлением и смятенным видом.

– Нет, Леночки тут нету.

– Как нету? – воскликнул Владик, словно Леночка обязательно должна была быть в магазине.

Девушки испугались еще больше. И вызвали директрису. Вендетта Генриховна повторила Владиду, которого в магазине уже все хорошо знали, то же самое.

– Леночка сегодня выходная. И разве вы не собирались провести вместе этот вечер?

– Собирались. Но я пришел, а ее нет!

И Владик изложил директрисе то, что ему довелось наблюдать.

– Тогда в милицию! – воскликнула та. – Немедленно. К сожалению, я не могу пойти с вами, праздничный день, сами понимаете, в магазине творится светопреставление. Но вы идите! Срочно!

Владик встрепенулся. В самом деле, вот куда нужно пойти! Он выскочил из магазина и замешкался. Секундочку! Но что он скажет в отделении? Что пришел, а его знакомой нет дома? Да его просто поднимут на смех. Или проявят понимание? Нет, это вряд ли. Понимающие следователи – это только в сериалах.

Пока Владик раздумывал таким образом, стоя у служебного выхода из магазина, совсем рядом с ним раздался голосок:

– Если хотите знать, ваша Ленка – та еще штучка!

Владик обернулся и увидел невысокую полноватую девушку. Она уперла руки в бока и пристально сверлила его своими маленькими, близко посаженными глазками.

– Лариса! – вспомнил Владик эту девушку.

Он помнил ее имя, потому что Леночка часто рассказывала ему про выпады этой девицы. Да и сама Лариса чаще остальных продавщиц крутилась возле машины Владика, дотошно и завистливо выпытывая год выпуска, мощность, и даже не стеснялась поинтересоваться ценой машины. Тогда девушка произвела на Владика впечатление корыстной и весьма недалекой особы. Он так и сказал Леночке. Но она неожиданно же согласилась с ним.

– Лариса выросла в большой нужде.

– В большей нужде, чем выросла ты? – поразился Владик.

Леночка как-то странно тогда смутилась. И в ответ только пробормотала:

– Ну, я – это совсем другое дело.

Леночкины слова не убедили Владика насчет Ларисы. Но сейчас он посмотрел на девушку с большим вниманием и спросил:

– Что ты сказала?

– Глаз у вас нету, вот чего! Ленка-то корчила из себя святую, а сама с мужиками всякими за вашей спиной встречалась!

– Что ты плетешь?!

– То, что слышали! Хотите посмотреть? Я их всех сфотографировала!

И Лариса проворно вытащила из кармана крохотный плоский фотоаппаратик. И принялась быстро нажимать на кнопочки.

– Вот Леночка! Вот она! И вот!

Владик смотрел и не в силах был поверить тому, что видел. Леночка в объятиях какого-то отвратительного жирного пузана. Он ее смачно целует в губы, запустив руку ей под шубку. Ту самую шубку, которую купил ей Владик. А вот какой-то поджарый и чем-то даже привлекательный мужчина, за спиной которого маячит спортивного вида «бэха». И еще мужчина, и еще, и еще! Фу-ты, последний просто мерзкий тип! И рожа у него до чего противная! И глаза как у снулой рыбы!

И этот тип тоже обнимал Леночку. Гад!

– Видите! – с торжеством произнесла Лариса. – Сучка ваша Леночка! Вот как!

Из магазина Владик вышел на подгибающихся коленях. Открытия одно страшней другого падали на него словно каменные глыбы, придавливая к земле. Его Леночка изменяла ему с кучей мужчин! Это никак не укладывалось в его голове.

Но затем в голове все же прояснилось. Ладно, пусть Леночка ему изменяла. Но это не объясняет того, кто же ее похитил. И вообще, если ее похитил кто-то из ее любовников, он должен найти этого мерзавца. И убедится, что Леночка находится с тем по доброй воле. И тогда...

Владик не знал, что он сделает тогда. Может быть, умрет. Может быть, задушит соперника. Но одно он знал твердо: Леночку надо найти и поговорить с ней. Не могла девушка после всего того, что было между ними, вот так взять и уйти. Нет, только не она.

И Владик решительно вернулся в магазин. Вендетта Генриховна сидела в своем кабинете и очень удивилась словам Владика:

– Любовники? У Леночки? Уверю вас, вы что-то путаете!

Ясно! Покрывает свою любимицу!

– Но в данный момент меня это и не интересует! – устало произнес Владик. – Просто скажите мне, куда она могла пойти?

– Но я не знаю!

– Леночка давно тут работает?

– Она пришла за месяц до того, как встретила вас.

– А раньше?

– Полагаю, что вам это лучше знать!

В том-то и дело, что Владик не знал. Только сейчас он понял, что не знал про Леночкино прошлое ровным счетом ничего. Она не знакомила его со своими подружками. Не говорила, где именно училась. Что за техникум? Где он находится? Где школа Леночки? Где бывшие одноклассники Леночки? Почему ей никто и никогда не звонил?

Кроме того, у Леночки не было никаких (совершенно никаких!) родственников. Бабушка, ладно. Бабушка умерла. Хотя свидетельства о ее смерти Владик тоже не видел. И могилу старушки Леночка никогда не посещала. Собственно говоря, Владик вообще не знал никого из окружения Леночки, только работников магазина. И не знал ничего из жизни Леночки, кроме того, что она рассказала ему сама.

Вот, например, где она работала, прежде чем прийти к Вендетте Генриховне?

– Ну, в этом я могу вам помочь, – кивнула та. – Документы у Леночки были в полном порядке. Сейчас покажу вам ее трудовую.

Трудовую книжку Владик просто вырвал из рук опешившей директрисы и был таков. Ага! Последнее место работы ООО «Зарина». Туда он и направился. По указанному адресу находился какой-то заброшенный НИИ. И в нем не было никаких магазинов. ООО «Зарина» таинственно исчезла как с лица земли, так и из памяти людей.

– Ладно, может быть, это был маленький магазинчик. И он просто закрылся, и про него тут же забыли.

И Владик поехал в крупный супермаркет, который также значился в числе прежних мест работы Леночки.

– Елена Царькова? – очень удивились там в отделе кадров. – Такая у нас никогда не работала.

– Но вот же запись в трудовой книжке!

– Вероятно, это подделка.

Сотрудница отдела кадров озвучила именно те мысли, которые и так крутились в голове Владика. И он помчался назад. Домой к Леночке. Ее не было. Но Владик и не надеялся, что девушка вернется. Слишком это было бы просто. А он чувствовал, что просто не будет.

И в отчаянии он сделал то, чего никогда не позволял себе, пока все было хорошо. Он начал рыться в

вещах Леночки. Он перерыл всю квартиру и не нашел ничего, что хоть как-то свидетельствовало бы о том, что Леночка возникла не из воздуха и не сразу в возрасте двадцати пяти лет. Не было ни документов, ни школьных и других детских фотографий, не было никаких бумажек и квитанций старше семи месяцев.

Владик прекратил бесплодные поиски и в недоумении замер на месте. Получалось, что Леночка возникла из пустоты ровно семь месяцев назад. Познакомилась с ним. А потом так же таинственно исчезла. В никуда!

Но Владик был мужчиной современным. И в такие сказки не верил.

– Нет! Чушь какая-то! – встряхнулся он. – Есть же квартира! Есть соседи! Надо поговорить с ними!

Вот еще одна странность, на которую он прежде не обращал внимания. Леночка, которая прожила в этом доме и в этой квартире с рождения, почти никогда не здоровалась ни с одним из жильцов. И они с ней тоже очень редко здоровались.

Раньше влюбленный Владик не придавал этому большого значения. Но теперь задумался. И задумавшись, пошел к ближайшей Леночкиной соседке.

– Она вам сказала, что прожила тут всю жизнь? – изумилась в ответ на его вопрос женщина. – Простите, но это неправда. Я отлично знала Корнелию Яковлевну.

– А это кто?

– Хозяйка той квартиры, в которой живет ваша подруга.

– И что Корнелия Яковлевна?

– Она была совсем одинока. И никакой внучки, тем более внучки, которая бы жила с ней, у бедной старушки не было. Если хотите знать, после смерти Корнелии Яковлевны квартира отошла государству.

Владик вернулся в квартиру, которую считал Леночкиной, в окончательно подавленном состоянии. И так, Леночка ему лгала. И лгала целеустремленно и систематически. Конечно, у нее было прошлое. Но совсем не то прошлое, которое она предъявила Владиду.

Внезапно в дверь позвонили. На негнущихся ногах Владик подошел к двери. Там стояла та самая соседка, с которой он только что разговаривал.

– Кстати, – произнесла она. – Я видела, как ваша Лена уезжала сегодня с каким-то мужчиной.

– Добровольно?

– Вполне, – хмыкнула соседка, которая хотя и не была злой женщиной, но не могла отказать себе в удовольствии немного уколоть другого. – Мужчина поддерживал ее под руку очень бережно.

Что же, теперь Владик понимал многое. Леночка параллельно с ним встречалась еще и с другими мужчинами. И видимо, в конце концов нашла себе кандидата побогаче. А вся их совместная жизнь и любовь были пустышкой. Он настроил себе воздушных замков. Вот они и разлетелись при первом же порыве ветра.

Владик пошел в комнату и открыл бутылку коньяка. Напиться, что ли? Его блуждающий взгляд наткнулся на злополучное алое платье. И Владик встrepенулся. Платье! А что, если наведаться к мастеру, который сшил его для Леночки? Она говорила, что ателье находится на Народной улице. Вряд ли их там целая куча. Тем более что мастер так знаменит.

Ателье Владик нашел. И мастера там были отличные. Но при виде платья, которое продемонстрировал им Владик, они подняли его на смех.

– Что вы, господин хороший, мы такие вещи не шьем!

– Почему?

– Почему? Да это же платье из последней коллекции Ирины Ромашковой. Вы не были на показе мод?

На показе мод Владик не был. И про Ромашкову слышал впервые. К тому же, когда он узнал примерную сумму, которую эта дама берет за свои наряды, у него помутилось в голове. Платье стоило четыре Леночкиных зарплаты плюс ее новогодняя премия. Откуда у Леночки взялись такие деньги? Скопить она их не могла. Владик, разумеется, подкидывал ей денег на хозяйство. Но траты превосходили доходы.

К тому же Леночка всегда была очень разумна. И такая роскошь была явно не по ней. Ответ нашелся быстро:

– Платье – это тоже подарок любовника!

И разгневанный Владик помчался к Ромашковой. Адрес он узнал самым простым способом. Влез в базу данных. Ввел фамилию и имя известного модельера. И опа! Высветился и ее адрес, и даже домашний и мобильный телефоны. Позвонить и договориться о встрече не составило труда. Владик представился клиентом, который мечтает приобрести наряд для своей возлюбленной.

– Срочное дело! – умолял он. – Сами понимаете, Восьмое марта!

– Не слишком ли поздно вы спохватились? Восьмое марта уже закончилось. Праздник был вчера!

В самом деле! Как же так получилось? А, все ясно! Это получилось потому, что Владик, вернувшись к

Леночке домой и надеясь на чудо, на ее возвращение, выпил-таки бутылку коньяка. И заснул в кресле, сидя прямо в одежде. Вот ему и показалось, что ночи словно и не было.

– Понимаете, – принялся он выкручиваться, – у моей подруги сегодня день рождения. На Восьмое марта я не нашел ей достойного подарка. Хочу реабилитироваться хотя бы в день рождения.

– Что же, понимаю. Ладно, приезжайте. У меня есть из чего выбрать.

Мастерская известного модельера располагалась прямо у нее дома. Это была огромная пятикомнатная квартира в центре города. В двух шагах от Невского проспекта. Дверь Владiku открыла средних лет улыбчивая женщина, одетая в кружевной пиджак, увешанный хрустальными подвесками. Джинсы на ней были тоже необычные. По низу были пришиты такие же кружева и подвески, какие были на пиджаке.

– Вы ведь в первый раз пришли ко мне?

Владик кивнул. И тяжело перешагнул через порог. Проклятое алое платье, с которого все и началось, он держал за спиной. Сначала он хотел изобразить клиента, но при одном взгляде на модельера понял, что не стоит. Она его моментально раскусила: покупать у нее одежду ему явно не по карману. Конечно, Владик был вполне обеспечен. Но не настолько, чтобы выбрасывать по восемь-девять тысяч евро в месяц на одежду.

Поэтому он просто вытащил платье из чехла и спросил:

– Где она?

Ромашкова попятилась. В ее глазах заплескалось удивление.

– Кто?

– Елена!

Владик очень надеялся, что хотя бы свое имя Леночка назвала ему настоящее. И угадал.

– Так вы ее знакомый? – улыбнулась Ромашкова. – Но я не знаю, где Леночка. Наверное, дома. А что?

– Это ее платье! – с трудом выдавил из себя Владик. – Узнаете его?

– Да, я сама сшила его для нее. И что?

– Она его забыла.

– И вы хотите ей вернуть платье? – обрадовалась модельер. – Как мило с вашей стороны! Но почему бы вам не позвонить ей самой?

– Позвоните вы.

– Но я...

– Позвоните, мне честное слово неловко ее беспокоить.

Должно быть, вид у Владика был до того убедительный, что Ромашкова потянулась к телефону. Владик следил за ее движениями. Ага! Телефон она нашла в считанные минуты. Значит, эта Ромашкова хорошо знает Леночку. Дальнейший разговор показал, что так оно и есть.

– Зоя Павловна, – произнесла Ромашкова немного удивленно, – да, это я. А Леночку можно к телефону?

Собеседница начала ей что-то взволнованно объяснять. И взгляды, которые метала Ромашкова на Владика, становились все растерянней и растерянней.

Положив трубку на краешек мраморной приступочки, Ромашкова сказала:

– Ничего не понимаю. Леночка куда-то делась. Я звонила ей, но разговаривала с ее домработницей. И она сказала мне какие-то удивительные вещи. Якобы Леночка уже больше полугода, как ушла из дома. Жила с каким-то мужчиной. Но где и зачем, никому не говорила. А вчера пропала окончательно.

– Куда же она делась?!

– Зоя Павловна сказала... Нет, неважно. Вас это не касается. Но в любом случае, вы можете оставить платье у меня. Я передам его владелице.

И тут Владик воскликнул:

– Это я! Понимаете? Это я!

– Что «вы»?

– Я тот мужчина, с которым последние полгода жила Леночка!

Ромашкова изумленно посмотрела на Владика. По ее лицу было видно, что она не знает, как ей отнестись к подобному заявлению. Но затем ее лицо разгладилось.

– А знаете, едва вы перешагнули порог, как я подумала, что вы пришли не за платьем, – вздохнула она.

– И вижу, что не ошиблась.

– Не ошиблись.

– Ну что же, – вздохнула модельер, – рассказывайте!

И Владик рассказал. Рассказал все, без утайки.

– Значит, Леночка сказала, что она сирота и вырастила ее бабушка? – усмехнулась модельер, когда он закончил свой рассказ.

– Да. И это была неправда?

– Отчего же, правда. Только вот насчет того, что они сильно нуждались... А знаете что, собирайтесь, и поехали!

– Куда?

– Покажу вам, где на самом деле живет ваша Леночка.

Всего через четверть часа Владик стоял возле нового дома напротив парка культуры и отдыха. И таращился на его застекленный фасад. Там на третьем этаже, по словам Ромашковой, и располагались апартаменты Леночки с зимним садом, бассейном и прочими очаровательными штучками, доступными современным буржуа.

– Вы уверены? – переспросил потрясенный Владик.

– Конечно! Я была у нее на новоселье в числе сотни других приглашенных! И смею вас уверить, тесно нам не было!

– Кто же она такая? – прошептал Владик, когда они с Ромашковой вошли в вестибюль дома.

Тут все было застелено пушистыми коврами. Куда там шелковому коврику, который он подарил Леночке на Новый год. Владика даже стало стыдно за свой скромный подарок. Тут люди в грязной обуви ходили по роскошным коврам. Вестибюль переливался зеркалами, блестящим хромом и сверкающим мрамором.

Лифт был огромным, словно опочивальня королевы. И тут стояли два мягких кресла для желающих передохнуть во время подъема или спуска.

А когда Владик, в растерянности следующий за Ромашковой, вошел в квартиру Леночки, у него буквально перехватило дыхание. И здесь жила его милая тихая Леночка? Нет, этого просто не может быть. Тут жила какая-то другая девушка. Это ей предназначалось то роскошное алое платье. А его Леночка просто стала жертвой какого-то недоразумения, мистификации...

Однако ошибки не было. На белом рояле в резной рамке стояла фотография хозяйки дома. И это была не какая-то незнакомая девушка. С фотографии на Владика смотрели глаза именно его Леночки.

– Не верю, – пробормотал он, в смятении опускаясь на обитое мягкой белой замшей кресло. – Не понимаю. Как же так?

Ромашкова тем временем шушукалась о чем-то с пожилой полной женщиной, одно присутствие которой, казалось, навевало уют и покойные мысли. Зоя Павловна, подумал Владик. И не ошибся.

– Что же, – произнесла Зоя Павловна, обращаясь к Владика. – Значит, вы и есть избранник нашей Леночки?

Владик подавленно кивнул:

– Во всяком случае, я так думал.

– И что случилось?

– Она пропала!

– Вот так взяла и пропала? – недоверчиво посмотрела на него Зоя Павловна. – И вы не ссорились с Леночкой?

– Нет! Она просто взяла и пропала! Я пришел, а ее нет. Стал искать и...

– И попали сюда, – договорила за него Зоя Павловна. – М-да, наверное, вы были изрядно поражены.

– Я просто убит. Я ничего не понимаю. Что происходит?

– Прежде, чем я вам отвечу, скажите мне: вы серьезно относитесь к Леночке?

– Я люблю ее больше жизни!

– Даже после того, как вы узнали, что она лгала вам все это время?

Вопрос поставил Владика в тупик. В самом деле, Леночка лгала ему. Но он же знал свою Леночку!

– Она не стала бы лгать мне, если бы у нее не было на это веской причины! – твердо произнес он. – Да, я все равно верю ей. И да... Я ее люблю! И готов простить ей все на свете!

Зоя Павловна кивнула. И слегка улыбнулась.

– Тогда, я думаю, что могу рассказать вам, почему Леночка затеяла всю эту историю.

– Со мной?

– Нет, вас она тогда еще не знала, – покачала головой Зоя Павловна. – Вы появились позже. Уже в новой Леночкиной жизни. А я расскажу вам про ее прежнюю и, смею думать, настоящую жизнь. Ту жизнь, которую она вела до встречи с вами. И от которой отказалась добровольно.

– Во имя чего?

– Слушайте. И очень надеюсь, вы сможете понять.

Леночка росла на попечении бабушки. В этом она Владика не обманула. И после окончания школы она

училась именно торговому делу. Это тоже была чистая правда. Но вот только училась она ему не для того, чтобы сидеть за кассой или стоять за прилавком. Бедную сироту Леночку учили лучшие специалисты Америки, Великобритании и России. И учили они ее тому, как лучше и правильней управлять сетью многочисленных супермаркетов, приносящих сиротке баснословный доход.

На этом месте у Владика так сильно закружилась голова, что он был вынужден закрыть глаза. Но лучше ему от этого не стало. И с закрытыми глазами перед ним все кружилось. Пролетала Леночка с дипломом Оксфорда под мышкой и в мантии. За ней кружились супермаркеты, в которых он сам, но никогда вместе с Леночкой, отоваривался в пору своей холостой жизни. Теперь понятно, почему Леночка никогда не ходила вместе с ним в магазин – просто боялась, что ее признает кто-нибудь из сотрудников. Кружились Ромашкова, Зоя Павловна, Лариска и противный мужик с рыбьими глазами, который заезжал за Леночкой в магазин и который имел наглость обнимать и целовать Леночку.

И тут у Владика в голове все вдруг встало на свои места. Хорошо, пусть Леночка не бедная сирота, а богатая наследница, которая получила в наследство от своих рано ушедших в мир иной папы с мамой огромную торговую империю. Но ведь это опять же не объясняет, куда делась сама Леночка! И почему не дает о себе знать?

– Вот именно! – воскликнула Зоя Павловна, и глаза ее увлажнились. – Куда же она делась?

– А домой... То есть сюда она вчера или сегодня не возвращалась?

– Нет.

– Это точно?

– Я все время была дома! Прямо не знаю, что и делать! И телефон ее тоже не отвечает.

Телефон, которым Леночка пользовалась в своей «бедной» жизни, пропал из квартиры вместе с самой Леночкой. И в самом деле не отвечал. Владик пытался по нему дозвониться. А Леночкин телефон из ее «богатой» жизни находился все эти семь месяцев у Зои Павловны.

– Она мне его сама оставила, – объяснила старуха. – Велела всем отвечать, что она уехала отдыхать. Когда вернется, неизвестно.

– А кому же она на время своего отсутствия передала все свои дела?

– Геннадия Петровичу.

– А это кто?

Зоя Павловна пустилась в объяснения. Оказалось, что Геннадий Петрович – сын Петра Андреевича, близкого друга и компаньона отца Леночки.

– Отец Гены верой и правдой служил отцу Леночки. А потом уже Гена стал работать на Леночку.

После утраты родителей и смерти бабушки, оставшись одна, Леночка еще больше сблизилась с Геней, с которым они были почти ровесники и друзья. Конечно, дружеских отношений между хозяйкой и ее подчиненным быть не может. Не ровня они друг другу. Но все же определенную симпатию Леночка к Гене питала.

– Выросли они вместе. С кем же ей было и поделиться, как не с ним?

Владик только зубами скрипнул. В самом деле в рассказах Леночки промелькнуло упоминание некоего Генны. Но он, по ее словам, жил когда-то в детстве в одном с ней доме. А потом их пути разошлись. Однако же, выходит, не разошлись. И Владик снова ощутил неприятный укол.

Зачем же Леночка ему лгала?

– А я тебе объясню! Надоело все нашей Леночке!

– Что – все?

– А все! – просто ответила Зоя Павловна. – И богатство это. И то, как смотрели на нее окружающие. И то, что никогда и ни от кого правды она не слышала. А главное, то, что за всеми ее деньгами саму Леночку разглядеть было уже невозможно.

Владик покачал головой. Он все равно еще не до конца понимал, зачем Леночке понадобилось «уйти в народ». Зачем жить в крохотной квартирке, когда в ее распоряжении были хоромы и, наверное, не одни? Зачем ей было ездить на маршрутках, если к ее услугам был «Мерседес» с личным водителем?

– Экий ты непонятливый! – в сердцах воскликнула Зоя Павловна. – Во всем логику ищешь. А ты сердцем чувствуй!

– Сердцем я чувствую. Но понять не могу.

– Сразу видно, что не жил среди богачей, – покачала головой Зоя Павловна. – Не нашла среди олигархов наша Леночка ни одного, который бы взял ее просто так.

– Что значит просто так?

– Ну, так! Без ее денег!

– Леночка не хотела замуж? – ошеломленно переспросил Владик.

Ему-то Леночка говорила, что очень хочет семью и детей. Но мало ли что она ему говорила. Оказывается, не всем ее словам можно было верить.

– Замуж она хотела, – перебила Зоя Павловна печальные мысли Владика. – Но не за олигарха, который бы только и думал, что о слиянии капиталов. А хотела она замуж за простого человека, которого бы полюбила сама и который полюбил бы ее. Женского счастья для себя хотела! Понял теперь?

И тут до Владика дошло.

– Так я же это... – пробормотал он растерянно. – Я же все для нее готов был сделать! Я и замуж ее звал!

– Вижу, хороший ты парень, – прослезилась Зоя Павловна, которая, как всякая пожилая женщина, становилась ужасно сентиментальной, едва дело доходило до сватовства и продолжения рода. – Леночка была бы с тобой очень счастлива. Да, видать, не судьба вам!

Владик и Ромашкова вопросительно уставились на Зою Павловну.

– Пропала наша Леночка! Не бывать ей замужем, бедняжке! А ведь как бы я за нее счастлива была. И Геночка тоже!

– Геночка? – насторожился Владик. – А он тут при чем?

– Ну, как же! Приходил третьего дня. Все меня про Леночку расспрашивал.

– Зачем?

– Тревожился за нее. Леночка уже сколько месяцев в своем кабинете не появляется. Вот он и встревожился. Я же вам рассказывала, они с ней с детства дружат.

– А раньше не приходил?

– В самом начале, когда Леночка еще только исчезла, приходил. А потом нет, перестал.

– И три дня назад тоже пришел? Снова?

– Ну да!

– А потом Леночка пропала. Зоя Павловна, вы ему сказали, где она?

– Что ты, милый! У меня на этот счет строгие указания от Леночки. Да я и не знала, где она живет.

– Но ведь телефон у вас ее был?

– Так что же телефон? Это же мобильник. Не могло это Леночке никак повредить!

Владик продолжал настороженно смотреть на домработницу.

– Зоя Павловна, – произнес он. – Скажите честно, вы ведь дали Геннадия номер мобильного телефона Леночки?

– Ну, дала, – пряча глаза, произнесла она. – Дала. Но ведь он же не мог...

Она не договорила, чего не мог сделать Геннадий. Да Владика этого было уже и не нужно.

– Где я могу найти этого человека?

– Геночку?

– Да, да! – рявкнул разъяренный Владик. – Геночку!

– Так он, наверное, у себя. В офисе.

– И где офис?

Здание центральной администрации сети супермаркетов «Матрешка» по странному стечению обстоятельств находилось неподалеку от того места, где все эти месяцы жила сама Леночка. Но Владика было все равно. Теперь он не сомневался, что Леночка исчезла не каприза ради. И за ее таинственным исчезновением кроется какая-то опасная тайна.

Едва Владик увидел Геннадия, как сразу же узнал его. Именно этот человек был на фотографиях, сделанных завистливой Ларисой. Человек с рыбьими глазами! Однако Геннадий вел себя совершенно непринужденно. Он не нервничал и чувствовал себя прекрасно. Владик решил пока что не соваться к нему. А походить по офисам и послушать, что говорят рядовые сотрудники.

Результаты этого обхода заставили его призадуматься. А затем Владик решительно взял в руки сотовый и позвонил своему знакомому, которому, положив руку на сердце, следовало позвонить много раньше. Еще вчера, когда Леночка исчезла, оставив вместо себя разгром в квартире и порванное и перепачканное праздничное платье.

Приятеля звали Тоха. Он уже десятый год служил оперативником в уголовном розыске. И он Владика так и сказал:

– Ты, Владька, как был пельменем, так им до старости и останешься. Как же это можно, любимая девушка пропадает при таких странных обстоятельствах, а ты про меня только сейчас вспомнил! Несись пулей ко мне!

После визита к Тохе несколько успокоенный Владик заехал к Зое Павловне с инструкциями.

– Вряд ли Гена позвонит вам снова, – сказал он ей. – Но если такое все-таки случится, то вы передайте ему, пожалуйста, что с Леночкой все в порядке. Она жива. И звонила вам не далее как час назад.

- Час – это во сколько же?
- Неважно. Час назад, и все.
- А если он мне не позвонит?
- Тогда часикам к девяти вечера позвоните ему, пожалуйста, сами. И скажите то же самое.
- Что Леночка нашлась?
- Что она вам звонила. И сказала, что все в порядке.

Зоя Павловна кивнула:

- Все сделаю.
- Не перепутаете?
- Всю жизнь в чужих людях служу. Так что сызмальства привыкла выполнять приказы точь-в-точь.

Время до девяти часов вечера тянулось невыносимо долго. Да еще и на улице снова похолодало. Так победно начавшая свое шествие весна быстро сдала позиции. И опять отступила. А противная старуха-зима, принялась дуть ледяным ветром. И сыпать противным мелким колющим снежком.

– Ну и погодка! – ежился Антон-Тоха, сидящий рядом с Владиком. – Просто как на заказ!

– Ты доволен?

– А то нет! В такую погоду самые темные делишки и делаются!

– Слушай, а если у этого гада есть сообщники?

– Непохоже. Мы навели справки. Он типичный подлиза. Таких никто не любит. Друзей у них никогда не бывает. Да и они сами никому не верят. А потому постепенно привыкают во всяком серьезном деле полагаться только на самих себя.

– Хорошо, кабы так.

– Да ты же его видел! Типичная канцелярская крыса. Откуда у такого нужные связи?

– Не знаю. Мне он не показался опасным человеком.

Но договорить приятелям не удалось. От Зои Павловны поступил звонок. Она только что разговаривала с Геннадием. И сказала ему про Леночку.

– Ну, теперь будем ждать!

Геннадий ждать себя не заставил. Он вылетел через служебный ход. Вообще-то, правильно. Его кофейного цвета «Ниссан» находился на стоянке для обслуживающего персонала. Но в другие дни, Тоха уже навел справки, Геннадий выходил через главный вход. И лишь потом огибал здание и шел на стоянку за машиной. Делал он это исключительно для того, чтобы подчеркнуть собственную значимость. Он, мол, тут почти хозяин. И может себе позволить любые капризы.

Но сегодня ему было не до капризов. Словно ошпаренный, он подбежал к своему «Ниссану» и долго приплясывал возле машины, стараясь попасть ключом в замок на дверце. Это у него не получалось.

– Волнуется бедняга. Видишь, как его припекло!

– Поживем – увидим. Может быть, у него дома пожар.

– Пожар у него в другом месте.

И с этими словами Тоха тронул свою неприметную «девяточку». Машина была просто незаменима для слезки. В меру грязная, с поцарапанной дверцей, она не привлекала к себе ничего внимания. Машина и машина. Однако под капотом у этой малышки были спрятаны движок от «БМВ» и прочая фирменная начинка. Так что машинка могла развивать большую скорость. Малюсенький сюрприз для тех, за кем приходилось гоняться Тохе по роду его деятельности.

Вот и сейчас Тоха ловко маневрировал в густом потоке автомобилистов, спешащих домой. Но Геннадий спешил явно не к себе домой. Его дом находился совсем в другом направлении. Прошло немного времени, и стало ясно, что Гена рвется из города.

– На Тосненскую трассу он двигается.

Так оно и оказалось. Впрочем, далеко из города Геннадий не стал уезжать. Он выехал из города и начал петлять в какой-то промышленной зоне. Вокруг были заброшенные складские помещения, территории заводов и снова то ли гаражи, то ли склады. Одним словом, обстановка была такая, что у обоих приятелей прошла по телу дрожь.

– Ну и местечко.

Наверное, и днем тут было невесело. Но в темноте, да еще под мелким то ли снегом, то ли дождиком, под порывами пронизывающего ветра тут было и вовсе скверно.

– Зачем-то же он сюда приехал?

– Ясно, что не удовольствия ради!

Геннадий, не замечая слезки, вылез из своего «Ниссана». И Владик с удовлетворением убедился, что тот ежится, несмотря на свою теплую кожаную куртку.

– Так ему, гаду, и нужно!

Непонятно почему, Владик ненавидел Геннадия лютой ненавистью. А с чего бы это? Они ведь даже ни разу не общались лично. Но, наверное, это было на уровне инстинктов.

Тем временем Геннадий, не туша фар, двинулся в сторону какого-то заброшенного строения из силикатного кирпича, деревянных брусьев, бетона и торчащих железных арматурин.

– Надо идти за ним!

И Тоха стал вылезать из машины. Владик за ним. Внезапно его осенила мысль:

– Слушай, а вдруг он вооружен?

– Вряд ли.

Однако сам Тоха вытащил из кобуры свой «макаров» и даже снял его с предохранителя.

– Лишняя осторожность никогда не помешает. Ну, пошли!

Теперь Геннадий растерял всю свою самоуверенность, которую демонстрировал в офисе. И двигался как-то странно. Припадая к земле. И постоянно озираясь. Тоха прижался к кирпичной кладке забора. Владик последовал его примеру. Местами кирпич выкрошился, но все равно забор представлял собой отличное укрытие как от непогоды, так и от пронзительных взглядов Геннадия.

Но внезапно он пропал.

– Куда он делся?

Приятель подбежал к тому месту, где секунду назад видели силуэт Геннадия. И увидели, что в стене складского помещения есть глубокая и широкая трещина. Собственно говоря, стена почти развалилась. И само здание было в аварийном состоянии. Еще чудо, что крыша до сих пор не обвалилась. Или сами стены не рухнули под ее тяжестью.

– Идем туда!

И приятели протиснулись в трещину. Владика это удалось легко. А вот более плотный Тоха едва не застрял. И Владика пришлось его тащить.

– Уф! – выдохнул он, оказавшись внутри. – Жуть какая! Пока ты меня тащил, мне казалось, я слышал в стене треск.

– Это твоя куртка!

– Порвал!

И Тоха схватился за рукав. Нет, все было цело.

– И все-таки что-то трещало. Слушай, меня прямо пробрало!

Но Владик его не слушал. Ему показалось, что издали до него донесся голос Леночки. Скорей туда!

– погоди! Не торопись!

– Он ее убьет!

– А будет лучше, если он станет прикрываться ею, как заложницей? послушай меня, не спорь с профессионалом!

И Владик покорился. Хотя его сердце настойчиво звало вперед. Туда, где теперь явственно слышался голос Леночки.

Девушка в самом деле была тут. Сама она полулежала на земляном полу. Связанная по рукам и ногам. Головой и плечами она опиралась о кирпичную кладку. И с недоумением смотрела на стоящего перед ней мужчину. Рот ей освободили только что, содрав с него изрядный кусок пластыря.

– Гена, – говорила Леночка, с трудом двигая воспаленными губами. – Что ты творишь?

– Молчи, дура!

– Гена, ведь еще твой отец работал на моего папу.

– И что? Теперь я тоже должен пойти по стопам папули? И горбатиться на тебя всю жизнь? А потом сдохнуть и услышать, как ты фальшиво рыдаешь над моей могилой?

– Папа был очень расстроен, когда погиб твой отец!

– Мой отец погиб из-за твоего. И не смотри на меня так! Мой отец поехал на ту встречу вместо твоего! И погиб!

– Ну да, на папу много раз покушались. То покушение было первым.

– И мой отец погиб за другого человека! За твоего отца!

– И ты винишь в этом моего папу? Ты хоть вспомни, он же все равно погиб! Всего через год!

– Вот именно! А я так не хочу!

– Чего ты не хочешь?

– Не хочу погибнуть из-за какой-то дурацкой преданности!

– Гена! – воскликнула Леночка. – Я понимаю. Тебя заставили, да?

– Никто меня не заставлял. Просто ко мне пришли люди и напомнили ту историю. Про твоего отца. И

про моего. И намекнули, что если я не хочу повторить судьбу папы, то должен сам позаботиться о своей безопасности.

– Тебя заставили, – теперь уже грустно произнесла Леночка. – Они на тебя надавили. И ты испугался. Гена!

– Что «Гена»? Что «Гена»? Думаешь, мне легко?

– Ты что, в самом деле хочешь меня убить?

– А что мне делать? Добровольно уехать ты же не согласишься?

– Почему? Ты меня спрашивал об этом? Очень может быть, что и соглашусь.

– Все равно, – пробормотал Гена. – Все равно это теперь уже не имеет никакого значения. Ты должна умереть.

– Но зачем, Генка?! Клянусь тебе, я уеду! Спрячусь так, что меня никто и никогда не найдет.

– С этим своим... Со своим хмырем?

– Он не хмырь! Он мой любимый. И он примет меня и богатую, и бедную.

– Как же!

– А я верю! – настаивала Леночка. – И ты специально наврал, что он все узнал про меня. И наврал, что Владик в бешенстве! Как я тогда испугалась! Даже вино расплескала себе на платье! А ты стоял и смотрел, как я мечусь по квартире. И знал, что Владик на меня не сердится!

– Сама во всем виновата! Не надо было искушать судьбу!

Но Леночка его не слушала и твердила:

– Да, я боялась, что Владик сейчас появится и мне придется смотреть ему в глаза. А ты, оказывается, все это просто наврал! Наврал, чтобы выманить меня из дома! Я теперь точно поняла это!

– Ну да! Наврал, – хмыкнул Гена. – И еще кое-что сделал. Так что на него не надейся, его любовь для тебя в прошлом.

– Что?! – воскликнула Леночка. – Что ты сделал? Говори, подлец! Говори!

– Вот как ты запела! А то Геночка, миленький. Геночка хороший. Я даже почти уже растрогался. Думал, может быть, в самом деле тебя отпустить. А ты вон как!

– Что ты ему сказал, иуда?

– Ничего особенного! Да я с ним и не разговаривал.

– А кто?

– Помнишь Лариску в твоём магазине?

– Да. А при чем тут она?

– Я ведь следил за тобой больше суток. И заметил, как она тебя «любит»!

– И что дальше?

– Я дал ей кое-какие фотографии. Твои фотографии.

– Не понимаю.

– Ну, где ты с разными мужиками тискаешься! И нашу с тобой фотку для наглядности добавил.

– Что я... Но этого же не... Я ни с кем... А уж с тобой... Ах ты подлец! Ты сделал фотомонтаж!

– Ну да! – радостно подтвердил Геннадий. – И мне показалось, что получилось неплохо! Все-таки цифровые камеры – это великое дело! Этот лопух даже не догадался, что можно такого намудрить, что станет видно то, чего и не было никогда.

– Подлец!

– Предпочитаю, чтобы меня называли – предусмотрительный человек!

– Ты же меня подставил! Он будет думать, что я его обманывала!

– А то нет! Ты ему лгала с самого начала! Бедная сиротка, надо же такое придумать! Лгунья!

– Но это же... Это же совсем другое! Я его люблю. И никогда ему не изменяла. А он будет думать, что я – проститутка!

В голосе Леночки прозвучало отчаяние. Девушка едва не плакала. Похоже, собственная судьба волновала ее куда меньше.

– Какая тебе разница? – теперь в голосе Геннадия слышалась усталость. – Теперь уже все равно. Идти тебе некуда. Твой Владик тебя презирает. Так что будет лучше, если ты умрешь.

– Кому лучше? Тебе? Или мне? Так вот мне это точно не лучше!

И Леночка яростно уставилась на предателя. Но Геннадий уже думал о другом.

– Кстати, как тебе удалось позвонить старухе? – спросил он у Леночки.

– Какой старухе?

– Ну, своей домработнице.

– Я... Я ей не звонила!

- Вот как? Что же, наверное, старая дура все перепутала. Тебе не кажется, что она вообще в маразме?
- Тебе доставляет удовольствие говорить гадости про тех, кого я люблю?
- Может быть, может быть, – бормотнул Геннадий. – Сколько я себя помню, всегда тебя ненавижу!
- Гена! Мы же были друзьями!

И тут Геннадия прорвало.

– Никогда! – взвизгнул он. – Никогда мы с тобой не были друзьями. Ты – мисс Богачка. Даже после смерти своих родителей ты никогда и ни в чем не нуждалась. Всегда к твоим услугам были и дорогие школы и вкусная еда! А я... А ты хоть знаешь, как мы жили с мамой после того, как мой отец отдал свою жизнь за твоего?

– Но мой папа помогал твоей маме. А потом управляющие всегда выплачивали вам с мамой пенсию!

– Жалкие гроши! На них даже нельзя было съездить на нормальный курорт! Мы отдыхали в Турции или Египте! В убогих номерах. В трех звездах! Четыре было для нас уже слишком дорого!

– Но ведь...

– Заткнись! И я ничуть не жалею о том, что сейчас сделаю. Да, мне заплатили. Да, мне пригрозили. Но я и сам, слышишь ты, сам этого хотел! Отомстить тебе и всей твоей мерзкой семейке! И живым, и мертвым! Завтра будет заседание акционеров. И когда выяснится, что генеральный директор самовольно исчез больше чем на полгода, то выберут другого человека.

– Тебя?

– Может быть, и меня!

– Но ведь ты и так получаешь огромные деньги. Больше тебе не заплатят. Да и вовсе не факт, что выберут именно тебя.

– А мне плевать! Зато я буду знать, что ты сдохла. А я сделал на твоей смерти неплохие деньги! Точно так же, как когда-то поступил твой отец с моим!

И Геннадий пошел к одной из трещин, которые змеились в старой кирпичной стене и уходили высоко под крышу. И рассматривая эту трещину, он бормотал:

– В бедности ей пожить захотелось! А теперь в могилке полежать извольте! Тоже необычайно расширяет кругозор!

– Геннадий! Ты что, собираешься меня убить? Ты не сможешь! Ты трус. И духу у тебя не хватит!

– Еще как хватит! Да мне и не придется ничего делать! Камни все сделают за меня.

– Камни?

– Эти вот кирпичи. Ты же помнишь, я учился на инженера? Так что рассчитать, куда упадут камни из рушащейся стены, я смогу.

– Ты – чудовище!

– Эти камни и убьют тебя, и похоронят! – не обращая внимания на Лену, произнес предатель. – Тебя никто не найдет! К тому времени, когда разберут эти завалы, от тебя останутся одни косточки. Прощай, Леночка!

В руках у Геннадия появился лом, который он вставил в трещину на стене. Один удар по нему, и часть стены обрушилась бы на Леночку. Геннадий взял в руки увесистый булыжник и собирался треснуть им по лому. У Владика перехватило дыхание. И в этот момент справа от себя он услышал:

– Руки вверх! Стой на месте, мерзавец!

Это наконец-то вступил в дело Тоха, который выскочил из своего укрытия. Геннадий, растерянно ворочая своими рыбьими глазами, замер с булыжником в руках. А Владик кинулся к лежащей на земле Леночке.

– Милая! Дорогая! Любимая! – прижимал он светловолосую и перепачканную землей голову девушки к своей груди. – Как ты?

– Владик! Ты меня все-таки спас! Я знала... Я верила, что ты придешь за мной!

– Конечно. Я искал тебя все эти дни!

– Владик, ты не верь никому, я тебе никогда не изменяла.

– Я тебе верю!

– И насчет остального, я тебе тоже все объясню. Я не хотела... я должна была проверить, понять... А потом...

Но Владик не дал ей договорить. Он просто закрыл Леночкин ротик страстным поцелуем.

– Ты нашлась, а остальное все неважно! – произнес он, баюкая Леночку у груди, словно маленького ребенка.

Попутно он снимал с нее веревки. Растирал ее затекшие руки и ноги. И помогал встать на ноги. Говорить им было не надо. Все было и так ясно. Он был ей нужен. Она была нужна ему. А вот жизнь друг

без друга им была как раз не нужна. Вот так все просто и ясно. И никакие деньги или отсутствие оных не могло изменить этого.

Встав на ноги и находясь в объятиях любимого, Леночка все же вспомнила про предателя.

– Гена, – повернулась она к нему. – Лично я зла на тебя не держу.

– Пошла ты!

И Геннадий дернулся, словно собираясь бежать. Он и в самом деле сделал скачок в сторону пролома в стене.

– Стоять! – отреагировал Тоха. – Стреляю!

Но Геннадий не остановился. И тогда Тоха выстрелил в воздух. Стрелял-то он в воздух, но пуля угодила прямоиком в один из плохо держащихся кирпичей. От выстрела тот слетел вниз и ударился о все еще торчащий из трещины в кирпичной кладке лом. Лом дернулся от удара. И огромная трещина угрожающе быстро поползла по стене.

– Уходим! Сейчас рухнет!

Владик отпрыгнул в угол к Тохе, закрывая собой Леночку. А Геннадий остался стоять как раз над тем местом, где всего несколько минут назад лежала Леночка. Он лишь поднял над головой руки в тщетной надежде защититься от падающих на него камней.

Как он и обещал, кровля начала рушиться первой. Сначала упала одна балка, потом вторая. Раздался страшный скрежет, а затем вокруг стало рушиться все подряд. Вниз летели и балки, и кирпичи, и листы железа.

Поднялась страшная пыль. И Владик не видел почти ничего. Но в своих объятиях он ощущал тело Леночки. И если уж ему предстояло умереть, то лучшей смерти он и пожелать себе не мог.

Но внезапно все кончилось. Пыль осела. И Владик почувствовал, как ему на лицо падают мелкие капельки влаги.

– Дождь! – закричал он. – Леночка! Тоха! Дождь! Знаете, что это значит? Что мы с вами живы!

– Всего час назад я и не думал, что буду радоваться этому противному дождю, – проворчал в ответ Тоха, тоже подставляя лицо каплям дождя. – Господи, пронесло!

– А где Гена?

Но на том месте, где стоял Гена, высилась груда битого кирпича, деревянных перекрытий и металлических балок. Выжить, оказавшись под всем этим мусором, было никакого шанса.

– Но мы его все-таки раскопаем, – заверил Леночку оперативник и зачем-то прибавил: – Не удовольствия ради, а для отчетности.

Леночка только рукой махнула и повернулась к Владу.

– Любимый, ты меня прощаешь?

– Я давно тебя простил.

– И ты не сердись, что я не сказала тебе о...

– О том, что ты сказочно богата?

– Да!

– И очень хорошо, что не сказала. А то потом тебя бы всю жизнь мучили глупые мысли. «А вдруг он женился на мне ради моих денег?»

– А теперь?

– Я звал тебя замуж, когда считал тебя бедной. И зову опять, зная о твоём богатстве.

Леночка прыснула со смеху.

– Другому я бы за такие слова точно указала на дверь. Но ты... Тебе я отвечаю – да!

– Так ты согласна? – не поверил своим ушам Владик.

– Да! Да! Тысячу раз да! Любимый! Как я счастлива!

Леночка бросилась на шею к Владу, и весь остальной мир просто перестал для них существовать.

Однако на следующий день совершенно оклемавшаяся Леночка уже находилась возле своего офиса, где в эту минуту начинался совет директоров. О перенесенных девушкой испытаниях свидетельствовали только легкая бледность и синева, залегшая у нее под глазами. И все-таки Владик беспокоился:

– Дорогая моя, может быть, лучше не надо? Оставим все, как есть. Ты же хотела?

– Оставить ВСЕ?! Да, признаюсь, у меня были такие мысли. Но только до того момента, как я узнала, что это ВСЕ хотят изъять у меня насильно! А этот фокус у них не пройдет!

И Леночка, распрямив свои худенькие плечики, решительно двинулась в сторону офиса. Владик и Тоха следовали за ней словно преданные оруженосцы.

Проклятый предатель Геннадий, как ни странно, выжил под обломками. И когда его извлекли из-под

груды кирпича и прочего мусора, даже мог говорить. Правда, выдал он из себя, глядя на Леночку, всего лишь одно слово:

– Ненавижу!

Антон сегодня утром говорил с его врачами. И они его заверили, что жизнь потерпевшего вне опасности. И через день Геннадий сможет дать показания.

– Но совет директоров сегодня! И я должна быть там!

Леночкино появление на совете вызвало настоящую бурю. Судя по всему, ее тут увидеть не ожидал никто. И пока одни ликовали и поздравляли Леночку с возвращением, другие спешно покидали кабинет. Но уйти не удалось никому. За дверями стоял Тоха вместе со своими ребятами. И убедительно просил всех, кто желал уйти, проехать с ними.

И все же Леночка отказалась от поста генерального директора.

– Этот пост потребовал бы от меня слишком много сил и времени, – заявила она в свое оправдание. – А я собираюсь посвятить их своему любимому мужу. Все остальное мне стало неважным.

– Как же так?

– Так, – весело улыбнулась Леночка. – Денег у меня полно. Нам с мужем столько за всю нашу жизнь не истратить. Да и компания вполне обойдется без меня. А вот мой муж нет.

Свой пост Леночка передала одному из старейших сотрудников, который начинал бизнес еще вместе с ее отцом. До недавних пор этот человек был незаслуженно обойден ее вниманием. Но теперь Леночка ценила не только деловую хватку, но и преданность.

– Хочу быть уверена, что компания моего отца находится в надежных руках, – заявила она. – Так что особенно не расслабляйтесь. Время от времени я все равно стану вас навещать. Особенно, если наши доходы вдруг станут понижаться.

И она сдержала свое слово. Только навевывалась она уже не одна, а в обществе своего мужа. За ту короткую разлуку, которую устроил им предатель Геннадий, Владик успел так основательно проверить свои чувства к Леночке, что теперь боялся отпустить ее от себя даже на часочек.

А вдруг еще кому-нибудь придет в голову похитить его солнышко? Нет уж, пусть Леночка будет всегда рядом, и пусть ее глаза светят исключительно для него одного! И пусть всегда для них будут весна, счастье и любовь!

Анна и Сергей Литвиновы

Жертва рекламы

– Татьяна! К шефу!

Садовникова скривилась. Когда ранним и чрезвычайно хмурым весенним утром вызывает сам Брюс Маккаген, дела плохи. Вряд ли американский босс хочет зарплату повысить. В лучшем случае – сорвет на ней, творческом директоре, собственное плохое настроение. А если совсем уж устал от дикой России и несусветных пробок, может и оштрафовать. Ни за что. Для профилактики. Повод всегда найдется.

Но начальник – фантастика! – встретил Таню с улыбкой. Не поленился седалище от кожаного кресла оторвать. И даже кофе предложил.

Татьяна насторожилась еще больше.

А Маккаген, сверкая фальшивыми американскими зубами, радостно произнес:

– Таня! Лично вам, как творческому директору, я хочу поручить ответственный и чрезвычайно, просто исключительно интересный проект!

Еще подозрительней. За *исключительно интересные* проекты сотрудники обычно дерутся – а тут он сам в руки плывет. Да еще с лучезарной начальственной улыбкой.

– Я назначил вас ответственной за рекламу «Spring Love», – триумфально закончил шеф, и Садовникова едва не застонала.

Хуже не придумаешь. Бывают такие проекты – от начала до конца невезучие. А именно в рекламе духов «Spring Love» слились, как говорится, в одном флаконе сплошные проблемы.

Парфюм пах, во всяком случае, на Танин вкус, резко и дешево. Но это еще полбеды. Тем более что денег на ролик заказчик не пожалел – отвалил за креатив и съемку аж триста тысяч зеленых. Но уж больно команда подобралась неудачная. Фотомодель, «лицо товара», Эвелина Барышева – девчонка смазливая, но крайне бестолковая и капризная. Режиссер с говорящей, прямо-таки созданной для рекламы и кино фамилией Красивый – большой талант. Но алкоголик и лентяй еще больший. Да и сценарий дорогого имиджевого ролика отдали блавному – племяннику господина Маккагена, серьезно, с бархатными глазами юноше, недавнему выпускнику Гарварда, по имени Стив. А вчерашние студенты, всем известно, работают *по учебнику*. Однако жизнь, в том Татьяна убеждалась не раз, куда многогранней и сложнее, чем любые, даже гарвардские, прописи.

– Нет, мистер Маккаген, – твердо произнесла Татьяна, – со «Spring Love» я возиться не хочу.

– А это не предложение, – нахмурился шеф. – Считайте, что это приказ.

– А если я откажусь его выполнять?

– У нас не военное время, – иезуитски улыбнулся Маккаген, – поэтому мы вас не расстреляем. Но уволим.

Вот американская сволочь! Знает ведь, что на Садовниковой висят два серьезных кредита и терять работу ей сейчас совсем не с руки.

– Но с «Весенней любовью» такая фигня получается... – простонала она.

Маккаген, хотя и экспат, но русский сленг давно освоил. Гневно вскинул брови. И Татьяна немедленно пошла на попятную:

– Я, конечно, не сомневаюсь, что сценарий Стив написал гениальный. Но фотомоделька, как ее... Эвелина? Она ведь никуда не годится! И режиссер – полный debil.

Увы, опять вышло не в тему. Потому что шеф еще больше захмурел и едко произнес:

– Хочу вам заметить, Татьяна, что к ролику уже проявляется огромный интерес. Анонсы о съемках опубликованы в журнале «Философия рекламы». Да и представители СМИ пожелали на площадке присутствовать. По собственной, кстати, инициативе. Я, конечно, разрешил. Пиар никогда не помешает. Тем более бесплатный.

Ну, вообще не в какие ворота... Пиар, конечно, дело хорошее – но разве можно приглашать журналистов на съемки? А коммерческая тайна? Да и о рабочей атмосфере, когда кругом болтается пресса, придется забыть.

Однако Татьяна взглянула в полыхавшие яростью очи шефа и больше возражать не стала. Сама виновата, что до директора пока не дослужилась. Или замуж за миллионера не вышла. Тогда б имела право капризничать. А пока она человек подневольный. Спасибо Брюсу, что в Ашхабад не послал, туркменский филиал открывать.

«Ладно, мистер Маккаген. Сделаем из дерьма конфетку. Не впервой», – едва не брякнула Татьяна. Но, конечно, промолчала и лишь безропотно, в стиле образцовой подчиненной, склонила голову.

* * *

Два фургона с аппаратурой. Отапливаемый трейлер для звезды Эвелины Барышевой. Ее «Мерседес». Автобус, привезший съемочную группу. Еще один – с журналюгами... На натуре – опушке подмосковного леса – сразу стало тесно и суточно.

Красавица Эвелина явилась на съемки с сопровождающими лицами.

Во-первых, при ней имелась собачка – отвратительный, абрикосового цвета тойтерьер. Кроме того, звезду сопровождал широкоплечий, угрюмого вида браток, немногословный и хмурый, – охранник, а может быть, бойфренд. Третьим в свите оказался вертлявый юноша – его Эвелина представила как Альберта, двоюродного брата. Брат надоедливым котенком терся вокруг модели и совсем не по-родственному то и дело прикладывался то к ее щечке, то к ручке. Мрачный бойфренд (охранник?) каждый раз при этом хмурился. Но Эвелинка, чтоб окончательно раздражить своих спутников, еще и каждому встречному оператору-ассистенту глазки строила.

А когда на съемочную площадку пожаловал режиссер – охальник и раздолбай Валюша Красивый, – атмосфера окончательно накалилась. Валюша, как положено истинной богеме, считал моделей, даже самых звездных, всего лишь мясом. И обращался с ними соответственно.

– Эвелинка, сучка такая, ты почему бледная? – тут же кинулся он к героине. – Опять всю ночь в койке кувыркалась?

Модель – не первый год в бизнесе – в ответ привычно и глупо захихикала. Свита красавицы посмурнела. Но Валюшка этого не заметил, сразу кинулся группе указания раздавать:

– Что за херня? Почему свет до сих пор не выставлен? И Эвелинка ни фига не готова. Рожа – краше в гроб кладут! Кто ей делал мэйк-ап? Покажите мне его, криворукого дальтоника!

Криворукий дальтоник – дорогуций, триста долларов в час, стилист – лишь зубы стиснул, но вступать в дискуссию с режиссером не стал. Опытный человек. Понимает, что Валюшке любой предлог нужен, чтобы войти в нужное состояние. Кто-то заряжается кофеом, кто-то спиртным, а временно завязавший Красивый – хамством.

Зато Эвелинин браток (теперь понятно, что не охранник, а забирай выше – сердечный друг) со скрытой угрозой произнес:

– Ты. Дядя. За базаром. Следи.

И невзначай поместил правую руку во внутренний карман кожаной куртки. Вроде пистолет у него там. А что, с такой рожей вполне возможно.

Татьяна – только криминальных разборок не хватало ей на съемочной площадке! – чуть не грудью принялась заграждать Красивого. Но режиссер и сам не растерялся. Широко улыбнулся братку, сложил губы трубочкой:

– Ах ты, мой сладкий! Ах, до чего я люблю вот таких... грозных! Ты меня просто... возбудил!

В группе раздались смешки. Журналисты, пожаловавшие на съемку, наострили камеры. Зацелкали блицы: ура, вот-вот начнется скандал или, еще лучше, потасовка. Браток побагровел. А режиссер, весело насвистывая, двинул от Эвелины с ее свитой прочь.

– Блин, ну и хрен с горы... – расслышала Татьяна шипение бритоголового. – Допросится он у меня...

Модель в ответ зашептала:

– Но, милый, ведь это же режиссер! Он считает, что здесь главный!

– Вижу, какой он главный!.. – продолжал кипятиться спутник модели. – Петух с параша!

– Ерунды не говори, – невозмутимо хмыкнула звездочка. – Шуток не понимаешь?

«А Эвелинка не глупа», – мелькнуло у Татьяны.

Она оставила девушку умасливать своего кавалера и двинула вслед за Валюшкой. Бросать режиссера без присмотра нельзя ни на секунду. Иначе мигом – талант во всем талант! – вычислит, у кого из толпы, что ошивается на съемочной площадке, можно коньячком разжиться. И тогда пиши пропало. Год назад, когда за режиссером недосмотрели, Красивый канкан плясал. Без брюк и ботинок, в трогательных красных носках.

Догнала она Валюшу подле машины с аппаратурой. Тот опять орал, уснащая свой корявый английский русской бранью, – на сей раз на сценариста, американца Стива.

– Стивка! Ты, блин, ваще, что ли, козел? Натуру дурней не мог найти?

Таня еле удержалась, чтоб не улыбнуться. Да уж. Натуру для съемок ученый американец подобрал хуже

некуда. Атмосферу, видите ли, решил создать. Вытащил съемочную группу в пригород. В сценарии написал красиво: *«Ранняя весна, только что сошел снег, пахнет талой водой, деревья замерли, предвкушая, как вскоре оденутся в зеленые одеяния»*. А на практике весь коллектив мерзнет в голом, продуваемом всеми ветрами березовом лесу. Хотя по календарю и весна, но снег в угоду американскому сценаристу окончательно сойти не пожелал – грязно-белые бугорки чередовались с глубокими, полными талой воды лужами. И по такой-то грязи Эвелинка должна, на минуточку, рассекать босыми ногами. Голая. Укутанная в один лишь шифоновый платочек... Какая здесь романтика? Скорее садомазохизм.

И съемочной группе тяжело. Эвелинке терпеть лишения по роду профессии положено – а остальным за что мерзнуть?.. Таня в своей пижонской куртешке от «Прады» уже продрогла насквозь. Одна надежда: начнется съемка, пиротехники дымовые шашки запалят. Может, чуть-чуть теплее станет.

Хоть Тане по должности и положено гасить конфликты, Стива она перед Красивым защищать не стала. Пусть сам оправдывается.

Садовникова тихонько шмыгнула в сторону – выпить, пока есть время, кофе из термоса. Но добежать до машины не успела – ее схватили за рукав.

– Что еще? – раздраженно обернулась она.

И вдвойне возмутилась, когда увидела, что за «Праду» ее тянет не кто-то из команды, но всего лишь худосочный Альбертик. Эвелинкин якобы кузен. Попросит небось сейчас его сфотографировать. С режиссером или с огромным бутафорским флаконом «Spring Love». «Чайники», попавшие на съемки, постоянно лезут с подобными просьбами.

Однако произнес молодой человек совсем иное:

– Меня очень беспокоит здешняя энергетика.

– Да неужели... – иронически протянула Садовникова.

– Особенно карма, сложившаяся вокруг Эвелины, – понизил голос молодой человек. – Пространство вокруг нее буквально наэлектризовано...

– И что теперь делать? – взволнованно спросила Таня.

Она считала, что умеет разговаривать с психами. В рекламном бизнесе псих – каждый второй. Куда умнее не спорить, а сделать вид, что воспринимаешь собеседника всерьез, и потом незаметно улизнуть.

– Конечно, зря она привела с собой Федора... – задумчиво сказал худосочный. – Ее не должны окружать люди с подобным прошлым.

– А что у него в прошлом? – наострила уши Садовникова.

– Ну... он, понимаете... сидел, – склонил голову молодой человек. – По серьезной статье...

«И ходит с пистолетом, – пронеслось в мозгу Татьяны. – И глаза у него ревнивого собственника. А Эвелинка сейчас, на радость толпе, перед камерами раздетой появится, прозрачная накидка не в счет...»

– Спасибо. Я вас поняла, – поблагодарила она юношу.

Потом мягко отстранила его и задумчиво оглядела площадку. А ведь Альбертик, хотя по виду и чудак, прав. Напряженная какая-то обстановочка. Наверное, потому, что народу полно. Одних журналистов чуть не двадцать штук понаехало. Не обманул Маккаген-старший. И многие из акул пера уже поддатенькие. А как еще греться, когда на улице от силы плюс два? Везде лезут, гогочут, мешаются, советы раздают, шуточки отпускают... А уж когда голая Эвелинка появится – и вовсе бардак начнется. Ох уж этот ученый рекламщик Стив... Как там в его сценарии: *«Окутанная романтическим флером героиня царственно кладет руку на искрящуюся грань флакона с духами „Spring Love”»*.

Романтический флер сценарист планировал создавать так: полностью обнаженная Эвелина величаво вступает в подкрашенный голубым дым. Тане еле удалось уговорить Стива, чтобы на модель полупрозрачную шаль накинули. Но сейчас, в присутствии братка, толпы и придурковатого псевдокузена, похоже, и шаль не спасет. Не случилось бы беды...

* * *

Снять шедевр Валюшка Красивый сегодня явно не старался. То ли сценарий его не вдохновлял, то ли героиня не нравилась. А скорее, бесенок алкоголизма раздражал, толкал под руку.

По крайней мере, проход Эвелинки от неприветливых берез к бутафорскому флакону с духами режиссера удовлетворил с первого дубля.

– Снято! – радостно выкрикнул Красивый.

И бросил плотоядный взгляд на ряды журналистов – те дружно угощались коньячком из фляжек. Явно рассчитывал, что, пока будут переставляться свет и камеры, и ему нальют.

«Зубами вцеплюсь – не допущу! – решила Татьяна. – Надо любой ценой Красивого отвлечь».

– Валюша, ты не знаешь, – ласково обратилась Садовникова к режиссеру, – почему сегодня столько журналистов собралось?

– Говорят, Эвелинка потребовала, – фыркнул тот. – Она ж у нас звезда-а-а... Думает, что фигура у нее, как у Памелы Андерсон, вот и пожелала пиара. Чтоб каждый канал ее голый зад продемонстрировал.

– А откуда у нее на журналистов выходы? – пробормотала Татьяна.

В базе данных агентства звезд, подобных Эвелинке, – сотни. И ни для кого прессу на съемки ни разу не приглашали.

Но возразить режиссеру Татьяна не успела. Потому что к ним с Красивым вдруг бросился молодой американский сценарист. И нахально заявил:

– Я приказал не переставлять технику. Сцену нужно переснимать.

– Ты приказал? – иронически поднял бровь режиссер.

– У меня, как у сценариста, есть право вето, – не смутился ученый американец. – Сцена явно не удалась. Понимаете, Валентин, – он важно взглянул на режиссера, – у вас пока абсолютно не получается создать той романтической атмосферы, о которой говорилось в сценарии. Не выходит заставить потребителей полюбить наши духи... вдыхаться в них...

– Блин... – в притворном ужасе схватился за голову режиссер.

Таня тоже кипела от возмущения. Да уж, юный американец – и не умный, и крайне беспардонный. По его сценариям покуда ни единого ролика не сняли, а он уже самого Красивого жизни учит. Думает, раз племянник Маккагена – значит, ему все позволено?

И она ласково произнесла:

– Вам не кажется, Стив, что вы свою задачу уже исполнили? Сценарий написан, и неплохой в целом сценарий, – она фальшиво улыбнулась. – А как снимать – пускай уж Валентин сам решает.

– Как это сам решает?! – вспыхнул американец. – Ролик мой. Понимаете, мой! И я никому не позволю его запороть!

– Вот придурок, – усмехнулся Красивый.

– Сами вы... stupid! – рявкнул американец. – А мой ролик еще прославится. Вот увидите!

А из стана журналистов тем временем донеслось:

– Эй, творцы! Хорош трепаться. Колотун! Запускайте Эвелинку голую – не догоним, так хоть согреемся! А то уедем счас, на фиг!

И в стае акул пера раздалось здоровое жеребьячье ржание.

– Вот и вся романтика, – улыбнулась Стиву Садовникова. – А ты говоришь: флер, дымка, ароматы... Народу, прости, не флер нужен, а Эвелина без трусов.

Стив – неожиданно – спорить не стал. Примирительно произнес:

– Ну, раз народ просит...

– Будем снимать дальше? – обрадовалась Татьяна.

– Ну да, – кивнул американец. – А то вдруг и правда разъедутся... – И, начальственным баском, крикнул: – Пусть Эвелина раздевается!

Таня ретранслировала команду американца костюмерше. Пока говорила, в поле ее зрения случайно попал бритоголовый спутник фотомодели. Тот стоял молча, лицо болезненно дергалось. А крутившийся рядом с ним худосочный якобы кузен что-то шептал братку в ухо. И лицо у того мрачнело еще больше.

«Оба они какие-то странные», – мелькнуло у Татьяны.

Но тут она увидела, как режиссер тихой сапой ввинтился в ряды выпивающих журналистов. Сейчас точно коньяку хлебнет!

И Садовникова стрелой бросилась за ним, а спутников фотомодели из головы мгновенно выкинула. Не до свиты сейчас – когда единственный глоток спиртного может поставить под угрозу всю съемку.

* * *

Надо отдать должное: укутанная в прозрачную, почти ничего не скрывающую тряпочку, Эвелинка смотрелась эффектно. Даже полурастаявший снег, голые березы и уродский бутафорский флакон со «Spring Love» картины не портили. И топтать по ледяной земле у нее получалось довольно царственно. И поводила плечами она с достоинством королевы.

Даже Таня, которая всегда очень ревниво воспринимала женские успехи, признала:

– Хороша.

– И шаль для романтики в самый раз, – согласился с ней Красивый. – Сворачиваемся?
– А дым? – хмыкнула Татьяна. – Пиротехникам, между прочим, уже заплачено...
– Ладно. Хрен с ним, пусть будет дым, – закатил глаза режиссер. – Только смысл? Как Элька входит в него – снимем. А дальше – все равно ж ее видно не будет... Ладно, как скажете.

И Красивый закричал:

– Пиротехники, давайте дым! Да не жмитесь, побольше!

Повернулся и подмигнул Татьяне:

– Сейчас скроюсь от тебя в дыму пожарищ. И коньячку наконец раздобуду...

– Только попробуй! – пригрозила она.

Ох уж эти таланты! Гений Валюшка – запойный алкоголик. Звезда Эвелинка зазвала на съемки целую толпу журналистов. Сценарист Стив уже достал всех со своими дымами да флерами...

– План три, дубль один! – грохнула хлопущей ассистентка.

– Начали! – заорал Валюшка. – Дым! Теперь Эвелинка! Пошла!..

Девушка – по-прежнему босая и в прозрачной шали – павой вплыла в голубоватое облако.

– Эвелинка! Текст! – еще громче закричал режиссер.

Ролик, конечно, еще будет переозвучиваться. Но на съемочной площадке актеры текст обязательно проговаривают, даже когда их губ не видно. Принято так.

– «Spring Love»! Аромат любви! – раздался из клубов дыма писк Эвелинки.

И в тот момент прозвучал хлопок – удивительно похожий на выстрел.

– Стоп! – вскипел Красивый. – Кто тут, блин, шуткует?!

И он грозно повернулся к пиротехникам – двум унылого вида парням. Те дружно заблеяли:

– Мы ниче... Мы только шашку запалили...

– Ну и страна! Полный бардак!

Татьяна услышала крик американца Стива и примирительно произнесла:

– Да ничего страшного, мы ведь звук даже не пишем.

– Эвелинка! Бегом обратно! – заторопил тем временем режиссер. – Снимем второй дубль, пока дым не рассеялся.

Но Эвелинка возвращаться из голубого облака не спешила. Зато на площадку ворвался ее худосочный кузен и истошным голосом завопил:

– Ей больно, больно! Я чувствую!

Вдруг и собачка модели, абрикосовый тойтерьер, примчалась. Смело ринулась прямо в клубы дыма и там отчаянно завывала.

– Эй ты, псих! – крикнул Альберту Красивый. – Ты куда на площадку вылез?

Но Тане уже было не до назревающей ссоры. Охваченная недобрým предчувствием, она нырнула в до сих пор не растаявший дым... и тут же споткнулась о неподвижное тело фотомодели.

* * *

Журналисты даже не стали ждать, пока пиротехнический дым окончательно рассеется. Обступили лежащее на мерзлой земле тело Эвелины и немедленно схватились за свои видео – и фотокамеры. Операторы жадно снимали, корреспонденты сыпали указаниями:

– Платок... снимите, как платок на ветру полощется!

– Теперь давай медленный наезд, от ног до лица... И крови, чтобы крови в кадре побольше!

Работали лихорадочно, радостно. Знали, что делают сенсацию. Абсолютный топ вечерних новостей! Актриса убита на съемочной площадке – что может быть интересней?

Даже думать смешно сохранить место преступления в неприкосновенности. Разве журналюг отгонишь...

Татьяна и не пыталась. Отошла себе тихонько в сторонку и набрала на мобильнике «02». И, пока сообщала холодно-вежливой операторше о случившемся преступлении, успела заметить: циничный и вроде бы грозный режиссер Валюшка Красивый стоит неподалеку на коленях – его самым пошлым образом рвет.

* * *

Младшего лейтенанта Кабанова нещадно трясло на заднем сиденье старенького милицейского «козла».

Он в компании судмедэксперта и участкового спешил на место убийства.

Усталый толстый участковый сидел за рулем и в режиме нон-стоп ругал москвичей. Мало ему бесконечных вызовов летом – окрестные дачи кишат столичными гостями, отдыхающие – жители Белокаменной – постоянно напиваются, учиняют скандалы и драки, разбираться же, естественно, вызывают местную милицию. А чего стоят безумные новогодние каникулы? Народ из Первопрестольной выезжает на зимнюю, блин, природу и вместо культурного отдыха обогащает местные сводки стрельбой, изнасилованиями и пожарами. И даже сейчас, ранней, спокойной весной, москвичи опять умудрились испортить району статистику...

Кабанов терпеливо слушал, как зудит старший коллега, и вздыхал. Младший лейтенант страдал по другой причине. Дело не только в статистике. Имеется еще такое понятие, как раскрываемость. А убийство, да не кого-то, а звезды, да еще московской, да в присутствии журналистов... Для Шерлока, пресловутого Холмса, или Ниро, жирного Вульфа, не дело – конфетка, занимайся себе дедукцией в полное удовольствие. Красивая книжка, детектив под названием «Смерть звезды». Но Кабанову не книжки предстояло писать, а протоколы и рапорты. У него, конечно, красный диплом, да и мозги, всегда считал, имеются – но ничего серьезней пьяных драк расследовать ему пока не приходилось. Конечно, дело, и довольно скоро, заберут в область. Слишком оно резонансное. Но осмотр места преступления все равно проводить ему. И хотя бы за это его потом поймут по полной программе. Потому что непогрешимых нет, а для него убийство на съемочной площадке – первое, и уж что-нибудь он точно упустит или перепутает. Одна надежда – раскрыть преступление по горячим следам. Прямо там, на месте. Ясно ведь: убийство – отголосок московских разборок. И убил кто-то из тех, кто сейчас там, на съемочной площадке, тусуется. Вычислить преступника, допросить и расколоть – вот единственный способ для младшего лейтенанта спасти себя от уже подготовленного к постановке пистона.

Но там свидетелей (они же подозреваемые) целая орда. Построить их, сбить с них спесь, допросить жесткому он еще сможет. А вот вычислить убийцу, предчувствовал лейтенант, потруднее будет...

Когда дотрюхали на древнем «козле» до места преступления, Кабанов понял: худшие его опасения оправдываются.

По пути он нещадно накручивал пожилого, ленивого судмедэксперта – чтоб тот не халтурил, место преступления как следует осмотрел, ничего не упустил. Но на деле оказалось, что осматривать и фиксировать нечего. Потому что место преступления практически затоптано, заброшено посторонними окурками и тысячами не относящихся к делу микро – и макрочастиц.

А со свидетелями еще сложнее. Во-первых, все – шибко умные, на понтах. Кабанов таких вычислял сразу и чрезвычайно недолюбливал. А во-вторых, трезвого среди них не сыщешь. Просто поразительно! Вроде не на пикник выехали, а на работу, рекламу снимать. Теперь понятно, почему у нас реклама такая хреновая... Поддатые тут почти все. В милиции, к примеру, гульбища только на десятое ноября, в профессиональный праздник, позволяются. Точнее, на них начальство глаза закрывает, если, конечно, дело не доходит до мордобоя, порчи казенного имущества или, упаси бог, стрельбы. Но столичные деятели, видно, керосинят и в будни, и в светские праздники, и в церковные. Короче, коньяк в себя с утра пораньше заливают. А потом работают. И убивают.

Кабанов с горем пополам выгнал с места преступления не успевших закончить съемку журналюг. Велел участковому следить, чтоб ни один шустрик лес не смел покинуть. Судмедэксперту приказал осмотреть бездыханное тело. А сам постановил, что штаб расследования будет находиться в гримерке погибшей фотомодели. И приступил к опросу свидетелей.

Тех оказалось немало, сотрудничали со следствием они охотно, но Кабанов быстро понял: его *первое убийство* действительно тянет на висяк. Даже при деятельном участии областных спецов. И уж начальство за подобный висяк – громкий, щедро освещенный на всех центральных телеканалах – Кабанова по головке точно не погладит.

«Дым... Дым! Пиротехники идиотские! Ничего видно не было!» – дружно оправдывались опрошенные.

Мало того что сам момент убийства никто не видел. Еще и подозреваемых обнаружилась целая толпа.

Первый же вызванный на допрос журналист доложил: на съемке присутствовал так называемый «бойфренд», то есть фактически сожигатель безвременно почившей Эвелины. И, уверял писака, вполне мог свою подругу грохнуть. «По крайней мере, по виду он – вылитый браток. На всех мужиков, кто к Эвелинке клеился, злобные косяки кидал. И за карман хватался – типа, у него там пушка».

Кабанов немедленно затребовал к себе братка – и в изумлении увидел, что его сытое, неумное лицо перекошено неподдельным горем.

– Элька... Девочка моя... Ну, как же так... – причитал мужик.

Кабанову даже показалось, что тот не уголовный истерик, а страдает искренне. Тем более что насчет

пистолета даже вопросов задавать не пришлось. Браток предъявил пушку сам:

– Вот, командир, можешь проверить. Личный. Чистяк. И разрешение имеется... Да ты дуло понюхай! Не стреляли из него. Пока ни разу.

Вторым подозреваемым оказался двоюродный брат погибшей звезды. «Хотя, похоже, никакой он ей и не брат, – успели наябедничать журналюги, – он Эвелинку то по щечке гладил, то за бедро цапал». А еще, рассказывали свидетели, якобы брат предрекал *что-то ужасное* еще до начала съемок. Чуть ни каждому успел лапши навешать! На площадке, типа, очень плохая карма, и не случилось бы беды...

Не сам ли он ту беду и сотворил?

Кабанов решил прижать слизня, пусть колется, но не успел. Очередной явившийся на допрос журналист сообщил: он с так называемого братца, оказывается, глаз не спускал.

– Зачем? – не понял лейтенант.

– На всякий случай, – назидательно произнес журналист. – А то каркает, каркает, будто ворона...

– Вы *подозревали* его? – попытался зацепиться Кабанов.

– Да упаси боже! – открестился писака. – Просто странный он был какой-то. Вот я и подумал: вдруг еще больше чудить начнет, на сенсацию? А тут у меня и камера наготове. Не, я с него глаз не спускал.

Слова коллеги подтвердил другой журналист. Заявил уверенно: так называемый кузен постоянно находился в поле его зрения и ничего предосудительного не делал. Значитца, и он модельку не убивал...

Но кто тогда? Может быть, режиссер, некий Валентин Красивый? Или другой член съемочной группы? Или кто-то из затесавшихся журналистов? А мотив?

Когда младший лейтенант Кабанов пригласил в фургончик Татьяну Садовникову, руководительницу всего этого бардака, настроение у него уже было ниже плинтуса. И тут же стало еще хуже: девица выглядела его ровесницей, но уже была начальницей и щеголяла в немалых бриллиантах. К тому же поглядывала свысока и отвечала с гонором.

– Расскажите, что вы видели в момент убийства? – приступил к допросу лейтенант.

– Сплошной дым, – коротко ответила деваха, и Кабанов едва не взвыл.

А она снисходительно добавила:

– Я ведь профессионал. И, едва команда «Мотор!» прозвучала, практически отключилась. Не замечала ничего вокруг. Сама будто в визир кинокамеры смотрела...

Она вздохнула и, секунду поколебавшись, добавила:

– Даже Валюшку из поля зрения выпустила.

– Валюшка – это кто? – заинтересовался Кабанов.

– Валентин Красивый, режиссер, – объяснила девица. – Мы с ним во время всех дублей рядом были. А вот когда пиротехники дымину пустили... Я только его голос слышала, а самого не видела. И в тот конкретно момент, когда раздался выстрел, за ним не наблюдала. Заметила его уже потом, *после* убийства. Он, понимаете ли... – Девица слегка смутилась.

– Ну! – поторопил Кабанов.

– Ну... рвало его. На виду у всех, – заложила Садовникова. – А с чего бы столь трепетная реакция? Человек он бывалый и взрослый, и Эвелинка для него – не любовь, не подруга, а обычное, как он сам говорил, *мясо для эфира*...

– И что это доказывает? – буркнул Кабанов.

– Не знаю, вы милиция, вам видней... – ухмыльнулась девица.

Смеется над ним, карьеристка хренова. Надо на нее рывкнуть. Если не для пользы дела, то хотя бы нервное напряжение сбросить.

И Кабанов злорадно проговорил:

– Слушай, ты... начальница! А ведь я тебя... по двести девяносто четвертой статье, части второй могу привлечь.

– За что?! – опешила Садовникова.

– А за воспрепятствование производству предварительного расследования, – с удовольствием произнес он. И рывкнул: – Ты почему место преступления не уберегла?!

* * *

Танин отчим Валерий Петрович Ходасевич умел вдохнуть жизнь в любое блюдо. Даже в простецкие котлеты. Казалось бы, невозможно придумать еду скучнее, но Таня умяла целых три штуки. Да вдобавок под волшебно мягкую, тающую во рту гречневую кашу. Семьсот килокалорий, как минимум! Зато до чего

вкусно.

«Впрочем, я заслужила, – оправдала себя Татьяна. – Могу я хоть иногда делать не то, что надо, а то, что хочется?»

И когда тарелка с высококалорийным ужином опустела, ее охватила настоящая эйфория. Самое время рассказать отчиму о недавнем убийстве на съемках.

Тот слушал ее очень внимательно. Заинтересованно кивал. Сочувствовал. И лишь когда девушка начала жаловаться на «противоправные действия лейтенанта Кабанова» – не поддержал.

– Извини, Танюша, но он прав, – покачал головой полковник Ходасевич. – Если на съемках старшая ты, то твоя обязанность и место преступления в неприкосновенности сохранить.

– А как?! Попробуй не пусти такой табун... – возмутилась она. И хитро взглянула на отчима: – Только нет худа без добра. Когда лейтенант на меня наезжать начал... и обвинять чуть ли не в том, что я намеренно и своими руками улики уничтожила, меня и осенило. Я поняла, что журналистов, скорее всего, на съемку именно убийца и позвал.

– Чтоб было не пять свидетелей, а пятьдесят? – усмехнулся полковник.

– Ну да. А убийца – человек самонадеянный... – пожалла плечами Татьяна. – Не сомневался, что всех проведет. Зато о случившемся на площадке уж точно, с гарантией, напишут!

– Странный мотив, – пожал плечами Ходасевич.

– Так ведь у нас в рекламе каждый второй ненормальный, – парировала она. – Короче говоря, я и стала вычислять, кто конкретно журналистов зазвал. Валюшка Красивый мне сказал, что Эвелинка. Только я решила, что вряд ли. Ее, во-первых, убили. А во-вторых – не та она фигура, чтоб по ее свистку чуть ни все центральные каналы сбежались. Здесь одной красотой не возьмешь – башлять нужно. Причем башлять серьезно. Значит, вызвал журналюг человек богатый. И тщеславный. Ну и, конечно, имеющий отношение к нашему ролику. А кто у нас богатые – тщеславные – креативные? Только двое: режиссер да сценарист.

– Ищи, кому выгодно, – пробормотал полковник.

– Тогда, кому какая от убийства выгода, я не понимала, – отмахнулась Татьяна. – Итак, режиссера я в момент выстрела не видела. А сразу после он, извини, желудок прочищал, у всех на виду. До такой степени разволновался. Подозрительно...

– Но что это доказывает? – хмыкнул полковник.

– Да ничего, я разве спорю? – легко согласилась падчерица. – Тот лейтенант, кстати, то же самое сказал. Тем более что Валюшка, конечно, алкаш. Но не сволочь. А вот сценарист Стив – тот другого сорта. К тому же напрягать пиротехников, чтоб обязательно дым был, захотел именно он. И я, и Валюшка его отговаривали. Убеждали, что денег куча, а эффекта ноль. Но Стив уперся как баран. Кроме того, мы ведь с ним по поводу предыдущего эпизода, когда Эвелинкин проход снимали, схлестнулись. Стив требовал, чтоб еще дубль сделали. С пеной у рта настаивал – но ровно до тех пор, пока журналисты ему не пригрозили. Мол, замерзли они. И разведутся. Так что подавай им голую Эвелину в дыму. Немедленно. И Стив тут же пошел на попятный... Потому что побоялся, что его замысел сорваться может.

Таня выжидательно, рассчитывая на похвалу, взглянула на отчима. Однако тот молчал. Бесстрастно дымил своим вонючим «Опалом».

И тогда девушка выложила свой последний козырь.

– А главное... Главное, я вспомнила про какао Ван Гуттена.

Тут уж ей отчима поразить удалось.

– Про что? – поднял бровь полковник.

– Историю рекламы надо знать. Или хотя бы раннего Маяковского читать, – назидательно произнесла падчерица. И ехидненько так закончила: – Известный любому широко образованному человеку факт. В 1910 году преступник, приговоренный к казни, прокричал с эшафота: «Покупайте какао Ван Гуттена!» На следующий день эта фамилия попала во все газеты, и товар пошел нарасхват... Вот я и подумала: Стив – он, во-первых, только что университет окончил, причем по специальности «реклама». И ему сей факт наверняка прекрасно известен. А во-вторых, это его первый ролик, и он явно всеми фибрами своей американской душонки мечтал немедленно прославиться. Чтоб о нем заговорили как о гениальном сценаристе, а не просто как о племяннике богатого дяди. Но таланта-то, прославиться, не имелось, вот и решил кровью к себе внимание привлечь.

– Версия, безусловно, красивая, – сдержанно похвалил полковник.

– Да я и сама понимаю, что красивая. Только бездоказательная, – ворчливо откликнулась падчерица. И лукаво улыбнулась: – Но я ведь не мент, чтоб доказательства собирать! В общем, я лейтенанту свои соображения выложила... Он на меня, конечно, как на безумную посмотрел – но проверить не поленился. И с полпинка обнаружил у Стива пистолет. Того же калибра, как и тот, из которого Эвелину убили. Ну а

дальше – все просто. Они там, в провинции, не церемонятся. Прижали америкашку – он и раскололся. Выложил как на духу: и про свою мечту в одночасье стать знаменитым, и как задумал совершить убийство на съемках своего первого ролика. Считал, между прочим, будто работает не только для себя. Полагал: духи «Spring Love» таким образом на весь мир прогремят. И только, конечно, благодаря ему. А дальше – на него заказы, будто из рога изобилия, посыплются... И Стив, впрочем, угадал, – закончила Татьяна. – Потому что про духи «Spring Love» и правда безо всякой оплаты за рекламу во всех вечерних выпусках новостей сказали, и утренние газеты о них написали.

– И как, выросли продажи? – заинтересовался полковник.

– А вот и нет! – триумфально заявила Татьяна. – Потому что одного упоминания нынче недостаточно, важен контекст. А контекст получился, извините, хреновый. Утонченный аромат – и рядом с ним убийство... Поэтому объем продаж у «Spring Love» ни на процент не вырос, я специально выясняла. Человечество, извините, развивается. И то, что в начале двадцатого века сработало, в двадцать первом не прокатило. Посему, – важно закончила она, – историю рекламы надо не только изучать, но и творчески переосмыслять.

– Умна ты, Танюшка, не по летам... – протянул полковник, и непонятно было, то ли хвалил ее, то ли иронизировал.

Садовникова не смутилась:

– Уж не знаю, по летам или нет, только новый сценарий «Spring Love» мне писать поручили. И уж моя реклама будет эффективней, можешь не сомневаться.

Елена Михалкова

Мужская логика 8-го Марта

На входную дверь повесили колокольчик, и, когда очередной сотрудник фирмы «Вересаев и компания» заходил в здание, колокольчик тот звонил тоненько и нежно. Сначала входящий слышал звон, затем попадал в настоящий цветник – по всему вестибюлю расставили хризантемы в прозрачных вазах, – и напоследок его приветствовала секретарша Анжелика, которая сама была, словно букет и колокольчик.

– Доброе утро! – мелодично здоровалась Анжелика, отмечая про себя, кто из дам сделал новый макияж, кто – прическу... – Здравствуйте, Макар Андреевич! Ой, как приятно, Анатолий Иванович! Спасибо, спасибо...

И все вместе – колокольчик, цветы в комнатах и коридорах, очаровательная Анжелика, мило краснеющая от комплиментов, – настраивало сотрудников на радостный, праздничный лад, как и задумывал Степан Степанович Вересаев. А его подчиненные прекрасно знали, что для шефа есть только два важных корпоративных праздника – Новый год и Восьмое марта, и всячески старались соответствовать ожиданиям начальства. Впрочем, делать больших усилий не приходилось даже тем, кто не любил Международный женский день, поскольку праздник всегда проходил весело – с подарками, традиционным вечерним банкетом – и притом легко и необременительно. Консалтинговая фирма «Вересаев и компания» была небольшой – в ней работало около двадцати пяти человек, – и демократичный стиль общения, выработавшийся в компании за восемь лет ее существования, не допускал длинных занудных тостов за столом, банальных подарков дамам вроде туалетного набора из пяти кусков душистого мыла, скуки за салатами оливье и традиционных пожеланий женщинам «цвести и пахнуть, как это мыло».

Людочка Ерофеева, за глаза частенько называемая Рюшка, впрорхнула в кабинет.

– Привет, девочки!

«Девочки», уткнувшись в бумаги, отозвались нестройным хором: несмотря на размах праздника, день считался рабочим, и позволить себе «филонить» никто не мог. А потому на Людочку с ее новой укладкой – завитушки по всей голове, а со лба свисает увесистая баранья кудряшка – не обратили того внимания, на которое она рассчитывала.

– Ну девочки... – жалобно протянула Людочка. – Я старалась, причепурилась...

– Начепурилась, а не причепурилась. – Пожилая Инга Андреевна не упускала случая ткнуть Людочку носом в какую-нибудь ошибку.

Самой Инге Репьевой, даме суровой, как гинеколог с тридцатилетним стажем, и в голову не пришло бы украшать себя так, как любила Ерофеева: на юбке – сплошные рюши, под горлышком шелковой голубой блузки – огромный бант, и ко всему прочему кудряшки на голове. Безвкусица, одним словом. Инга Андреевна бросила короткий взгляд на свое отражение в оконном стекле и дернула уголок рта, что означало у нее полное довольство своей внешностью. Серебристый брючный костюм, строгая блуза, на голове прическа – короткое светлое каре... Единственным намеком на праздник был золотой браслет – витой, тяжелый.

– А мне нравится «причепурилась», – задорно возразила Людочка, – так моя бабушка говорила!

– Ваша бабушка, судя по вашим воспоминаниям, еще говорила «покладу», – покосившись на Рюшку из-под очков, напомнила Инга. – Надеюсь, вы не собираетесь насилловать наш слух этим словом?

Оля Земко не сдержалась и фыркнула, заслужив укоризненный взгляд от Людочки, недоуменный – от Инги и насмешливый – от Маргариты Анатольевны. Всем троим Оля ответила широкой улыбкой, так как прекрасно знала: и язвительное ворчание Репьевой, и видимая обида Людочки – лишь ритуал, регулярно повторяющийся в различных вариациях.

– Банкет начнется в четыре, – сказала Оля. – Анжелика говорит: Рекуров заказал какой-то немислимый торт. Эх, а мне нельзя!

Она с сожалением погладила себя по животу и подтянула брюки. Брюки были удобными, купленными в специальном магазине для беременных, но живот рос, как на дрожжах, и резинка время от времени съезжала с пояса (назвать это место талией у Оли не поворачивался язык).

Людочка хихикнула – не потому, что Земко сказала что-то смешное, а потому, что хихиканье было обычной реакцией Ерофеевой на любую фразу. Инга Андреевна поморщилась: она считала детей существами сродни гусеницам, то есть противными и в массе своей вредными, а прямые упоминания о беременности – неприличными. Беременность тридцатилетней Оли Земко вызывала у нее раздражение, но

Репьева, как воспитанный человек, скрывала его. Во всяком случае, думала, что скрывает.

– Съешь кусочек и не бери в голову, – посоветовала Маргарита Анатольевна. – Ничего с тобой не случится.

– Все современные торты – сплошная химия, – словно между делом буркнула Инга Андреевна. – Вы, Маргарита Анатольевна, посоветовали, не думая, а Ольге Сергеевне потом ребенка лечить от диатеза.

– У меня, Инга Андреевна, в лечении детей от диатезов опыт все же побольше, чем у вас, – невозмутимо парировала Безинская. – Поэтому кто из нас говорит, не думая, – большой вопрос.

Дамы метнули друг в друга любезные взгляды, и Оле Земко показалось, что документы на столе между ними задымились. Однако Репьева не рискнула продолжать беседу и углубилась в договор. Оля ее понимала: Маргарита Анатольевна Безинская была женщиной незаурядной, и вступать с ней в полемику осмеливался не каждый. Высокая шатенка европейского вида, стильная сорокатрехлетняя Безинская выглядела лет на тридцать пять, но никогда не скрывала ни реальный возраст, ни то, что своей внешностью обязана не только природе, но и хорошим косметологам. Она была женственна, умна от природы, умела производить впечатление как исключительно воспитанной особы, так и очень вульгарной, но и за крепким словом в карман не лезла, и обладала страстью к коллекционированию мужей.

Мужей у Маргариты Анатольевны было четыре, и все – бывшие. Каждого из них она нашла, когда потенциальные мужья зарабатывали на жизнь несложным физическим трудом с незначительными вкраплениями умственного, и только последний на момент их встречи трудился учителем в школе. Попав в нежные руки Безинской, мужья начинали проявлять такие качества, каких никто от них не ожидал, в частности, деловую смекалку. С подачи жены каждый из них либо уходил в бизнес, либо пробивался на выбранной стезе, как, например, последний супруг, в результате их брака возглавивший частную школу.

Добившись от мужей успеха, Маргарита Анатольевна теряла к ним интерес, оставляла их на гребне карьеры, а сама уходила в «свободный полет». С бывшими супругами она сохраняла хорошие дружеские отношения, а свою единственную дочь, пятнадцатилетнюю Аллу, рожденную от второго мужа – изначально бригадира в ЖЭУ, затем – директора сети цветочных магазинов, – Безинская растила в любви и строгости.

– Маргарита Анатольевна четырех мужиков вывела в люди! – восхищенно отзывалась о Безинской уборщица. – Вот это женщина, вот это я понимаю!

Сила обаяния Безинской была такова, что даже безобидный толстенький Толя Горошин, счастливо женатый лет двадцать, на новогодней вечеринке, выпив лишний бокал шампанского, принялся ухаживать за Маргаритой Анатольевной, чем тронул ее до глубины души. Обычно с мужчинами Безинская не церемонилась, но Толю пожалела и отшутилась, сказав, что врожденные комплексы не позволяют ей встречаться с мужчинами ниже ее ростом.

Сегодня Безинская была в сером облегающем трикотажном платье. «На мне оно смотрелось бы как на арбузе», – подумала Оля Земко, разглядывая стройный силуэт Маргариты Анатольевны. «Простенько как-то. Незамысловато», – критично оценила коллегу Людочка Ерофеева. «Кого собралась совращать, милочка? – хмыкнула про себя Инга Андреевна. – У нас дворников не водится...»

Дверь распахнулась, и в комнату аудиторов ввалился, споткнувшись на пороге, Анатолий Иванович Горошин, которого называли Толей, или, ласково, за глаза, Горошком. Анатолий Иванович был единственным мужчиной в женской компании кабинета номер пять, причем опекаемым всеми дамами. Он был услужлив, до смешного галантен и неуклюж. Горошин носил круглые очки, которые с завидным постоянством терял, и тогда вся фирма стояла на ухах, потому что без очков Анатолий Иванович становился беззащитен, как крот на дороге. Даже суровая Инга Андреевна в таких случаях подключалась к поискам. Восемнадцатилетний Макар Илюшин, помощник юристов, называл суматоху вокруг очков Горошина коллективным помешательством, однако сам несколько раз находил очки-окуляры в таких местах, что окружающие только диву давались, как они туда попали. Три недели назад Макар отыскал их в цветочном горшке с фикусом. После этого возмущенная общественность пригрозила Горошину, что заставит его носить линзы, и испуганный Толя стал внимательнее следить за своими очками.

Жизнь кабинета номер пять развлекала всю фирму, поскольку о каждом из его обитателей можно было вволю посплетничать. К тому же отношения между дамами были далеки от дружеских, несмотря на видимость нейтралитета, и группу аудиторов не раз называли серпентарием, сочувствуя Анатолию Ивановичу.

Однако любой сотрудник консалтинговой фирмы «Вересаев и компания» знал, что в кабинете номер пять сидят отличные аудиторы. И недалекая Людочка, и загадочная Маргарита Анатольевна, и веселая Оля Земко, и язвительная старуха Инга, и вечно спотыкающийся Горошин – каждый из них был профессионалом, которого Вересаев ценил и оберегал. Макар Илюшин не раз удивлялся, особенно глядя на Людочку с ее бантиками-оборочками, беспрестанно подхихикивающую и говорящую глупости. Он так и не

смог разобраться, прикидывается Ерофеева дурочкой или нет, но если Людочка и притворялась, то весьма талантливо.

– С праздником! – торжественно провозгласил Горошин. – Какая красота внизу... А я сегодня собираюсь подарок Вере Михайловне купить.

– Да, ведь у вашей жены сегодня день рождения! – вспомнила Оля Земко. – Какой подарок выбрали, Анатолий Иванович?

– Не просто день рождения, а юбилей! Очень красивую вещь я ей присмотрел, – застенчиво улыбнулся он. – После обеда куплю.

– А нам покажете? – капризно спросила Людочка.

– Обязательно, Люда, обязательно! Как же я без вашего мнения? Никак, право слово, совершенно никак.

Он снова улыбнулся, помялся возле стола, достал бумаги из портфеля и усердно принялся за работу. Однако через пять минут в дверь постучали, и в приоткрывшейся щели показалась вихрастая белобрысая голова Макара Илюшина.

– Анатолий Иванович, доброе утро! Вы меня искали?

– Искал, Макар, искал, – засуетился Горошин. – Куда же я ее... – Он принялся рыться в портфеле, беспорядочно выдвигать ящики стола, потом снова окунулся в портфель. – Ага, вот она!

С довольным видом Анатолий Иванович достал серую потрепанную книжку и протянул Илюшину.

– Здесь те рассказы, которых вы не читали.

– Честертон? – вздернула брови Инга. – Читиво?

– Что вы, Инга Андреевна! – обиделся Макар. – Честертон – не читиво, а детективная литература.

На лице Репьевой явственно отразилось, что она думает о детективной литературе вообще и о Честертоне, в частности.

– Да-да, – поддержал парня Горошин. – Зря вы недооцениваете этого писателя. Мы с Макаром недавно беседовали за обедом о нем и пришли к выводу...

– Расскажите мне о своих выводах в другой раз, пожалуйста, – попросила Репьева. – У меня много дел.

– Конечно-конечно, – смутился Анатолий Иванович. – Я только хотел сказать, что не хуже Эдгара По... хотя куда более надуманно... как мне кажется...

Он окончательно смешался и виновато взглянул на Илюшина.

– Большое спасибо, – улыбнулся тот, забирая книгу. – Потом обсудим, хорошо?

– Обязательно! – горячо заверил его Анатолий Иванович. – Жду, когда вы прочтете.

– Хороший мальчик этот Макар, – мягко сказала Безинская, когда за Илюшиным закрылась дверь. – Славный и умный.

– Присматриваетесь? – не сдержалась Инга Андреевна.

Рюшка радостно хихикнула из своего угла.

– У него и без меня все получится, – пожала плечами Маргарита Анатольевна. – К тому же я предпочитаю brunetов.

– Ну, значит, за мальчика мы можем быть спокойны, – удовлетворенно подвела итог Репьева и нежно улыбнулась Безинской.

Спустя час после окончания обеда Анатолий Иванович Горошин вернулся в офис. Когда он входил в кабинет, лицо у него было счастливое и одновременно чуточку встревоженное. Едва не споткнувшись на ровном месте, Горошин вышел на середину комнаты, заговорщически оглядел своих дам и театральным шепотом объявил:

– Купил!

Вид у него был такой возбужденный, что даже Инга Андреевна поняла, о чем речь.

– Подарок! – взвизгнула Людочка. – Ой, покажите, покажите, вдруг мы решим, что вашей жене он не понравится! Тогда мне подарите!

Окружив Горошина плотным кольцом, четыре женщины смотрели, как он достает из-за пазухи длинную бархатную коробочку. Анатолий Иванович открыл ее, и Людочка с Олей ахнули. На черном бархате лежало ожерелье из белого золота – переплетающиеся ветки, на которых поблескивали капли.

– Ну как? – встревоженно-обеспокоенно спросил Горошин.

– Очень красивое, – проговорила Безинская, проглотив замечание о том, что такое ожерелье подходит Вере Михайловне как корове седло.

– Бриллианты? – выдохнула Рюшка.

– Бриллианты, – вздохнул Горошин, разглядывавший ожерелье с не меньшим восхищением, чем

женщины. – Весь годовой бонус на него ушел, да еще и то, что я с сентября откладывал из зарплаты. Но изящно, правда?

– Правда! – хором подтвердили три дамы, не сводя глаз с украшения. Одна промолчала.

– Жду не дождусь, пока банкет закончится, – признался Горошин. – Баловство, конечно, все эти ваши драгоценности, но так хочется жену порадовать! Сорок пять лет... Эх!

Он вздохнул о чем-то своем, вынул ожерелье из коробочки и, оглядевшись, взял со стола плотный бумажный конверт, в который и опустил сверкающую змейку.

– Зачем так? А как же коробочка? – удивилась Оля Земко.

– Не нравится она мне, – поморщился Анатолий Иванович. – Безвкусица, по-моему – бархат, черный... У меня дома уже припасен футляр, в него и переложу.

Он отвернулся и спрятал конверт с ожерельем в портфель. Дамы постояли, чувствуя себя немного обманутыми, а затем разошлись по местам.

Дверь снова распахнулась, и к аудиторам заглянула секретарша Анжелика.

– Девочки! – нараспев позвала она. – Только вам, по секрету: привезли торт! Вы себе не представляете... Двухэтажный, с башенкой наверху!

Оля Земко и Людочка живо вскочили с мест. Маргарита Анатольевна, поколебавшись, пошла за ними.

– Инга Андреевна, а вам неинтересно, что Вересаев заказал на этот раз? – спросил Горошин между делом.

Репьева высокомерно взглянула на него.

– Всю жизнь не была зевакой и не собираюсь начинать меняться, – отрезала она. – К тому же торт выставят на банкете, а уж увижу я его на два часа раньше или позже, роли не играет.

Анатолий Иванович согласно кивнул.

– С осени будут искать новую секретаршу? – спросил он спустя пару минут, не отрывая взгляда от документов.

– С чего вы взяли?

– Мне показалось, Анжелика Романовна... э-э-э... готовится стать мамой. Разве нет?

– Мамой? – переспросила Репьева, вызывая в памяти образ секретарши. – Вы хотите сказать...

Но Горошин уже погрузился в работу, и невысказанный вопрос Инги Андреевны, не от начальника ли понесла девица, не заметил. Подумав, Репьева поднялась с места.

– Пойду, пожалуй, пройдусь, – объяснила она, хотя в этом не было необходимости: Анатолий Иванович сосредоточенно перерывал бумаги.

– А? Да-да, – рассеянно отозвался он. – Конечно.

Инга Андреевна неторопливо вышла из кабинета и припустила на первый этаж, в банкетный зал, где дамы восторгались тортом.

После возвращения в кабинет ни о какой работе речи идти не могло: вид сказочного торта с розовым замком из творожного крема окончательно настроил всех на нерабочий, праздничный лад.

– Вересаев противный, – говорила Людочка, подкрашивая ресницы перед зеркалом. – Столько калорий! Я поправлюсь на два килограмма!

– В вашей фигуре, милая Люда, два килограмма ничего не изменят, – сообщила ей Инга Андреевна.

Ерофеева задумалась, как стоит ей расценивать слова старухи, и пришла к выводу, что это комплимент ее фигуре.

– Да, я в маму хорошо сложена, – согласилась она. – Ой, Маргарита Анатольевна, у вас новая помада!

– Анатолий Иванович, а вы все работаете? – участливо спросила Оля Земко у толстячка, склонившегося над грудой бумаг. – А у нас уже одни помады и наряды в голове.

– Это правильно, Оленька, так и должно быть, – отозвался Горошин, протирая очки и быстро моргая слезящимися глазами. – А я просто старый перестраховщик. У клиентов возникли проблемы по прошлым периодам... За две тысячи четвертый год. А я как чувствовал, что будет там засада, в этом две тысячи четвертом, будет! Теперь перепроверяю все по пять раз.

– Да отдохните вы, Анатолий Иванович, расслабьтесь! – Людочка покрутила кудряшку на голове и радужно улыбнулась: завиток был такой же тугой, как и утром. – Между прочим, вы знаете, что нас скоро будут расширять? Говорят, Вересаев хочет еще двух аудиторов взять и начальника отдела назначить. Маргарита Анатольевна, так что у вас за помада?

Она обернулась к Безинской, но та стояла, задумавшись, и вопроса Людочки не услышала.

– Что, Люда? – переспросила она наконец. – Ах, помада? Честно говоря, не помню...

Она достала из ящичка толстую папку и начала быстро ее пролистывать. Людочка с Олей Земко

переглянулись, Оля пожала плечами: чтобы Безинская да не помнила марку помады?! Странно. Должно быть, просто не хочет с Ерофеевой общаться.

– К юристам взяли помощником Илюшина, – вспомнила Земко. – И у аналитиков со следующей недели новая девочка выходит на работу. Я ее видела – красавица! Схожу, пожалуй, к ним, посмотрю, что у них делается. Все равно мне сегодня больше не работается.

– Ох, и мне. – Инга Андреевна встала, потянулась, поправила браслет. – Скорее бы банкет, что ли... Устанешь ждать.

В коридоре послышался смех, цоканье каблуков. Время банкета приближалось, и все к нему готовились, помня о том, что второй большой корпоратив выпадет только на Новый год.

К четырем сотрудники собрались в зале, который называли банкетным. Однако в действительности длинный кабинет служил и переговорной комнатой, и комнатой отдыха. Вокруг стола, уставленного закусками, слышались оживленная болтовня и смех. Сам Вересаев с исполнительным директором Рекуровым задерживались, и сигнала к началу праздника не было дано, поэтому присутствующие только облизывались на салатки, а кое-кто из особенно проголодавшихся, вроде Макара Илюшина, незаметно утащил кусочек свежей семги, лоснящейся на блюде.

– Не понимаю, зачем каждый год еще и мужчин поздравлять на Восьмое марта? – Людочка кокетничала с бородатым юристом Славой, стреляя глазками и беспричинно поправляя пышный бант.

– Не поздравлять, а компенсировать их моральные страдания, – гудел Слава, искоса поглядывая на элегантную Безинскую. – Шеф понимает, как тяжело нам приходится в этот день, вот и проявляет сочувствие.

Воздух пах хризантемами, и витало в нем кокетство, ожидание праздника, смех...

– Вино, между прочим, отличное.

– Ты уже успел попробовать?

– Обижаешь! Донесу до дома, иначе Маринка устроит мне светлую жизнь!

– Вижу, Павел Аркадьевич, жена вас под каблуком держит?

– Инга Андреевна, с ним иначе нельзя. Сопьется.

Один человек из сидевших вокруг стола улыбался, прислушивался к невинной болтовне, сам поддерживал ничего не значащий разговор и внешне был совершенно спокоен. Он и внутренне был почти спокоен, но ожидание не давало ему расслабиться. Расслабляться было нельзя, потому что скоро...

В кабинет вошел Степан Степанович Вересаев, за ним – исполнительный директор. Женская часть коллектива фирмы «Вересаев и компания» заулыбалась, мужчины машинально выпрямили спины – в присутствии Вересаева всем хотелось приосаниться и продемонстрировать боссу армейскую выправку. Степан Степанович был высок, крепок, смугл, совершенно сед в свои сорок четыре года и обладал характером романтического танка, то есть пер напролом, но с выдумкой, время от времени являя окружающим доброту характера и бескорыстие, чем ошеломлял их до глубины души. Со своими небольшими чудачествами вроде отмечания Восьмого марта с обязательным огромным тортом, испеченным на заказ, Вересаев был бы смешон, если бы не размах его причуд. На человека, попавшего в офис фирмы в праздник, пышные хризантемы, стоявшие через каждый шаг, производили неизгладимое впечатление, не говоря уже о декорированных стенах, а потому Степан Степанович вызывал не насмешки, а удивление, от которого был один шаг и до уважения.

– Коллеги, рад поздравить всех с праздником! – улыбнулся Вересаев, поднимая бокал с вином. – Вы знаете, я не любитель длинных тостов. Потому скажу просто – поздравляю нас всех с прекрасным днем!

Он на секунду встретился глазами с Безинской, сделал паузу, хотел продолжить, но вместо этого слегка поклонился и отпил из бокала. Со всех сторон послышалось: «Спасибо, Степан Степанович!», зазвенел хрусталь, раздался шум придвигаемых стульев, звяканье тарелок...

– Макар, передайте, пожалуйста, рыбу...

– Сонечка, еще вина?

– Разрешите, Оля, я вам помогу...

Смех все громче, глаза ярче, щеки краснеют, и дамы так очаровательны, а мужчины галантны, что даже Инга Андреевна смеется над шутками соседа, а не язвит в своем обычном стиле.

– Скорее бы увидеть торт!

– А мы уже видели!

Вересаев удовлетворенно созерцал подчиненных. Праздник проходил так, как он и задумывал. Никаких крепких спиртных напитков, никакой «обжираловки», как говаривал его отец. Все чинно, цивилизованно и очень красиво, начиная от цветов вокруг и заканчивая...

Взгляд Степана Степановича снова упал на Безинскую, которая в эту секунду внимательно слушала

соседа, что-то нашептывающего ей на ухо, и Вересаев поспешно отвел глаза в сторону.

– Степан Степанович, ты что сидишь по-сиротски с бокалом? – пробасил Рекуров, уплетавший закуски за обе щеки. – Может, сыру?

– Нет, Вить, спасибо. Ты удивишься, но хочется сладкого.

– А-а... Бывает. А я, пожалуй, по рыбке ударю.

Скрипнули стулья, кто-то вышел из-за стола, кто-то продолжал есть... Возле столика, где выбирали музыку, разгорелся спор о вкусах, быстро завершившийся с приходом Оли Земко. Со словами «Мне попсу нельзя, у меня от нее токсикоз», Оля быстро выбрала диск, и в зале замурлыкал Армстронг, словно довольный кот.

Праздник шел своим чередом.

– Как ты думаешь, что в этот раз подарят? – спросила Людочка секретаршу Анжелику, когда обе стояли перед зеркалом в туалете и синхронно припудривали лбы.

– Не знаю... – протянула Анжелика. – В тот раз были такие красивые бокальчики, а я один разбила.

В туалет заглянула Земко.

– Девочки, там скоро вручение подарков, а затем конкурс! Хватит красоту наводить, вы и так красивые!

Дождавшись, пока секретарша и Людочка-Рюшка уйдут, Оля встала перед зеркалом, внимательно оглядела свое бледное лицо с голубоватыми припухлостями под глазами, недовольно нахмурилась. Нет, она должна выглядеть хорошо! Достав косметичку, Земко торопливо замазала синеву и окинула себя мрачным взглядом. Тот, кто увидел бы ее сейчас, не узнал бы оживленную Оленьку, десять минут назад танцевавшую в банкетном зале.

Вересаев обвел глазами зал и решил, что пора вручать подарки, не дожидаясь отсутствующих. Все дамы, на беглый взгляд, были здесь, и потому Степан Степанович поднял свой бокал и легонько постучал по нему ложечкой. Раздался серебристый звон, заставивший всех умолкнуть, и в тишине Макар Илюшин незаметно выключил хриплого Армстронга.

– Уважаемые леди! – Вересаев шутливо поклонился. – Предлагаю перейти к самой приятной части нашего праздника. Все согласны?

– Согласны! Согласны! – зашумели вокруг.

– В таком случае...

Степан Степанович наклонился, собираясь достать из-под стола коробку жестом Деда Мороза, вытаскивающего из-за елки мешок с подарками – Вересаев имел слабость к театральным эффектам, – но осуществить задуманное не успел. Со стуком открылась дверь, и на пороге показался бледный Горошин. Очки он держал в руке, постоянно моргал, и весь вид его был потерянным и жалким.

– Степан Степанович, мне нужно с вами поговорить, – выпалил Анатолий Иванович.

Вересаев недовольно обернулся к нему:

– Не сейчас. Надеюсь, дело не настолько срочное, чтобы прерывать раздачу слонов?

– Нет, вы нужны мне немедленно, – сглотнув, твердо заявил Горошин. – Пожалуйста...

Сидящие вокруг стола начали переглядываться. Анатолий Иванович имел репутацию человека уравновешенного, хоть и рассеянного. Видеть его бледным, мнущимся на пороге, было странно.

– Анатолий Иванович, с вами что-то... – начала было Анжелика, но Горошин решительно взмахнул рукой, и очки, сверкнув, описали в воздухе полукруг.

– Со мной все в порядке, – сказал он и настойчиво повторил: – Прошу вас, Степан Степанович!

Вересаев кивнул и вышел вслед за аудитором, кивком головы позвав за собой Рекурова.

После их ухода наступила тишина, в которой раздался тонкий голос Людочки Ерофеевой:

– А я словно чувствовала, что сегодня что-то случится! Честное слово! Макар, вы мне не верите?

– В чем дело? – сухо спросил Вересаев, закрывая за собой дверь кабинета. Он был раздражен и обеспокоен одновременно, поскольку вручение подарков было сорвано, но у Горошина явно имелись на то серьезные причины.

Анатолий Иванович потер виски пухлыми пальцами, вскинул на директора маленькие близорукие глазки.

– Сегодня я купил жене подарок на день рождения, – тихо, но внятно выговорил он. – Ожерелье из белого золота, красивое и дорогое. После покупки я показал его нашим дамам – тем, кто работает со мной, затем спрятал в портфель. После этого я не выходил из кабинета.

– Черт возьми, – выругался Рекуров, понявший, что скажет Горошин дальше.

– Перед тем как спуститься на банкет, я захлопнул дверь, – продолжил тот. – Так вот, я закрыл дверь,

спустился вниз, в банкетный зал, никуда не выходил. Десять минут назад я вспомнил, что оставил в кабинете мобильный телефон, и поднялся за ним, а заодно заглянул в портфель. Ожерелья нет.

Вересаев сел в кресло и вздохнул.

– Вить, – начал он. – Позвони на охрану...

– Понял! – быстро отозвался Рекуров и поднял трубку телефона. – Сергей? Кто из сотрудников выходил из офиса после обеда? Никто? Ясно... Говорит, никто, – озвучил он Вересаеву, зажав трубку ладонью.

– Пусть никто и не выходит.

– Сергей, никого не выпускай, понятно? Да! Вот именно так! Да по любой надобности!

– Я знаю, что праздник... – Горошин наконец надел очки, покачал головой. – Но подарок...

– Анатолий Иванович, я вас прекрасно понимаю, – прервал его Вересаев. – Вы все сделали правильно.

Карточки, в смысле – ключи от двери, есть только у тех, кто работает в кабинете?

– Да, – потерянно подтвердил тот. – У меня, Ерофеевой, Земко, Репьевой и Безинской.

– И запасная у охраны, – негромко добавил Рекуров.

Степан Степанович чуть заметно поморщился. Ой, как нехорошо...

– Делать нечего, – подумав, сказал он. – Давайте милицию вызывать.

Исполнительный директор снова потянулся было к телефону, но его остановил твердый голос Горошина:

– Нет. Я прошу вас не делать этого.

– Как? – не понял тот.

– Не надо.

И, видя, как непонимающе смотрят на него Вересаев и Рекуров, Анатолий Иванович снова потер пальцами виски.

– Я работаю в фирме шесть лет, – тихо сказал он. – Всех своих коллег знаю... очень хорошо к ним отношусь. Я понимаю, что кто-то из них взял украшение, тем более я его показывал, хвастался... Я сам виноват, конечно! Но ведь милиция придет, все перевернет кверху дном, правда? Обыщет, найдет вора обязательно. Так?

– Так, – подтвердил Рекуров, не понимая, куда клонит аудитор.

– А я так не хочу, – закончил тот и жалобно посмотрел на Вересаева. – Вы понимаете почему?

Вересаев не сводил глаз с маленького толстенького человечка на стуле.

– Может быть, просто поговорить с ними? – умоляюще прибавил Горошин. – Я не могу представить, кто это мог бы сделать, но ведь ей необязательно признаваться, правда? Достаточно, чтобы та, кто взяла, просто выложила его... ожерелье... куда-нибудь... И все. И никто не узнает.

– Ну да, а потом все наши аудиторши будут волками друг на друга смотреть, – усмехнулся Рекуров, поняв замысел Анатолия Ивановича. – Нет, так не пойдет.

– Да, и в самом деле, – понурился тот. – Я не подумал. Расстроился, честно говоря, ужасно...

«Кучу денег наверняка заплатил за украшение, – подумал Вересаев. – В портфель положил. Хвастался. Бедолага».

– Ваш план, Анатолий Иванович, ничего не даст и по другой причине, – вслух сказал он. – Я уверен, что та из дам, кто... – он запнулся на слове «украдала», – позаимствовала ваше ожерелье, не хранит его при себе, а припрятала где-нибудь в здании. Наверняка она предусмотрела, что вы обнаружите пропажу до ухода из офиса, вызовете милицию и всех обыщут.

– Вы думаете? – встрепенулся Горошин. – Так, значит, тем более нет необходимости в милиции! Достаточно нам самим найти ожерелье...

Он замолчал, поскольку Вересаев покачал головой:

– Слишком сложно. На двух этажах спрятать украшение можно в десятке мест.

– А я ведь предлагал камеры установить, – проворчал Рекуров.

– А я говорил, что камер у меня в офисе не будет, – в тон ему ответил шеф. – Ладно, попробуем обойтись своими силами. Но имейте в виду, Анатолий Иванович, я не собираюсь покрывать воровку. Или мы сами ее найдем, или это сделают профессионалы.

Горошин молча кивнул.

Когда шеф вернулся в банкетный зал, голоса, и без того негромкие, стихли.

– У меня для вас неприятное известие, – без предисловий сухо сообщил Вересаев. – Из портфеля Анатолия Ивановича пропало дорогое украшение – кольцо из золота.

– Белого, – зачем-то добавил понурый Горошин.

– Белого, – согласился Степан Степанович. – Я собираюсь помочь Анатолию Ивановичу найти его, а до

тех пор выйти из здания, к сожалению, ни у кого не получится.

– Как?! – ахнула Анжелика, и непонятно было, к чему относится ее восклицание.

– Охрана не пропустит, – пояснил Рекуров сзади. – Пока не найдем, никто отсюда не выйдет.

Никто не задал ни одного вопроса. Четыре женщины переглянулись, но внимательно наблюдавший за ними Вересаев не заметил на их лицах ничего, кроме неприятного изумления.

– Земко, Ерофеева, Репьева и Безинская, пройдите к моему кабинету, будьте любезны, – приказал он и проводил вышедших из банкетного зала дам тяжелым взглядом.

Разговор с дамами-сотрудницами ничего не дал. Собственно, Вересаев и не ожидал иного, однако он испытал редкое для него чувство неловкости, когда, еще раз обрисовав ситуацию, предложил виновной сознаться и в ответ после непродолжительного молчания получил резкий выговор от Безинской.

– Прекратите играть в эти игры, пожалуйста, – высокомерно проговорила она. – И не смотрите на меня так, будто ждете, что я сейчас начну рыдать и во всем признаваться. Не начну.

Степан Степанович хотел оправдаться, поскольку не ожидал от Маргариты Анатольевны ничего подобного, но тут раздался скрипучий голос Репьевой:

– Насколько я понимаю, вы хотите нас обыскать. Где можно раздеться?

Людочка шмыгнула носом.

– Да не хочу я вас обыскивать! – не выдержав, повысил голос Вересаев. – Вы же не круглые идиотки, чтобы держать украшение при себе! Я имею в виду, одна из вас...

– Почему вы так уверены, что это именно одна из нас? – спросила Оля Земко, воинственно выпятив вперед подбородок. – Кабинет мог открыть кто-то из охранников.

– Во-первых, никто из охранников не покидал пост с того момента, как начался банкет, – вступил в разговор Рекуров, молчаливой тенью стоявший за креслом генерального. – Во-вторых, об ожерелье, к сожалению, не знал никто, кроме вас.

– А где Горошин? – неожиданно спросила Людочка. – Я хочу ему в глаза посмотреть! Он все затеял, пусть сам и расхлебывает! А мы-то здесь при чем?!

Голос ее стал приобретать истеричные нотки, и Степан Степанович на секунду прикрыл глаза. Действительно, черт бы побрал этого Горошина с его доверчивостью.

– Анатолий Иванович ждет за дверью, – хмуро сказал он. – И только благодаря его уговорам я до сих пор не вызвал сотрудников правоохранительных органов, поскольку господин Горошин категорически против того, чтобы одну из вас выводили отсюда в наручниках. Я прояснил данный вопрос, Людмила Ивановна?

Рюшка притихла. Вересаев понимал, что про наручники сказал сущую ерунду, но это подействовало: дамы оценили угрозу.

– Сейчас сюда придет старший смены, – сообщил он веско, – и мы с ним вместе пойдем и выясним, кто из вас и куда ходил в тот промежуток времени, когда пропало украшение.

– Но... в здании ведь нет камер, – робко сказала Оля. – Только снаружи...

Рекуров закатил глаза. Бабы, что с них взять!

– Магнитные карточки пока никто не отменял. – Вересаев покосился на исполнительного директора. – Мы считаем с компьютера безопасников данные о том, где они использовались. Дальнейшее понятно? Отыскать ожерелье – только вопрос времени. Поэтому я последний раз спрашиваю: кто-нибудь из вас хочет сообщить мне то, что поможет быстрее найти пропажу?

В кабинете стояло молчание.

– Очень жаль, – искренне сказал Вересаев, покосившись на живот Оли Земко. – Сударыни, прошу вас пока подождать в моем кабинете.

– Я в туалет хочу, – жалобно сказала Земко. – Можно?

Рекуров снова закатил глаза, Степан Степанович выругался про себя.

– Разумеется, можно, – стараясь не цедить слова, а выговаривать по возможности мягко, сказал он. – Послушайте, ситуация для меня так же неприятна, как и для вас, но...

Он собирался сказать, что с вызовом милиции она станет и вовсе непереносимой, но не успел.

– Чушь собачья, – проворчала Инга Андреевна. – Не вас подозревают в краже, а нас. Так что идите и выясняйте, что вы там хотели. И заберите Земко с собой, пока она здесь не отличилась.

«Старая ведьма», – мелькнуло в голове Вересаева. Оля Земко, судя по взгляду, брошенной ею на коллегу, подумала примерно то же самое, но она сдержалась, молча прошла за Вересаевым и вышла из кабинета, оставив трех женщин вместе с Рекуровым.

Вересаев ходил туда-сюда возле женского туалета, чувствуя себя идиотом и ругаясь за то, что не догадался отправить с Земко охранника. Ему показалось, что прошло не меньше десяти минут, прежде чем смущенная женщина вышла в коридор. Отведя ее в кабинет, Степан Степанович, внутренне морщась от навязанной ему роли, позвал Горошина и вместе с ним спустился в кабинет сотрудников службы безопасности, или, как называли их в офисе, безопасников.

Лаконично обрисовав ситуацию Николаю, старшему охраны – высокому белобрысому парню с вечно сонным лицом, – Вересаев сел рядом с ним и уставился на монитор.

– Проблем здесь нема, – пожал плечами Николай, набирая пароль. – Смотрим... где, во сколько, кто именно... Ага, вот оно.

Горошин, сидевший на стульчике позади них, прищурился на экран, но ничего не разобрал.

– Распечатай, – распорядился Вересаев. – Можешь?

– Да опять-таки нема проблем, Степан Степанович. Вот, пожалуйста.

Вересаев пробежал взглядом столбцы цифр, коды...

– Мы сейчас на листочек выпишем, кто входил-выходил и во сколько, – успокоительно заметил Николай. – Всего четыре человека, на промежутке... сколько времени брать?

– Когда вы в последний раз проверяли, на месте ли кольцо? – обернулся Вересаев к Горошину.

– Я... я не проверял, – признался тот. – Убрал в портфель около двух часов... да, точно. А потом полез внутрь его в половине шестого, а конверта нет.

– Значит, с двух до половины шестого, – повторил Николай. – Да, прилично. Ну, поглядим, что получается...

Двадцать минут спустя слегка приунывшие Вересаев, Горошин и Николай посмотрели друг на друга, затем на исписанный лист. Картина вырисовывалась не такая простая, как казалось Степану Степановичу поначалу.

Уходя на банкет последним, Анатолий Иванович захлопнул дверь. После этого каждая из женщин возвращалась в кабинет: Николай показал, что три карточки использовались по одному разу, одна – два раза с промежутком в десять минут.

– Кто дважды возвращался в кабинет? – спросил Вересаев.

– Земко. Ее карточка открывала замок в пять ноль две и в пять ноль двенадцать.

– Зашла, что-то сделала, вышла... – пробормотал себе под нос Степан Степанович, – и вернулась обратно. Наверное, почти сразу после того, как вышла.

– Забыла, наверное, что-нибудь, – робко предположил Горошин.

– Наверное... Так что у нас дальше?

– Безинская дважды была в архиве: в два двадцать шесть и в три сорок восемь. Кто-то в зимний сад заходил... зачем, интересно? А, это Ерофеева. В два сорок. И все.

Зимний сад представлял собой помещение с огромными окнами, куда когда-то хаотично составили кучу растений в горшках, оставшихся от предыдущего владельца здания. Комнату обозвали зимним садом, и Вересаев давно собирался использовать ее в рабочих целях.

– Зимний сад, значит, – повторил он.

– Я слышал, кто-то из женщин собирался зайти в кабинет к юристам, – нахмурившись, припомнил Горошин. – Или не к юристам... Может быть, к аналитикам.

«Вынуть украшение из портфеля и иметь наглость спрятать его в чужом кабинете? – задумался Вересаев. – Соблазнительно, конечно, но очень уж рискованно. Нет, вряд ли».

– Туалеты... – проговорил Николай.

– Что – туалеты?

– На уборных ключей нет, понятное дело, а женщины наверняка туда заходили. Причесаться там... подкраситься...

Мысль об элементарной возможности спрятать что-то в туалете не приходила Степану Степановичу в голову, и он рассердился на себя самого.

– Могла просто сунуть ожерелье в любой букет, и дело с концом, – буркнул он. – Мужик бы на это не пошел, понятное дело, но женская логика – дело такое... непредсказуемое.

Перспектива обыскивать весь офис встала перед генеральным директором во весь рост, и Степан Степанович уже хотел отказаться от идиотской затеи, но взглянул на Горошина, по привычке потиравшего дужку очков, и передумал.

– В общем, сделаем так, – распорядился он. – Одного из своих ребят, Николай, оставь на хозяйстве, а второй пусть идет с нами обыскивать помещения. Рекуров сидит с бабенками... Эх, нам бы еще одного человека.

– Макар Илюшин, – неожиданно предложил Анатолий Иванович, возвращая очки на нос. – Он славный мальчик, наверняка согласится помочь.

У Степана Степановича были сомнения в том, что славный помощник юристов обрадуется перспективе обыскивать женский туалет, но выбора не было.

– Анатолий Иванович, вы, пожалуйста, позовите Илюшина, – решил он. – Попробуем обойтись им одним.

Макар сидел со всеми остальными сотрудниками в банкетном зале: после краткого выступления шефа уйти никто не решился, хотя Вересаев не ограничивал подчиненных в перемещениях по зданию фирмы. По дороге из зала в кабинет безопасников Анатолий Иванович, запинаясь через каждое слово, ввел его в курс дела.

– Я признаюсь честно, пожалел сто раз обо всем, – закончил он, стоя перед дверью кабинета. – И о том, что купил, и о том, что показал. Думал сделать как лучше, а вот какая неприятность получилась... Похвастаться хотел! – в его голосе прозвучала горечь. – Теперь стыдно им, – он неопределенно махнул рукой в сторону кабинета Вересаева, – в глаза смотреть.

– Вам не должно быть стыдно им в глаза смотреть, – мягко сказал Макар. – Вы-то в чем виноваты?

Анатолий Иванович вздохнул, покачал головой и взялся за ручку двери.

– Это вы по молодости, Макар, так думаете. А на самом деле я – виноватый.

В кабинете Вересаев коротко повторил инструктаж для Илюшина и второго охранника, выделенного Николаем для поисков ожерелья. Он уже собирался отправляться на поиски, но молодой белобрысый помощник юристов нарушил его планы.

– Я правильно понимаю, что нам предстоит обыскать туалет, зимний сад, коридоры и архив? – вежливо спросил он, не сделав и шагу к двери, хотя Николай, второй охранник по имени Валера и Горошин уже собрались выходить.

– Именно. В чем дело? – Степан Степанович с каждой секундой становился все злее, а потому вопрос только усугубил его раздражение.

– Во-первых, в этом списке не хватает кабинета аудиторов, – спокойно ответил Макар.

– Точно! – подал голос Николай. – Зашла в кабинет, вынула из портфеля, спрятала где-нибудь... в ящичке... Или в сейфе.

Вересаев выругался себе под нос.

– Во-вторых, – с удивительной невозмутимостью продолжал Илюшин, – на осмотр всего, о чем вы сказали, Степан Степанович, у нас уйдет часа три, не меньше. И необязательно, что мы найдем пропажу, потому что среди нас нет профессиональных сыщиков, которые знают, как правильно искать.

– Чего искать-то, – осадил парня охранник Валера. – Разбить помещение на квадраты, и всех делов!

Макар бросил на Валеру короткий взгляд, в котором гендиректор явственно прочитал превосходство.

– У вас, Валерий Никитович, большой опыт в обысках? – небрежно поинтересовался Илюшин. – На один зимний сад уйдет полтора часа – вспомните, какой там бардак творится. Землю из всех горшков будем вытряхивать?

Валера промычал что-то невнятное, но притих.

– Все сотрудники сидят в банкетном зале, – напомнил Макар. – Они так и будут там три часа сидеть?

– Надо – значит, будут, – не сдержался Николай, которого невозмутимость парня быстро вывела из себя. – Если ментов вызвать, отсюда вообще никто до утра не выйдет!

– Не надо ментов, – попросил Горошин.

– Не надо, – согласился Макар. – Мы и сами все найдем, если сузить круг поисков.

– Каким образом, интересно? – в голове Вересаева зазвучало неприкрытое ехидство. – Если вы, Макар Андреевич, только что его расширили, включив в список и кабинет номер пять.

– Вы сами никого не подозреваете? – спросил Илюшин у Горошина.

– Да что вы, Макар, мне и подумать страшно о том, кто мог...

Аудитор не закончил, но Илюшин понял, что тот хотел сказать. Если ты проработал в кабинете с коллегами несколько лет, то подозревать одного из них в краже очень противно.

– Понятно...

Илюшин прошелся по небольшому кабинету от стены до стены, бросил мельком взгляд на монитор. Николай и Валера, удивленные его непринужденностью, дружно воззрились на непосредственное начальство, сидящее перед компьютером, и во взглядах их читалось предложение устроить малолетнему молодому нахалу выволочку. Однако непосредственное начальство само с интересом наблюдало за передвижениями нахала по кабинету и, видимо, не собиралось карать его немедленно. Переглянувшись,

охранники и Николай вернулись на свои стулья, а за ними как-то невзначай отошел от двери и Горошин.

– Четыре женщины, – вслух рассуждал Макар, лохматя и без того взъерошенные светлые волосы. – Одна видит ожерелье, решает его украсть. Мотивы нам сейчас не важны... Итак, она достает украшение из портфеля, прячет... Кстати, – он остановился посреди комнаты, – а кто их обыскивал?

– Их не обыскивали, – неохотно сказал Вересаев.

– Почему?

Парень изумленно воззрился на него, и Степан Степанович, прежде не обращавший на мальчишку особого внимания, в первый раз разглядел, что у того серые глаза – такие же, как у Безинской: не стального оттенка, а глубокого цвета, как вода в пруду.

– Мы подумали, что та дама, которая взяла ожерелье, обязательно спрятала бы его, – пояснил вместо Вересаева Горошин, – а обыск для женщин – это такое унижение... Нет, тогда уж и в самом деле лучше милицию вызвать.

– Хорошо, допустим, – нехотя согласился Макар. – Хотя я бы не исключал вариант, что ожерелье до сих пор у одной из них. Итак, женщина его берет, выносит из кабинета, решает спрятать, выбирает место. Она понимает, что вы, Анатолий Иванович, скорее всего, заглянете в портфель и обнаружите пропажу, но она не знает, что вы не захотите вызывать милицию. А потому она должна спрятать украшение, но спрятать так, чтобы его в подходящий момент можно было вынести. Конечно, нельзя исключать вариант тупого воришки, – увлекшись, продолжал Илюшин, – который сунул бы ожерелье в первое попавшееся место, не думая, но для нас такой вариант совершенно неинтересен!

Он остановился, потому что Вересаев отчетливо хмыкнул.

– Прошу прощения, – смутился Макар.

– Ничего-ничего, рассуждайте дальше, – с легкой иронией сказал Степан Степанович. – Действительно, такой вариант неинтересен. То ли дело, если наша воровка все тщательно спланировала!

– Она не могла тщательно спланировать, – возразил Макар, – потому что у нее не было на это времени. Но просчитать вероятности могла и наверняка просчитала. Она же аудитор, у нее аналитический склад ума! Итак, она предполагает, что всех задержат, обыщут, ничего не найдут и отпустят. А спустя некоторое время она вынесет ожерелье, и все.

– Если мы не найдем его раньше, – буркнул Валера, которому все меньше нравилось, что шеф с таким вниманием слушает мальчишку вместо того, чтобы пойти и найти наконец чертову цацку.

– Нет, – вдруг решительно сказал Илюшин, резко останавливаясь и чуть не наткнувшись на стул Вересаева. – Ничего подобного.

– Что значит «нет»? – возмутился охранник. – Найдем, конечно. Что тут искать: два этажа, восемнадцать кабинетов!

– Я не об этом. Я о том, что воровка была уверена: искать ожерелье мы будем сами. Она знала, что Анатолий Иванович не станет обращаться в милицию.

– С чего ты взял? – от удивления перейдя на «ты», спросил Вересаев.

– Нутром чувствую, – непонятно объяснил парень. – Поверьте, Степан Степанович: все дамы хорошо знают характер Анатолия Ивановича, и преступление было задумано именно с расчетом на то, что обыскивать помещения будут не оперативники, а мы. И что мы его не найдем, потому что не будем знать, где именно искать.

– И тогда вызовем ментов! – Николай покачал головой, потому что идеи парнишки казались ему совершенно обосновательными.

– Не вызовем, – себе под нос проговорил Горошин. – Не вызовем, – повторил он громче, заметив, что все смотрят на него. – Я так решил. В конце концов, это моя пропажа.

– Вот видите, – пожал плечами Илюшин. – И такую реакцию наша дама тоже просчитала. Она неплохой психолог.

– Анатолий Иванович, вы хотите покрывать воровку? – пренебрежительно осведомился Валера. – Зачем?

– Может быть, кому-то из них срочно понадобились деньги, и она не нашла иного выхода, кроме... – Горошин заморгал и стал похож на толстенькую сову. – И случай подвернулся... Я не могу представить, что кто-то из моих коллег окажется под следствием, даже если она и взяла мою вещь... без спроса...

Что-то очень детское прозвучало в его словах, и Валера с плохо скрытым презрением пожал плечами. Глупость, и больше ничего: если тебя обокрали, да еще и по-наглomu, вора нужно найти и посадить, чтобы другим неповадно было. А не уси-пуси разводить.

– Я вас понимаю, Анатолий Иванович, – неожиданно сказал Вересаев. – Что же, получается, нас переиграли?

Валера и Николай промолчали. Горошин покачал головой, и непонятно было, согласен он с директором или нет.

– А вы что скажете, Макар Андреевич?

– Переиграли, если мы не найдем ожерелье, – подтвердил Макар. – Не будет же охрана каждый день обыскивать выходящих аудитором. Это незаконно, в конце концов. Анатолий Иванович, а вам самому не обидно, что ваши слабости играют на руку воровке? Ведь она останется с вами в одном кабинете, вы будете видеть ее каждый день, гадать, кто сыграл на вашей порядочности. А другие женщины, не причастные к краже, испортят отношения друг с другом, потому что у них обязательно возникнут свои версии, и рано или поздно их озвучат, и получится нехороший скандал.

Голос Илюшина звучал убедительно, и Вересаев подумал, что сам бы он в подобной ситуации давно согласился с его доводами.

– Хитрая сволочь, – не сдержался охранник и получил тычок от Николая. – А что? Лихо прокрутила дело и теперь уйдет с побрякушкой.

– Анатолий Иванович, надо ее найти! – воззвал к Горошину Николай. – Правда, как будто в лицо плюнули...

Но Горошин снова покачал головой, и теперь стало ясно, что это значит.

– Ну, как хотите, – развел руками Макар. – Тогда я не вижу для нас никаких зацепок. Разве что...

Он задумался. Снова походил по комнате, затем взял со стола листок, на котором Николай записал, какие комнаты открывались аудиторами.

– Где умный человек прячет лист? – проговорил Илюшин.

– Где-где... – Охранник слегка растерялся, решив, что вопрос обращен к нему. – В холодильнике, должно быть.

– Почему в холодильнике? – поразился Степан Степанович.

– Потому что там можно все спрятать, – честно ответил Валера.

– Умный человек прячет лист в лесу. – Макар рассеянно глянул на охранника, и Вересаев понял, что идею с холодильником парень прослушал. – Так Честертон говорил, а он сам был очень неглупый человек.

– Психолог? – проявил осведомленность Николай.

– Не совсем. Впрочем, неважно. Итак, умный человек прячет лист в лесу. Наша воровка – умный человек? Наверняка. Даже если кажется глупой.

Поняв, к чему клонит Илюшин, Вересаев мысленно обежал глазами все здание.

– Люстра? – быстро предположил он. – Светильники? Аквариум?

Макар взглянул на него, что-то напряженно обдумывая.

– Вряд ли, – протянул он. – Анатолий Иванович, напомните, пожалуйста, в чем хранилось ожерелье. В коробочке?

– Нет. Коробочка оказалась мне слишком безвкусной, и я переложил его в конверт.

– В конверт! – хором воскликнули Илюшин, Вересаев и Николай.

– Вспомните хорошенько, – торопливо сказал Илюшин, – ваши коллеги видели, что вы убрали украшение в конверт? Пожалуйста, вспомните, это очень важно!

– И вспоминать нечего. Видели. Я при них взял со стола плотный конверт, а потом засунул его в портфель.

Пристально глядя на Горошина, Макар прищурился и сказал, отчетливо выговаривая каждое слово:

– А если бы вам пришлось прятать конверт так, чтобы он не должен был бросаться в глаза, какое место вы бы выбрали?

Анатолий Иванович посмотрел на Вересаева непонимающим взглядом, и вдруг тень догадки мелькнула в глазах у обоих.

– Архив! – Степан Степанович опередил Горошина на полсекунды.

– Точно! – Макар азартно хлопнул ладонью по столу. – Вот наш лес! Готов прозакладывать зарплату за полгода – конверт в архиве!

Когда в помещении, где хранился архив документов, зажегся свет, охранник негромко присвистнул.

– Не свисти, денег не будет, – машинально заметил Николай, делая шаг вперед и пропуская вперед Илюшина.

Но на него вид стеллажей, заполненных папками, тоже произвел впечатление. «Хорошо, если конверт здесь. А если нет?»

– Вы с Валерой берете на себя правый сектор, – приказал Вересаев, недолго думая, – я – средний, Анатолий Иванович с Макаром Андреевичем – левый.

И, не теряя времени, двинулся к шкафам.

Николай постоял в некоторой растерянности перед полками, но затем, приговаривая про себя «глаза боятся, руки делают», вынул крайнюю папку. «И что с ней делать? Внутри смотреть?»

Он пробежал пальцами по пыльным корочкам, вдохнул запах картона и старого клея, наклонил голову и прочитал даты на корочках. «Надо приступать», – сказал он самому себе, и тут из-за соседнего стеллажа раздался очень спокойный голос Вересаева.

– Я его нашел.

Николай замер на секунду, не веря своим ушам, а затем бросился к шефу. То же самое сделали и остальные и увидели Вересаева вертящим в пальцах ожерелье из серебристых веточек, на которых блестели капли – камни.

– Надо же... – проговорил Степан Степанович. – Даже в папку не спрятала, просто всунула конверт на среднюю полку. Наверное, торопилась.

Он протянул ожерелье Горошину, который взял его так бережно, словно капли могли стечь на пол.

– Кто? – выдохнул Валера. – Кто заходил в архив?

Мужчины подняли глаза друг на друга – все, кроме Вересаева: он и так помнил, кто дважды был в архиве.

– Безинская, – с сожалением признал Макар. – Маргарита Анатольевна.

Увидев Горошина, вошедшего в кабинет генерального директора с ожерельем в одной руке и конвертом в другой, все сидевшие вскочили. Кроме Оли Земко, положившей руку на живот и устало откинувшейся на спинку стула.

– Нашли! – Глаза Рекурова изумленно расширились, словно он не допускал и мысли, что их затея увенчается успехом.

– Нашли, – грустно подтвердил Анатолий Иванович.

– Где? Где нашли? – Людочка так и впиалась глазами в шефа, не сводящего глаз с Безинской. Та держалась спокойно, но на ее лице на секунду промелькнуло странное выражение.

– В архиве.

Степан Степанович прошел за свой стол, уселся. Николай с Валерой остались стоять у дверей, словно боялись, что кто-то вздумает убежать. Илюшин собрался было присесть на подоконник, но вовремя опомнился и просто облокотился на него. На диване напротив ссутулился Анатолий Иванович, не выпуская украшения из пухлых пальцев.

– Ожерелье мы нашли в архиве, – сухо повторил Вересаев, и в комнате повисла тишина, в которой шмыгала носом Людочка. – Одна из вас заходила в помещение, где хранятся архивные документы. Маргарита Анатольевна, вам понятно, что это значит?

Земко с Ерофеевой перевели взгляд на Безинскую. Репьева поморщилась.

– Вы считаете меня виновной? – ровным голосом спросила та. – Почему? Разве только я могла спрятать там ваше ожерелье?

– Именно. Я вам только что объяснил: никто, кроме вас, не входил в архив.

Степан Степанович с удовлетворением заметил, что на сдержанном лице Безинской промелькнула тень растерянности.

– То есть... как, простите? – переспросила она. – Не может быть!

Николай прошел к столу, положил перед женщиной лист бумаги, ткнул пальцем.

– В два двадцать шесть – первое срабатывание вашей карточки, в три сорок восемь – второе. Только вы были в архиве дважды за последние четыре часа, и больше никто. А вы рассчитывали, что зайдет кто-то еще и это снимет с вас подозрения? – он усмехнулся. – Не выгорело. Остальные готовились к банкету, им не до архивов было.

Маргарита Анатольевна секунду смотрела на лист широко раскрытыми глазами, затем обернулась к Горошину, теребившему ожерелье. Она, казалось, собиралась что-то произнести, но вместо этого лишь скривила губы.

– Одного не понимаю, – чуть удивленно произнес Вересаев. – Зачем? Неужели ради десяти тысяч долларов?

– Действительно, не понимаете, – высокомерно подтвердила Безинская. – И никогда не поймете.

Она встала, оглядела сидящих в комнате, задержавшись взглядом на Илюшине.

– Я могу идти? – безразлично-бесстрастно осведомилась она. – Не будете же вы вызывать милицию... Это было бы глупо и смешно.

Поскольку никто не ответил, Безинская неторопливо пошла к двери. Валера с Николаем расступились,

и Маргарита Анатольевна уже потянула на себя ручку двери, но ее остановил скрипучий голос.

– Чепуха! – проговорила Инга Андреевна сердито. – Риточка, что за ерунда, право слово!

Измученная Безинская, впервые услышавшая, чтобы ее назвали Риточкой, обернулась и встретилась глазами с Репьевой.

– Ничего не понимаю, – проворчала та, морща нос, – но совершенно очевидно, что вы здесь ни при чем.

– Действительно, Маргарита Анатольевна! – Оля Земко вдруг словно проснулась: стукнула ладонью по столу и устремила негодующий взгляд на Вересаева. – Как вам всем не стыдно! – звонким голосом сказала она. – Маргарите Анатольевне не нужно ожерелье! Это не она! Как вы могли поверить?!

Людочка молчала и только таращила глуповатые глаза.

– Девочки... что вы... – голос Безинской дрогнул.

– Хватит! – Инга Андреевна рявкнула таким командирским тоном, что Николай с Валерой вытянулись по струнке. – Не распускать нюни! Почему вы им ничего не объяснили?

– А что я им объясню? Что?! – почти выкрикнула Безинская. – Я заходила в архив только один раз – вечером! Днем меня там не было! Ну и что?

– Позвольте-позвольте, – встрял Макар. – Один раз?

– Да, один раз! – Маргарита Анатольевна обращалась к нему, но при этом вызывающе смотрела на Степана Степановича. – Взяла документы по старому делу, хотела перепроверить кое-что. Это было незадолго до начала банкета, я торопилась – мне хотелось убедиться, что там все в порядке, чтобы не думать об этом весь праздник.

Макар с сомнением смотрел на Безинскую, и женщина раздраженно дернула подбородком.

– Я не буду оправдываться перед вами. Это унижительно! Оленька, Инга Андреевна, – голос ее потеплел, – спасибо вам.

Она снова повернулась, и в комнате все одновременно заговорили. Что-то протестующее высказал Вересаев, пискнула Людочка, спросил о карточке Николай, ему на заднем фоне ответил Валера, а Горошин только переводил беспомощный взгляд с одного на другого. Ожерелье в его руках посверкивало каплями на тонких ветках. Макар уставился на украшение и почувствовал, что в голове его вертится что-то неуловимое... неуловимое, очень близкое... то, что обязательно нужно было поймать.

«Ветки... ветки на деревьях... деревья... листья... Листья!»

– Листья! – очень громко сказал он. – Листья, черт возьми!

Все затихли, и только Валера продолжал бубнить что-то о карточках и о том, что компьютер не обманешь.

В голове у Макара проносились мелкие детали прошедшего дня, складываясь в картину, и каждый в этой картине занял свое место. Только одно оставалось для Илюшина не совсем ясным, но он ощущал, что разгадка где-то очень-очень близко, в той детали, которая на первый взгляд кажется самой незначительной из всех.

Он снова бросил взгляд на ожерелье, и ответ появился сам. Такой очевидный, что Макару оставалось только удивиться, как он не понял основного замысла раньше, и восхититься безупречно реализованной идеей. Почти безупречной. И почти реализованной.

– Какая наиболее часто цитируемая фраза из Честертона наиболее часто цитируется? – спросил он, обращаясь к ближайшему человеку.

Ближайшим этим человеком оказалась Людочка Ерофеева. Макар понял, что от нее ответа ожидать бессмысленно, но Людочка внезапно для него ответила, не задумываясь:

– «Где умный человек прячет лист? В лесу».

Секунду Илюшин смотрел на нее, затем кивнул:

– Правильно. Кстати, откуда вы это знаете?

– Люблю детективы, – пожала плечами Людочка. – Особенно старые.

– И я люблю. Только очень редко перечитываю. – Он улыбнулся слегка виновато, будто извиняясь за то, что редко перечитывает детективы. – И Честертон, кстати, я никогда не стал бы перечитывать. Он хороший писатель, здесь не поспоришь, но далеко не из самых моих любимых, потому и не стал бы.

– При чем здесь Честертон? – спросил Вересаев, искренне пытаясь понять.

– При том, что самая известная фраза из него – про лист, который умный человек прячет в лесу.

– А если ему нужно спрятать мертвый лист, он сажает мертвый лес, но при чем здесь это?

– Ни при чем, Степан Степанович. Нужна была только первая половина фразы, которая навела бы нас на мысль о том, где можно спрятать ожерелье. Потому что сами бы мы не догадались выбрать именно архив. Но мы должны были найти колье, причем там, куда его мог положить только один человек, чтобы его виновность казалась неопровержимой. Несколько простых действий, которые по отдельности, кажется, ни к

чему не приводят, – и все получается, как задумано. Но ведь я не просил вас приносить мне Честертона, Анатолий Иванович. – Макар посмотрел на Горошина и покачал головой. – Я не люблю брать чужие книги.

– Мы с вами разговаривали о детективах пару дней назад, за обедом, – напомнил тот.

– Да, – согласился Илюшин. – И вы рассказали мне о том, что у него есть несколько малоизвестных, но очень неплохих рассказов. И даже повернули беседу таким образом, что получилось, будто бы я прошу вас принести их мне. Но я не просил, правда?

– Я всего лишь сделал вам небольшое одолжение.

– Конечно. Только это было не одолжение, это был расчет. И довольно точный, я признаю. Если весь день человеку показывать рисунок со светофором, а затем попросить его назвать три цвета, какие он назовет?

– Красный, желтый, зеленый? – вопросительно произнесла Оля Земко.

– Да, вероятнее всего. А если утром предложить человеку детектив, в котором есть всем известный афоризм о том, как лучше что-то спрятать, а вечером привлечь его к поискам пропажи, что человек вспомнит в первую очередь? Правильно, этот афоризм. Я уверен, Анатолий Иванович, что именно вы настояли на том, чтобы я принял участие в поисках.

– Он, точно! – выкрикнул Валера, сделав шаг от двери.

– Сказал, что вы славный мальчик, обязательно поможете, – добавил его начальник.

– Очень, очень хорошо придумано и сыграно, – в голосе Илюшина звучало нескрываемое уважение. – Настаивать на том, чтобы не вызывать милицию, переживать за то, что мы оскорбим женщин своими подозрениями... Лично я полностью уверился в вашем благородстве. А из положения жертвы так удобно управлять ситуацией – не правда ли, Анатолий Иванович?

Горошин молчал, проводя пальцем по сверкающему украшению.

– Когда вы взяли карточку из сумки Маргариты Анатольевны? – спросил Макар. – Для этого вам нужно было, чтобы в кабинете никого не осталось. Как вы это обеспечили?

– И меня купил, – нехотя проговорила Инга Андреевна. – Я ведь только сейчас это поняла. Да, неплохо ты нас изучил, Толенька.

– Что значит «купил»? – не понял Вересаев.

– Девочки убежали торт смотреть, я осталась, – неспешно объяснила Репьева. – А наш Анатолий Иванович возьми да и намеки, что Анжелика беременна. Во мне, старой дуре, любопытство разыграло, и я побежала посмотреть, правда ли это.

– И что же? – Горошин смотрел на нее непонимающе.

– То, что кабинет остался в вашем распоряжении, – ответил за Репьеву Макар. – Вы достали из сумки Безинской карточку, дошли до архива, открыли дверь, сунули конверт с ожерельем между папок, не потрудившись спрятать его как следует, потому что хотели, чтобы поиски не заняли слишком много времени. О конверте вы побеспокоились заранее, проявив тонкий художественный вкус, – Макар усмехнулся. – Хотя, если подумать, странная идея: убирать украшение не в коробочку, а в конверт. Даже если коробочка так оскорбляла ваше эстетическое чувство, в портфеле-то она вам ничем не мешала. Но коробочка была плохим листом, а вот конверт – хорошим, потому что для него нашелся подходящий лес. Далее все просто: вы обнаруживаете, что ожерелье исчезло, просите не вызывать милицию, подключаете меня. Я в нужный момент вспоминаю про лес, Степан Степанович находит конверт, и – пожалуйста – преступник разоблачен.

Илюшин показал на Безинскую, так и стоявшую посреди кабинета.

– У меня только один вопрос, – добавил он. – Вам ведь нужно было, чтобы Маргарита Анатольевна зашла в архив еще раз, на этот раз уже сама. Иначе она могла бы начать утверждать, что близко не подходила к архиву, и, чего доброго, нашлись бы свидетели, которые это подтвердили. Нет, так рисковать вы не могли. Но как вы убедили Маргариту Анатольевну зайти в архив? Загипнотизировали ее?

– Я поняла! – вдруг сказала Безинская. – Господи, я поняла!

Все взгляды обратились к ней.

– И в самом деле, до чего хорошо вы нас изучили. – Она изумленно покачала головой. – Я не собиралась идти в архив, но незадолго до банкета меня словно что-то кольнуло. Мне захотелось перепроверить отчетный период одного из клиентов, довольно непростого. А вам для этого всего-то понадобилось рассказать, что у вас много работы, потому что по две тысячи четвертому году всплыли какие-то недочеты, и вот вы решили перестраховаться, проверить все.

Макар рассмеялся и два раза хлопнул в ладоши.

– Здорово! – восхитился он. – Инге Андреевне вы говорите, что секретарша, кажется, беременна, и она послушно выходит из кабинета, а Маргарите Анатольевне оказалось достаточно намека на возможные

проблемы по клиенту, который и так ее беспокоил, и она так же послушно идет в архив. У вас талант манипулятора, Анатолий Иванович, а вы аудитором работаете. Зря!

Горошин спрятал ожерелье в карман и негромко рассмеялся. Макар неожиданно осознал, что первый раз слышит смех Анатолия Ивановича. Тот часто улыбался, тихо посмеивался, и не больше того. Но сейчас он смеялся, и смех его был неприятным.

– Жаль, – сказал Горошин, отсмеявшись. – Так все хорошо задумал. Маленькая месть, не более. Как ты правильно сказал, Макар, она мне почти удалась. Ничего, что я на «ты»? Обращаться на «вы» к восемнадцатилетнему мальчишке, хоть и весьма неглупому, мне не хочется.

Он снова усмехнулся, и ничего растерянного или жалкого в его усмешке больше не было.

– Ну что же, милая моя Маргарита Анатольевна, мне остается утешать себя лишь тем, что я неплохо потрепал вам нервы. Хотя, конечно, это довольно мизерный результат по сравнению с тем, что вас должны были вышибить из фирмы. Точнее, вы бы ушли сами. Вы же у нас дама гордая, даже не стали доказывать свою невиновность! Кстати, если вам интересно, на это я тоже рассчитывал.

– Зачем?

Безинская сосредоточенно вглядывалась в лицо Горошина, словно пытаясь прочесть на нем ответ.

– Зачем? – Аудитор злобно сощурился. – Я хотел показать вам, дорогая, что нельзя безнаказанно издеваться над людьми.

– Я издевалась над вами? О чем вы говорите?!

– Забыли? Неужели? А как же ваше пренебрежительное «Я не встречаюсь с мужчинами ниже меня ростом»? А? Или вы не понимали, что оскорбляете меня? Понимали, Маргарита Анатольевна, все отлично понимали! Но ведь вам обязательно нужно уколоть, ткнуть в самое больное место по извечной женской привычке, унижить! Не смотрите на меня так и не говорите, что не понимаете, как вы меня унизили! Но вы, наверное, думали, что маленький безответный Горошин не сможет ответить вам достойно. Ошибались, дорогая моя, очень ошибались! Когда вы потеряли бы хорошую работу с клеймом воровки, вот тогда вы бы вспомнили Горошина! «Ниже меня ростом»... Тьфу! Подумать только, а я в вас был влюблен!

Он вскочил, обошел Безинскую и направился к двери.

– Боже, какая зловонная куча комплексов, – брезгливо заметила ему вслед Репьева.

– Анатолий Иванович... – прошептала под нос потрясенная Оля Земко. – Ну как же так...

– Наполеон, говорят, такой же был! – сообщила Людочка. – Мстил всем знакомым женщинам, которые выше его.

«Новый год... начало марта... – быстро подсчитывал Илюшин. – Два с половиной месяца! Злопамятен оказался господин Горошин. Или же...»

– Сдается мне, что дело не только в оскорблении, – вслух сказал он, и невысокий полный человечек резко обернулся к нему. – Одного оскорбления было бы недостаточно для составления такого плана. Вы, конечно, затаили обиду, но есть и еще кое-что, о чем вы деликатно умолчали, Анатолий Иванович. Наверное, потому, что стремление убрать конкурента не вписывается в образ оскорбленного мужчины.

– Какого конкурента? – фыркнула Репьева. – Макар, вы плохо представляете специфику нашей работы: у каждого свои клиенты, мы их не делим.

– Да, – согласился Илюшин, – я не очень хорошо представляю специфику вашей работы. Она мне и не нужна. Потому что дело вовсе не в дележке клиентов, не так ли, Анатолий Иванович?

– Расширение отдела... – вдруг догадалась Оля Земко. – Ну конечно!

– Вот именно. Об этом знаю даже я, хотя работаю в фирме не так давно. Значит, вы, господин Горошин, и подавно были осведомлены о предстоящем повышении одного из вас. Или одной.

– Одной, – тяжело бросил Вересаев. – Начальником отдела была бы назначена Безинская.

– Спасибо, я так и предполагал, – обернулся к нему Макар. – А если бы Маргарита Анатольевна по каким-то причинам ушла из фирмы?

– Тогда я назначил бы Горошина.

– Одним красивым выстрелом убить двух зайцев – и отомстить за обиду, и убрать претендента на стул начальника отдела... Вы можете собой гордиться, Анатолий Иванович.

Горошин ощерил зубы в улыбке, больше напоминающей оскал хорька.

– Могу, – подтвердил он. – Жаль только, что этого не оценили раньше. И жаль, что я чуть-чуть недооценил тебя, мелкий засранец, иначе быть бы тебе выставленным за дверь вместе с ней, – он кивнул на Безинскую, а затем сделал неприличный жест, который дико контрастировал с привычным всем обликом низенького безвредного недотепы. Сделал несколько шагов, пошел к двери и окрысился на стоявшего на пути Валеру, отчего охранник брезгливо скривился и отошел в сторону.

– А знаете, что еще я забыл вам сказать? – Голос Макара догнал Горошина у самой двери.

Тот остановился.

– Зря вы считали свой план хорошим, – покачал головой парень. – У него было одно слабое звено – вы сами. Потому что вы постоянно переигрывали, Анатолий Иванович, и очень сильно. Скажем, зачем нужно было каждый раз спотыкаться на пороге всех кабинетов? Ведь там нет ничего, обо что можно споткнуться, правда? А очки в фикусе? Убедительная деталь, но только на первый взгляд. А если подумать, при каких обстоятельствах можно забыть очки в цветочном горшке... Ни при каких, правда? Когда я вспомнил про цветочный горшок и сопоставил его с цитатой из Честертона, все встало на свои места.

Лицо Горошина искажилось, он прошипел что-то невнятное и вышел из кабинета, сильно хлопнув дверью.

Когда гул голосов после его ухода стих, а расцелованный дамами Макар покраснел так, что стал похож на вареную креветку, Безинская сделала неожиданную вещь: подошла к Инге Андреевне и крепко обняла ее.

– С ума сошли?! – возмутилась Репьева, выдираясь из ее объятий. – Что за вольности? Обнимайтесь, пожалуйста, с кем-нибудь другим. Вот хоть с ним. – Она ткнула пальцем в Вересаева.

Задержав взгляд темно-серых глаз на генеральном директоре, Безинская чуть улыбнулась и покачала головой.

– Товарищи, товарищи! – вдруг пробасил Рекуров, ошеломленно молчавший последние двадцать минут. – Подарки так и не вручили! Все нас ждут в банкетном зале! Нехорошо, в конце концов!

– Нехорошо, – согласился Степан Степанович. – Пожалуйста, спускайтесь все вниз, а я сейчас подойду. Вить, я думаю, можно не скрывать произошедшее от сотрудников. Не вижу причин выгораживать Горошина.

– Понял, – кивнул Рекуров. – Жду внизу.

Толпясь в дверях, все, кроме Безинской, вышли из кабинета, и Вересаев некоторое время прислушивался к шагам в коридоре. Маргарита Анатольевна подошла к окну и разглядела внизу Горошина, торопливо удаляющегося от здания. На улице стемнело, и подтаявшие лужи казались черными следами, оставленными кем-то очень большим и неуклюжим.

– Мне было совершенно все равно, виноваты вы в краже или нет, – непонятно к чему сказал Вересаев. – Я хочу, чтобы вы мне верили.

Безинская повернулась к нему, не говоря ни слова.

– И я бы не дал тебе уйти, – прибавил Вересаев.

Спустя пять минут Макар Илюшин, вспомнивший, что в суматохе забыл на подоконнике карточку от своего кабинета, постучал в дверь и, не услышав ответа, приоткрыл ее и заглянул внутрь. То, что он увидел, заставило его покраснеть, закрыть дверь и забыть о карточке: генеральный директор фирмы «Вересаев и компания» Степан Степанович и Маргарита Анатольевна Безинская целовались так, будто были подростками, которых хулиганские игры одноклассников вынудили уединиться в темной комнате.

«Завтра попрошу у охраны запасную карточку, – размышлял Макар, спускаясь по лестнице на первый этаж. – Четыре мужа... подумаешь, будет пятый! Зато его не нужно выводить в люди».

– К тому же у меня остался редкий Честертон, – подвел он итог выгодам сегодняшнего происшествия, рассмеялся и пошел туда, откуда доносились оживленные голоса.

Лариса Соболева

В постели с убийцей

В доме труп. Два часа назад он ходил, хамил, приставал, пил коньяк. Все жильцы дома, а их немного, видели его, когда он был живым...

Леся не притронулась к ужину, который подала до страшного известия, потом на автопилоте зачем-то разогрела. Ничего не съел и Юра. Оба сидели молча друг напротив друга, Юра сцепил пальцы в замок и подпер ими подбородок. Она держала руки на коленях, смотрела в стол, мимо тарелки, тем не менее заметила, как муж бросал на нее мимолетные взгляды, затем тут же отводил глаза.

Дом старый, его построил купец в каком-то там столетии. Со стороны улицы огорожен высокой оградой, дверь которой очень сложно открыть – нужно знать секрет в кнопке. Почтальонша знает его, остальные пользуются звонком. Ключ от больших ворот только у тех, у кого есть автомобили, – у Юры и у трупа. С боков дома глухие стены таких же старинных зданий, а сзади выстроена стена из кирпича, тоже лет сто назад.

Значит, во двор никто не входил. А если б вошел, то две маленькие агрессивные шавки, которых Леся до сих пор боится, подняли бы такой лай, что никому мало не показалось бы. Между прочим, они имеют подлую привычку нападать сзади, норовят цапнуть за ногу. Особенно достается почтальонше – шавки ее почему-то не любят, но почтовые ящики висят сразу у входа на глухой стене соседнего дома. Следовательно, посторонних не было...

А труп есть. И умер он не своей смертью, это очевидно. Естественно, на жильцов напал страх, что их будут подозревать в убийстве, все начали бессмысленно орать, сопровождая крики угрозами и дурацкими обвинениями. Поэтому милицию не вызвали. Пока не вызвали.

– Да пусть ночь полежит, никуда не денется. Ему уже все равно, а мы хоть в себя придем, – предложил Лобзень, сосед из породы приматов, полагающих, что они высшие создания божьи.

С ним согласился Юра, ведь главное обвинение Польнь (соседка Польниина Марья Петровна, естественно, из породы сорняков) бросила его жене, то есть Лесе. Конечно, надо подумать и придумать, как защищаться, а то менты долго разбираться не станут. Напуганные и отчего-то неуверенные жильцы разбрелись по квартирам, решив вызвать милицию завтра утром.

– Зачем ты ходила к нему? – внезапно задал вопрос Юра.

Леся вздрогнула. Этого вопроса она боялась. Заложила ее Польнь. Ей лет шестьдесят, а выглядит на сто девяносто. Ну и, конечно, все про всех знает и обязательно поделится знаниями. С нею живет сынок лет тридцати пяти. Она – образец дряхлого антиквариата, он – бессмысленного существования, на какие шиши живет – неизвестно, наверное, на пенсию мамочки. Кстати, сынок Алик не увлечен ни алкоголем, ни наркотиками, он запоем читает, причем только умные книжки. А в квартире беспорядок просто редкостный, туда страшно заходить.

– Я... – начала Леся с трудом, откашлялась. – Я отнесла Борису платежку, ее бросили в наш почтовый ящик.

– Не могла меня дождаться? – раздраженно бросил Юра. – Или кинула бы в его почтовый ящик.

– Я только дома обнаружила платежку вот и решила...

Они женаты три месяца, и пока у них не только ни одной ссоры не было, но даже повышенного тона не прозвучало. Видимо, потому, что оба уже взрослые – Юре тридцать три, ей тридцать, – брак у них первый, осознанный... Впрочем, о каком осознании может идти речь, когда есть главное – любовь? Она, только она сделала их жизнь праздником. Леся потеряла всякую надежду найти свою вторую половину, хотя она красивая, умная, образованная. Но замуж почему-то выходили дурнушки, не шибко умные, с сомнительным образованием. И вдруг удар в преддверии весны, когда в воздухе запахло чем-то новым, обещающим большие перемены (Леся и жила с ожиданием чего-то исключительного). Они встретились случайно у общих друзей. Юра пришел с девушкой, а ушел с Лесей. В первый же день переспали, на второй день он приехал за ней, представился родителям и заявил, что женится на Лесе. Она собрала вещи и переехала к нему, потом была скромная свадьба...

– Ладно, ты принесла ему платежку, – продолжил Юра, так как жена молчала, опустив глаза. – Дальше что?

– Позвонила ему, – пролепетала Леся. – Он открыл...

– И затащил тебя внутрь, – догадался Юра. – Ты что, забыла, как он к тебе приставал? Однажды я ему

рожу бил, свидетели есть, а ты понеслась к нему с платежкой!

– Я оттолкнула его, бросила платежку и убежала, – тихо произнесла Леся. – Как-то выпустила из виду... не подумала. Я же умею защищаться, поэтому не боялась его...

– К сожалению, тебя видела Полянь Петровна. Ты хоть понимаешь, что мы с тобой станем первыми подозреваемыми? И доказывай потом...

Леся закрыла лицо ладонями, Нет, она не плакала, просто у нее такой способ уйти в себя, чтоб ничто не мешало. А думала она о том, как быть. Юра угадал ее мысли, предложил свой вариант:

– О том, что умеешь защищаться, никому ни слова. Или ты уже растрепалась, как чуть не побила рекорды шаолиньских монахов?

Он еще иронизирует! Леся убрала ладони с лица, обхватила ими щеки и посмотрела на мужа с упреком:

– Не преувеличивай мои рекорды. Да и кому я могла говорить? Мы же с соседями всего-то только и общаемся, что «здрасьте» да «до свидания».

Это действительно так.

Леся с Юрой купили квартиру в начале весны, то есть в марте, за два месяца успели «полюбить» жильцов до глубины души. Вместе с квартирой покупают соседей – всем известный факт. И – о горе, если они из породы гиен, тут уж никакая крыша над головой не обрадует. А квартирка – чудо, хоть и маленькая. Отдельный вход сбоку, прихожая, кухня и комната, узкая деревянная лестница, ведущая на второй этаж в святая святых – спальню, где им так хорошо ночами. И балкончик! А под ним малюсенький садик, огороженный сеткой-рабицей! Пусть там всего три яблони и кусты сирени, но зато огромные, и сейчас они все цветут – красота неописуемая. В этом году весна задержалась, а потом обрушилась сразу, облила землю теплом, на него природа откликнулась одновременно и мгновенно. Леся вытащила стол и стулья, разместила их под окнами кухни... но речь не о том. С соседями не повезло. Ссорятся они между собой ежедневно и беспричинно, причем каждый норовит взять верх. В общем, паноптикум. Леся с Юрой выбрали нейтралитет, стараются не вступать в перепалки и быстренько заскочить в свой отсек. Однако, когда тебя втягивают в конфликты, потому что такой у некоторых способ жить полнокровно, держать нейтралитет крайне трудно. Борька – ныне убитый – постоянно приставал к Лесе, за что ему побил лицо Юра. Теперь и Леся попала, ведь Полянь – мерзкая сплетница в вечно засаленных платках, будто ими промокала олады, – видела ее на лестнице. И сразу заложила.

– Спросите, Юрий, вашу жену, что она делала у Бориса... Леся спускалась от него. Через полчаса я зашла к нему, а он был готов.

Ну, не гадина? А какой топорный намек: «Что она делала у Бориса!» Будто Леся – шлюха и ждет случая, когда не будет дома мужа, чтобы рухнуть с первым встречным на кровать. Но Леся в долгу не осталась:

– Может, вы и убили его? Именно, когда зашли через полчаса?

– Я?! – Благообразная рожица престарелой монашки превратилась в натюрморт прокисших фруктов. – Я, милочка, не убиваю людей. Силы у меня той нет. А ты, молодая и здоровая, значит, ты его и убила! Наверное, чтоб мужу твоему не рассказал, что к нему шастаешь. Я слышала, как ты вскрикнула, потому и вышла из квартиры. А ты как раз вся растрепанная от него сбегала по лестнице. На меня даже не взглянула!

Ее саму убить мало. У Леси в глазах потемнело, видела она лишь старую ворону, на нее и ринулась в приступе бешенства (вот очередной случай, когда нейтралитет держать невозможно). А Юрка перехватил жену. Жаль.

– Леська, как ты его оттолкнула? – закуривая, осведомился Юра, вернув ее из задумчивости.

– Руками.

– Но руками такую тушу не оттолкнешь.

– Ну, руками и всем телом. Он пьяный был... прилично пьяный.

– А потом что? Леська, говори правду, я должен придумать, как выкрутиться. У него же нос в крови!

– Не знаю. Может, я его сначала ударила...

– Может? Ты что, не помнишь?

– Я теперь ничего не помню, честное слово. Ну просто кошмар какой-то. Я оттолкнула его и убежала...

Что с ним там было – не видела.

– Значит, могут припасть убийство по неосторожности... в результате самообороны.

– За это сажают? – дрогнул у Леси голос.

Юра ничего не ответил, а вздохнул и поднялся.

– Ты куда? – вскинулась она.

– Сигарет куплю. Заодно проветрюсь и подумаю.

Некоторое время Леся сидела, сунув ладони между колен и втянув голову в плечи. Не могла же она

оттолкнуть Бориса так, что он отлетел черт-те куда! На такое действительно нужна исполинская сила. Хотя... злость дает силу, и еще какую. А Борька был прилично накачан спиртным, вполне мог не устоять на ногах, его повело, и тогда он сам... Странно то, что впечатление от трупа было у всех одно – убили, а не произошла трагическая случайность. Или все-таки сам, но при помощи Леси? Выходит, она убила человека? Гадкого, но человека...

Ее душили противоречия, душил страх перед наказанием, не хватало воздуха. Леся вышла в сад. При лунном свете он зачаровывает, вблизи прекрасно видны цветки яблонь, окрашенные матовой таинственностью. Леся настояла купить эту квартиру именно из-за садика, представив море цветущей сирени. Они с Юрой влезли в чудовищные долги, а теперь... Сирень и цвела вовсю, распространяя густой аромат, но сегодня не было луны, небо с вечера затянуло тучами, в воздухе пахло дождем, отчего и запах сирени стал насыщенным. Сегодня ее сладковатый аромат напоминал запах крови. Напоминал о трупе. Леся собралась уйти в дом, как вдруг...

– А я тебе говорю, он это, он!

С другой стороны дома расположена еще одна квартира на первом этаже, ее занимает сорокалетний бездельник Кеша Лобзень, притворяющийся инвалидом на все части тела. Он попивает в одиночку, а как выпьет, его на разговоры тянет, вот Кеша и начинает ходить по соседям с придирами, на самом же деле чтоб завязать диалог про душу, политику или здоровье. Внешне он крупный, но какой-то нескладный, по характеру желчный и хитрый, с лицом человекообразной обезьяны после перепоя. А еще он большой любитель занимать деньги, но поскольку просит немного, до полтинника, то забывает отдать такую мелочь. Да, сейчас Леся услышала именно его голос. Но о ком он говорил? Хотя ясно же, что тема одна на всех.

– Ты видел, как он входил к нему?

Так... теперь это голос маменькиного сынка-киномана. Леся, осторожно ступая, пошла на звук. Расположились Лобзень с Аликом возле Юркиного гаража на скамейке, которая стоит вплотную к ограде из сетки-рабицы. За плетущимся по сетке виноградом Лесю вряд ли заметишь, но она присела на всякий случай за куст жасмина и принялась слушать.

– Как он к Борьке входил, я не видел, – сказал Лобзень, – но видел, как зашел в ваш парадный. К тебе не заглядывал?

– Нет, – ответил Алик.

– Тогда зачем он заходил?

Парадный вход ведет в две квартиры. Внизу проживает Польша со своим «умным» тунеядцем Аликом, второй этаж фактически полностью занимает Боря. Пардон, занимал. По мнению жильцов, он сказочно богат. Так ведь предприниматель! Его деятельность весьма полезна и необходима, ибо Боря – самодержец всея сортиров: платные туалеты в городе – его вотчина. Кто-то из сатириков сказал: в какой среде обращаешься, таким ты и становишься. Отсюда следует, что Боря такое же дерьмо, которым заведовал. Хам и невежа, но сам-то он считал свои качества своими достоинствами. Морда у него блином (была, черт возьми!), на ней краснел приплюснутый, как у негра, нос, глаза большие, но бесцветные, губы толстые и порочные. И он, сортирная морда, лез к Лесе! Мало того, за один раз переспать с ней предлагал золотую цепь толщиной с его палец! Но кто еще заходил к Борьке? И когда? Хорошо бы после нее. Это же спасение Леси...

Она подобралась настолько близко, что различала практически все детали, ну, немножко мешал дикий виноград, выбросивший густую листву. Ах, вот на какой почве сошлись два соседа, не водивших до сегодняшнего вечера дружбы! На скамейке стояла бутылка, на газетке разложена примитивная закуска – поразительная аккуратность.

– Давай по маленькой? – предложил Лобзень (явно выпить).

Цокнули стаканы.

– Что ж ты не сказал про него, когда мама напала на Леську? – задал вопрос Алик с набитым ртом.

– О-о-о! – покрутил кистями рук в воздухе Лобзень. – Для вас круглая задница и смазливый фотокарточка гарант невинности.

– А для вас? – усмехнулся Алик.

– А для нас, – жевал Кеша, – важна справедливость.

– Так почему ж ты не заявил при всех, что он заходил к Борьке, раз любишь справедливость?

– Справедливость, Алик, распространяется только на меня, – вздохнул Лобзень. – Вот скажи я: «Юрка тоже там был», – что он со мной сделал бы? Ты видел, как он Борьке морду бил? Нет? А я видел. Настоящее смертоубийство! Борька в два раза больше, а морду ему набили. У Юрки же тела нет, у него одни мышцы и кулаки. А где он работает? В личной охране директора завода. Туда простаков не берут. Меня не взяли бы, тебя тоже.

– Так почему ты не сказал, что он был у Борьки? – уперся Алик.

– Слышь ты, тупой, не понял? Боюсь я его. Приду домой, а он меня... Нет, дорогой, я хочу жить. Хоть и паскудная жизнь, а мне нравится. Вот придут завтра ментяры, им я все и выложу.

– Когда он заходил к Борьке? Во сколько?

– Ну, ты даешь... – рассмеялся Лобзень. – Я ж не знал, что он его замочит, на часы не посмотрел. А тебе не все равно – когда и почему? Заходил! Как с работы пришел, так и зашел.

– Странно, что его мама не видела. Она слышит, как мышь пробегает, и сразу мчится посмотреть.

– Может, видела, да смолчала, как я. Тоже боится его. Или вот так: Юрка прокрался тихонечко, потому что замыслил злое дело.

– А причина? – не унимался Алик.

– Выпьем?

– Нет, я больше не буду. Мама запах за версту чует.

– Какой послушный! – заблеял Лобзень, что в его исполнении было смехом. – Ты что, мальчик? Самому пора детей иметь.

– Запилит, а я этого не люблю. Так за что он Борьку?

Лобзень сначала выпил, громко глотая, шумно втянул носом воздух, сунул что-то в рот и сказал:

– Ты вот книжки читаешь и не знаешь, что такое ревность? Юрка ж заводной, а Борька тоже был не подарок...

– Алик! Алик, ты где? – Мамочка забеспокоилась.

– Да здесь я, во дворе, – откликнулся великовозрастный сынок. – Курю.

Под шумок Леся убежала домой, упала на стул. Сердце у нее скакало, в голове поселился хаос – совсем ничего не соображала. Поставив локти на стол, Леся сжала холодными пальцами виски (короче, в прямом смысле взяла голову в руки). И стала думать.

Значит, Юрка побывал у Борьки сразу после работы. Машину муж сегодня не брал (в ней какая-то неполадка), поэтому Леся не могла знать точно, когда он пришел с работы. А Юра напрямик направился к Борьке. Нет-нет, ее муж не шел специально убивать самодержца сортиров, это вне сомнений! Вероятно, возникла спонтанная ссора. Юрик в самом деле заводной, особенно, когда дело касается его жены, ну и заехал ему в рожу, началась драка, в результате...

– О, господи! – всхлипнула Леся. – А Лобзень преподнесет, будто он специально... И Юру посадят... Что же делать?

Она не успела придумать, как выйти из ужасающего положения, ибо хлопнула дверь, и Леся подскочила – вернулся муж с вопросом:

– Ты еще не ложишься?

– Я... – нервно мяла она пальцы. – Я тебя ждала... Мне страшно одной.

А почему он ей не сказал, что заходил к Борису? Не доверяет? Жене? Собственно, они друг друга еще мало знают, чтобы доверить такой жуткий факт.

– Сядь, – бросил Юра, усаживаясь и не сняв легкой куртки. Леся плюхнулась на стул, уставилась на мужа выжидающе. – Запомни: ты туда не ходила.

– Как?! – распахнула она глаза. – Я же...

– Говори тише, у нас тут везде локаторы. Я вспомнил все, о чем шла речь сегодня. Ты не призналась, что заходила к нему. Так Польша Петровна утверждала.

– Но я же и не отрицала, – возразила Леся.

– Скажем, что отрицала. В том бедламе, когда все орали хором, трудно услышать, кто и что говорил.

– Меня видела Польша...

– Да пусть докажет, что видела! – возмутился любящий муж. – Скажем, она нарочно на тебя указывает, у нее к тебе личная неприязнь.

– Она ко всем относится с неприязнью.

– Особенно к Борьке. И вообще, у нее галлюцинации по причине возраста. Леся, слушай меня и насмерть стой: не была, ничего не видела, ничего не знаешь. Ты поняла?

– Поняла. Но Борьку убили, Юра. Нас все равно...

– Затаскают, – согласился он. – Ну и что? Будешь делать, как я скажу, мы вывернемся. А менты пусть ищут, кто его замочил. Нам ведь неизвестно, может, к нему еще кто-то заходил. Зачем же тебе за того кого-то отвечать? Да и не могла ты его... не могла! Такого борова? Чушь. Я – другое дело.

– Что – ты? – насторожилась Леся.

– Ну, если б я ему врезал, то от моего кулака он летел бы туда, где его нашла Польша Петровна. Я докажу, что не ты его грохнула.

Леся смотрела на мужа во все глаза. Но нет, он не признался. Тем не менее Юра придумал какой-

никакой, а выход. Он озабочен, чтоб Леся не пострадала, к тому же не верит, что она... Так ведь он же сам там был! Причем, выходит, после нее, а признаться не хочет. Но, может, и правильно, что даже она не должна знать? Вдруг нечаянно выдаст его. От волнения, например. Значит, так и случилось: завязалась драка... На что же Юрка надеется? Среди милиции не все поголовно дураки, там есть и умные. Они вычислят, догадаются, найдут улики...

– У тебя одна серьга в ухе. Где вторая? – заметил он.

– Где-то потеряла, – рассеянно ответила Леся.

– Идем спать, – предложил Юра, растирая ладонями лицо. – У меня уже ум за разум зашел. Завтра утром еще раз все хорошенько обдумаем. Утро вечера мудренее, верно?

Поднялись наверх. Спальню Леся обожала. Сама клеила обои с тисненым узором, выбирала мебель, ради чего объездила все магазины и нашла: дешево, но не отличишь от импортной. А как только пригрело солнышко, балконная дверь не закрывалась, и спальню наполняли естественные ароматы весны. Кстати, один куст сирени настолько высок, что его ветки достигают балкона. Не надо срезать лиловые гроздья и ставить в вазу, где цветы быстро погибнут, – они заглядывают прямо в спальню. Но сейчас аромат сирени...

– Зачем закрыла балкон? – спросил Юра, успевший лечь.

– Дождь собирается, еще зальет, – забираясь под одеяло, сказала Леся.

Юра обнял ее, потянулся поцеловать. Конечно, дома у них на первом месте любовь, потом все остальное. Но не сегодня же!

– Ты что? – уперлась она в его плечи руками. – У нас за стенкой труп!

Но разве ж это помеха для Юрки?..

– Он лежит в первой комнате, как минимум там еще одна стенка, – зашептал он, да с таким жаром, что у Леси дыхание перехватило. – От стрессов лучшее средство секс.

– У тебя секс от всех болезней, даже от несварения, – еще упиралась она.

– Леська, думай обо мне, а не о трупе. Пошел он к черту!

Сверкнула молния, осветив голубым огнем спальню, Леся непроизвольно вздрогнула. И тут же ощутила поцелуй – горячий, сильный. Раскат грома сотряс дом, но уже не отвлек. Зашуршали листья под тяжелыми каплями...

Юра спал, Леся нет. Она прижималась к его плечу щекой и думала над словами, которые он вскользь обронил внизу: «Я докажу, что не ты его грохнула». И докажет. Если признается ментам, что был у Борьки. Впрочем, Лобзень собрался сам рассказать, чертов сексот. Ну, пусть еще попросит займы – не обрадуется, он теперь зимой снега у нее не выпросит. Ладно, с человекообразным все ясно. А как быть с Юркой? Его же посадят!

Разволновавшись от безвыходности, Леся села на постели, перевела глаза на мужа. Сверкнула молния, на миг она увидела его безмятежное лицо. Неужели он убил? И спит спокойно? Однако оправдательный аргумент был готов: получилось случайно, не преднамеренно, по большому счету он не виноват... И все-таки Юрка попадет в убийцы, ее Юрка, которого она любит безмерно, как семнадцатилетняя девчонка. Никогда и ни к кому подобных чувств у нее не возникало. И будет любить, даже если он перебьет всех соседей. Некоторые просто напрашиваются. Ужас, а не мысли...

Но тут и одна дельная осчастливила Лесю: надо утром рассказать мужу о том, что ей удалось подслушать. Ну да, все же так просто. Сразу не сообразила, не в том состоянии была – от шока, что ее муж убил Борьку, сама чуть не умерла. Так, это первое. А что еще надо сделать?

Улики! Юрка наверняка оставил там свои следы! Их обнаружат и тогда... Нет, их не обнаружат. Борьку все равно не вернешь, а Юрка не должен сесть.

Она тихонько встала с кровати, на цыпочках и не дыша выбралась из спальни. Внизу обдумала, что нужно взять. Достала чистые тряпичные перчатки, в которых работала в саду, высаживая анютины глазки, вытащила новенькую тряпку из упаковки. Пожалуй, достаточно. Ах да, фонарик... Он лежит на полке в прихожей. Теперь все.

Открыв дверь, Леся растерялась – дождь. Сегодня у нее головка совсем плохая: одно делает, другое не замечает.

– Ну почему он полил сегодня, а не завтра! – чуть не плача, прошептала она.

А ведь другого времени не будет. Только сегодня, только сейчас. Первая мысль была взять зонт, но в руках тряпка с фонариком, купол над головой будет лишним. Леся решительно скинула халат, осталась в коротенькой ночнушке на тонких бретелях. Тапочки взяла в руки – куда еще зонт? – и выскользнула за дверь.

У, какой холодный весенний душ! Продвигаясь вперед босиком и на цыпочках, Леся ежилась под

струями, а когда сверкала молния, останавливалась и крепко зажмурилась. Безобразная погода. А раньше Леся любила грозу, но находясь в помещении. Вот и калитка. Леся выбралась в общий двор, и на нее зарычали шавки из будки.

– Фу, крысы! – тихо приструнила их Леся. И пригрозила: – Ни куска не получите, если шум поднимете!

Однако под дождь шавки не выскочили – умные. Теперь надо пройти мимо окон Польни. Вредная старуха наверняка и во сне видит, кто бродит под ее окнами. Леся присела и на корточках двинулась к парадной двери. И кто называл эту дверь парадной? Обшарпанная, старая, держится на честном слове. И такой же старый фонарь над ней, наверное, его повесил купец, строивший дом. Так, окна Польни позади...

О, как замечательно, что присела! И замечательно, что не успела пройти мимо маленького столика, на котором Польнь чистит рыбу, отчего он и воняет, как рыболовецкое судно. Потому что парадная дверь вдруг открылась. Правда, Леся едва не вскрикнула от неожиданности. Притаившись, она выглядывала из-за стола одним глазом. А дождь холодный, как снег, неприятно бил по спине.

Сначала из парадного выскочил купол зонтика, который пора выбросить на помойку, затем вышел... Лобзень! Огляделся, как вор, и буквально скачками помчался за угол, то есть к себе.

– Что он там делал? – чуть слышно произнесла Леся.

Явно не к сорнякам в гости заходил, у них в окнах темно. Значит, к Борьке? Да, да, он был именно там! Иначе зачем надел перчатки? Сейчас не зима, а весна, почти лето. А потому и надел, чтоб не оставить отпечатков! Какое счастье, что Леся не вышла из своей квартиры раньше!

– Вот ты и попался! – злорадно прошептала она в адрес Лобзенья.

Теперь Леся быстро добежала до двери, вошла, дрожа от холода. Положила тапочки на пол, сунула в них ноги. Хотя и плоха сегодня ее головка, а варит, сообразила, что мокрые следы останутся, почему и несла тапочки в руках.

По скрипучей лестнице она поднималась крайне осторожно. Дверь Борьки... Ее не заперли. Кстати, не закрывать дверь предложил кто? Лобзень! И ментов вызвать завтра – тоже его идея. Ах как интересно! Может, он и убил? Убил, а сейчас ходил в гости к труп. Тогда ей незачем лезть в апартаменты дерьмового короля.

Леся собралась было повернуть назад... Но! Юрка был у Борьки, был и не сказал ей. А не сказал, потому что он убил. Может, Лобзень улики подбросил, чтоб Юрка не отвертелся? Взял какую-нибудь вещь, принадлежащую мужу, и подбросил. Надо войти. Леся решительно взялась за ручку, но вдруг замерла, как перед прыжком в воду с десятиметровой вышки.

Тут-то и нагрянули все страхи, какие существуют. Поднялись со дна души, сжали сердце до боли, отчего в глазах поплыло. Там же труп лежит!

«Ну и пусть лежит, – принялась уговаривать себя не трусить Леся. – Он труп, ничего мне не сделает. Он сам по себе, а я сама... по себе...»

Страшно – аж жуть! Страшно, но Леся вошла, сразу включила фонарик и панически обвела им небольшую прихожую – чего доброго, Борькин труп уже поджидает ее. Как выйдет из комнаты, как нападет на жену своего убийцы и начнет терзать, терзать... Фу-ух, от одних фантазий можно тоже стать трупом. Надо взять себя в руки, ей следует быть хладнокровной. Впрочем, кровь в жилах Леси на самом деле застыла.

Луч устремился в комнату, но слабенький. Сверкнула молния, и Леся от ее вспышки едва не лишилась чувств. Одна радость, то есть не радость вовсе, а успокоение: Борис лежит там, где лежал, – у камина.

Вечером жильцы, сбжавшись на дикие вопли Польни, не двинулись дальше прихожей, стояли в проеме. Только Юра немного ближе подошел к трупу, потом сообщил, что у Борьки пробита голова где-то на затылке. Вот-вот, Юрик оставил отпечатки обуви! А если они боролись, то на полу возле трупа тоже есть его отпечатки, но пальцев, или кулаков, или еще чего-то.

Какой кошмар – надо вытереть пол возле Борьки! А там кровь! Ко всему прочему, Лесю затошнило, но она продолжала себя уговаривать. Это же всего минута дела! Ага, одна минута, но шестьдесят секунд. Ой, про секунды лучше не думать... Итак, одна минута и – свобода. Свобода для нее, для мужа. Надо постараться дышать пореже, тогда не будет так тошнить. Выставив фонарик, Леся медленно двинулась к труп. Шаг – остановка, шаг – остановка, шаг...

Покойник лежал ногами к ней. И если б он просто лежал, как все нормальные покойники... Любому станет дурно, если только представить, что ты ночью наедине с трупом. А Леся здесь наяву видит его приподнятую голову, упирающуюся подбородком в грудь, затылком лежащую в упор к низенькой каминной решетке. И от этого кидает в дрожь, да еще его глаза... Они открыты! Открыты, будто Борька жив и смотрит точно на Лесю! Будто молча говорит: иди ко мне, иди... И молнии сверкают – полнейшая жуть!

На полпути Леся остановилась, захныкала:

– О боже, я не могу...

Но тогда Юрка сядет за убийство – давило на мозги. А внутренний голос спросил: ты готова жить без него долгие годы?

– Нет, не хочу долгие годы без него, – вслух ответила Леся. – Раз пришла, вошла, то как-нибудь и остальное сделаю.

Леся приблизилась к покойнику, проглотив тошноту вперемежку с отвращением, присела рядом и, стараясь на него не смотреть (хотя посмотреть тянуло невозможно), заелозила по полу сухой тряпкой, освещая место фонариком.

– Господи, лишь бы пятна крови не задеть. Ой, мамочка... я сейчас умру... или меня вырве... или то и другое вместе...

Протерла пол у локтя и бедра трупа (по ее мнению, именно здесь мог оставить отпечатки Юра), выше уже была лужа крови. И ничего не случилось, Борька не ожил. Теперь то же самое с другой стороны... Леся смелее обошла труп, но здесь он лежал ближе к стенке. В общем, тереть негде. Не переворачивать же его, в конце-то концов! На такой подвиг Леся не способна.

– Ну и ладно, – сказала она. – Наверняка там отпечатки стерлись халатом Борьки. Теперь пол.

И Леся начала лихорадочно тереть тряпкой с середины комнаты, добралась до трупа, однако второй раз приблизиться к нему не рискнула. В метре от него вытерла пол и, пятась задом, проелозила до входа в прихожую.

– Уф! – выпрямилась Леся. – Где еще Юрка мог оставить отпечатки пальцев?

У него привычка – браться за дверной проем выше головы. Эдак встанет, одну руку на пояс упрет, вторую в дверной проем и что-нибудь доказывает. Красивый, мощный, напористый. А Польша приписала Лесе этот большущий рулон туалетной бумаги, лежащий сейчас у камина с проломленной башкой...

– Не о том думаешь! – одернула она себя.

Быстро вытерла проем, саму дверь с обеих сторон. Осмотрелась, не оставил ли Лобзень какую-нибудь Юркину вещь. В прихожей все топтались, значит, пусть остается как есть. Леся, выскочив из квартиры Бориса, самозабвенно произнесла:

– Я сделала это!

Тихонько спускаясь по лестнице, она вдруг услышала щелчок замка. О боже, еще не хватало встретиться с Польшой! Леся дунула под лестницу, по дороге потеряла тапочку, но уже поздно забирать ее. Замерев, она дышала ртом, чтоб ее не было слышно. А сердце просто разрывалось! Хорошо, хоть ступеньки «глухие», Лесю не увидят, но тапочку... И любопытство раздирало – посмотреть, кто там шастает. Как его удовлетворить? Нет-нет, лучше не удовлетворять.

Заскрипела открываемая дверь, появился тусклый свет.

– Идем, я сказала, – зашипела Польша. – Господи, боже ты мой, ни на что не пригоден без матери! Жить-то как будешь, если помру?

Леся усмехнулась: помрет она, как же... Всех переживет лет на пятьдесят. Ступеньки издавали скрип, значит, мама с сыном поднимались вверх. Интересно, что им понадобилось в квартире Борьки?

– Тебе не страшно? – поинтересовался сын Алик. – Мам, там покойник.

– Страшно! – рявкнула мамочка. – Но ты ж без меня не справишься, а одна я боюсь. Идем, идем.

Леся осторожно выглянула из своего укрытия и едва не коснулась носом тапочки. Не заметили! Она ее забрала, глянула вверх. Польша держала в руках керосиновую лампу, какую сейчас только в музее увидишь. Глаза у Леси расширились: оба сорняка напялили дешевенькие перчатки, следовательно, они что-то будут в Борькиной квартире делать и не хотят оставить отпечатков. Ну и ну! Сорняки достигли второго этажа, Леся спряталась, боясь, что они обернутся. Все, вошли.

Ужасно интересно, что им надо. Как же быть? Домой бежать или остаться? Леся сделала выбор – домой, оставаться опасно. У Польши нюх собаки, слух – все изобретенные человечеством приборы отдыхают.

Выбежав из подъезда, Леся помчалась к себе, шлепая босыми ногами по лужам. Дома она вымыла ноги в ванной, вытерла насухо волосы и поднялась в спальню, улеглась.

– Ты холодная, как лягушка, – сонно проворчал Юра. – Где была?

– Забыла чашки и салфетки на столе в саду, ходила за ними, – солгала Леся, прижимаясь к нему.

Юра обнял ее и сразу засопел – у него завидная способность засыпать моментально. Рядом с ним стало так спокойно, что Леся улыбнулась, теснее прижимаясь к нему. Ну и что, что он убил провокатора, хама и свинью? Юра же не хотел, убил случайно, в результате самообороны. Так уж получилось. Нельзя же из-за случайности встать в позу, мол, мне не нужен убийца. Нужен. Очень нужен. Леся чмокнула его в щеку и закрыла глаза.

А молнии сверкали, гром гремел. Первая гроза в этом году, трубящая о том, что холода не вернуться.

Остаток ночи Леся спала чутко, что, собственно, объяснимо. То Борька с сальной улыбочкой снился, то его труп с открытыми глазами, то Полюнь, шипящая обвинения. С ума можно сойти даже во сне. Глаза сами открывались, дрожащая Леся жалась к мужу, а потом снова ее забирал ненадолго тревожный сон.

Забрезжил рассвет, дождь к тому времени перестал лить. Юрка зашевелился, приподнялся. Он явно смотрел на Лесю, а она, в очередной раз очнувшись ото сна, лежала, припоминая детали приснившегося кошмара. И только хотела открыть глаза, сказать, что на любовь она не настроена, ей мешает труп за стенкой, как Юра практически бесшумно встал с кровати и вышел из спальни. Леся слышала – он спустился вниз, потом минут пять стояла тишина. Квартира маленькая, в ней слышно все, во всяком случае, щелчок замка долетел до ее ушей. Леся подскочила: куда Юрка намылился в такую рань? Она сбежала вниз – да, его нет. Входная дверь открыта.

Леся вышла в сад. И тут мужа нет. На ночь калитку они обычно закрывают на щеколду, а сейчас калитка нараспашку. Лесю раздирало любопытство: куда же Юрка убежал, пардон, в одних трусах, не накинув халата? Можно было бы заподозрить его в неверности, но, простите, не к Полюни же он помчался. А к кому? И зачем?

Вдруг ее осенило: у Борьки он. Туда все ходили, почему Юрка должен стать исключением?

– Господи, да что им всем там понадобилось? – выходя в общий двор, бормотала Леся, премного озадачившись. – Не могли же они все по очереди прикончить Борьку и ходить туда, чтобы замести следы? Убил кто-то один...

Желая удостовериться, что Юрка пошел именно к убитому соседу, Леся встала за углом дома и выглядывала оттуда. Замерзла. Утренний холод, приправленный дождем, пробирал до костей. Леся стучала зубами, но упорно не уходила, а ведь тоже не догадалась набросить халат. Быстро светало, несмотря на нависшие свинцовые облака. Прошло еще немного времени...

Парадная дверь открылась. Да, Юрик собственной персоной! И какой «оригинал» – воспользовался теми же перчатками, что и Леся. А в руках у него какой-то предмет, да она не разглядела, кинулась домой. Перескакивая через несколько ступенек, взлетела наверх (заодно слегка согрелась), запрыгнула в кровать. Юрик пришел спустя пять минут, лег рядом и вскоре уже похрапывал.

Лесю сон больше не взял. Она ворочалась и ворочалась, в конце концов поплелась на кухню добывать нервную систему крепким кофе. Но ведь надо создать в голове хотя бы искусственное прояснение. Выпитая чашка кофе участила сердцебиение, но голову не прояснила. Леся упорно налила вторую порцию, отхлебывала и думала, что все это означает.

Итак, ее любимый муж был у Борьки. И наверняка наследил. Дурак. Леся так старалась, чуть не умерла в компании с трупом, а он пошел туда! Видимо, что-то там потерял, о нем вспомнил позже, дождался, когда чуть посветлеет, а дом будет спать крепко, и отправился за уликой. Да-да! У него же было что-то в руке. Стало быть, Юрка убил... Пф, она еще сомневается? Кстати, а что у Борьки делали сорняки и примат Лобзень? Нет ответа на этот вопрос. Однако вторая чашка кофе неплохо ударила по мозгам. Неплохо, потому что Леся нашла способ защитить себя и Юрку.

Он с аппетитом уминал завтрак, как будто ничего не случилось, а она брезгливо ковыряла вилкой. Желудок требовал: дай ням-ням, но еда не лезла в рот, хотя Леся последний раз ела вчера примерно в четыре часа дня. В сущности, черт с ним. С завтраком, разумеется. Близится час сбора жильцов, когда надо будет вызвать милицию, не вечно же Борьке лежать на втором этаже. Сейчас следует обговорить с Юрой все детали, чтобы в их показаниях не было расхождений, да вот беда – Леся не находила нужных слов.

– Почему ты не ешь? – поинтересовался Юра.

– Не могу, – отодвинула тарелку Леся. – Юра...

И паузу завесила. Муж поедал гречневую кашу с сосисками, глядя на нее вопросительно. Она молчала, решив: пусть доест, а то после ее сообщения аппетит пропадет, и надолго.

– Ты что-то хочешь мне сказать? – спросил он.

– Нет. Да.

– Раз не уверена, то лучше скажи.

– Хорошо, – собралась с духом Леся. – Вчера я, когда ты ходил за сигаретами, подслушала один разговор...

– Ну, дальше, дальше...

Наконец он доел, взял чашку с какао, которое Юра любит больше кофе. Леся выпалила на одном

дыхании:

– Лобзень говорил Алику... они сидели возле нашей сетки на скамейке... что ты заходил к Борису сразу после работы и убил его. Он боится тебя, поэтому ничего не сказал вчера, но собрался сообщить сегодня милиции.

Ну и выдержка у Юрки! Ей бы такую. Через небольшую паузу он сказал абсолютно спокойным тоном:

– Понятно. Почему ты вчера мне об этом не сказала?

– А ты почему не сказал, что ходил туда? – подловила мужа она. И завелась: – Извини, но ты должен был сразу поставить меня в известность. А так, когда я услышала из чужих уст, к тому же подслушала, что ты заходил к Борису, знаешь в каком я была состоянии и что подумала?

– Что же ты подумала? – набычился Юра. – Что убийца – я? Да? И подставляю тебя, так?

Назревала ссора. Первая ссора за их совместную и до сих пор счастливую жизнь. Леся вовсе не хотела ругаться, и следовало бы в том месте, где запускаются эмоции, нажать на тормоз, но Юра ее обидел, и она задыхнулась:

– Я подумала, что ты подставляешь меня?! Да как ты можешь так говорить! – И раскричалась: – Как можешь думать, что я подумала... Да, подумала! Раз ты, вернувшись с работы, зашел к тому уроду, который сейчас убитый труп, и ничего не сказал мне, то ты... ты его... значит, его ты...

– Говори, говори, – свел брови в одну линию Юра.

– Ударил его нечаянно до смерти во время драки! – взревела Леся, так как еле-еле подобрала проклятые слова. – Меня оскорбило твое молчание. Получается, ты мне, своей жене, не доверяешь. Неужели думаешь, я не умею молчать? Считаешь, я продала бы тебя?

Вдруг Юра снял маску негодования, в раздумье потер свой подбородок, не спуская с нее подозрительных глаз, и охладил ее пыл уже тем, что задал вопрос безобидным тоном:

– А где ты ночью была так долго? На салфетки с чашками надо меньше времени.

– Притворялся, будто спишь, – уличила его Леся. И не осталась в долгу: – Ты тоже на рассвете ходил туда. Зачем?

– Ага, так ночью ты бегала к...

Раздался стук в окно, за ним стоял Алик. Юра пошел открыть дверь, вскоре вернулся:

– Зовут на совещание. Идем.

– Только не в мусоросборнике Поляни соберемся. Меня там стошнит, я вся чешусь после ее курятника, – ворчала Леся, надевая шерстяную кофту. Для себя она решила: план свой осуществит, а с Юркой позже разберется.

Собрались в парадном. Лобзень скромно сидел на ступеньках, положив на тощие коленки руки, Полянь стояла, уложив локоть на перила, Алик подпирал спиной собственную ветхую дверь. Оглядев присутствующих, Леся остановилась у входа, чтобы всех видеть. Но обзор перекрыл Юрка, он же и начал:

– Итак, мы переспали ночь...

– С трупом, – вставил Лобзень ехидно.

– Прошу не перебивать! – поднял руку Юра. – Надеюсь, все остыли и не будут обвинять друг друга в преступлении. Милиция сама разберется...

– А кто обвинял, кого? – не дал закончить ему Лобзень, разведя кисти рук в стороны и напялив гнусную улыбку.

– Например, мою жену, – осадил его Юра. – Надеюсь, вам понятно, что ей не под силу нанести удар, от которого наступает смерть. Второе. Вы, Кеша Григорьевич, – обратился к Лобзеню по имени-отчеству он, – вчера намекали, будто Бориса убил я...

– Заложил? – процедил тот, кинув в Алика злобный взгляд.

– Не он, – усмехнулся Юра. – Леся слышала вас своими ушами.

– Подслушивала?! – вскопился под воздействием благородного гнева Лобзень, но мгновенно перевел его на Юру: – А кто мог убить, кто? Из нас только у тебя хватит силы...

Тут уж прорвало Лесю, которая выступила вперед:

– Не смейте обвинять моего мужа! Между прочим, а что вы делали ночью у Борьки?

– Я?! – прижал ладони к груди Лобзень, интонацией давая понять, что на него возводят поклеп. – Я у Бориса?! Когда?

– Да, вы. В половине первого ночи! – безжалостно цедила Леся. – Я вас видела, когда вы выходили оттуда! Что вам понадобилось там ночью, когда все спали? Кстати, а перчаточки зачем надели? Следы свои заматали?

– Какие следы? – занервничал Кеша.

– Убийства! – рявкнула Леся, наступая на него. Ему пришлось отступить, поднимаясь по лестнице. – Попробуйте только насекотить ментам на моего мужа, я про вас тоже расскажу! И посмотрим, кто у нас получится убийцей!

– Я не убивал! – по-бабски взвизгнул Лобзень, потрясая в воздухе указательным пальцем.

– Почему же? – скрестил руки на груди Юра, явно получая удовольствие от сцены. – Вы, Кеша Григорьевич, мужик крупный, только прикидываетесь слабаком.

– Я Кешу знаю лет пятнадцать, – открыла рот в защиту соседа Польша, – и ничего такого у нас не случилось. Никогда. Стоило вам поселиться в нашем доме...

– Кстати! – понесло Лесю. Она поставила руки на бедра, задиристо приподняла нос. – А вы, Польша Петровна, что делали у Борьки в два часа ночи? Вы заходили туда с сыном, к тому же ругали его, говорили, что он без вас ни на что не пригодный. Но, что интересно, перчатки тоже надели, как Лобзень, и лампу прихватили. Может, вы вместе с Кешей Григорьевичем Борьку укокошили? Вы живете здесь давно, ссорились ежедневно, он вам надоел. Может, улики подбрасывали? Чтоб на вас не подумали?

Пожилая женщина настолько была ошарашена, что не обратила внимания на кличку – Польша Петровна. Оказалось, у нее и глаза имеются, а не две щелочки, точнее – щелочки были горизонтальными, а стали вертикальными. Она открыла рот и – морг, морг веками. Обычно Польша все про всех знает, а тут о ней выяснили то, чего не должны знать ни в коем разе. И вдруг вопль:

– Алик! Алик!!!

Больше-то и сказать ничего не смогла, вероятно, у нее что-то внутри заело. Леся наслаждалась произведенным впечатлением. А то, ишь, ее и Юрку решили сделать убийцами... Тем временем любимый муж обхватил пятерней половину лица и трясся, кажется, от смеха, наклонив голову. Он тоже разозлил Лесю – смешно ему, видите ли!

– А ты что, была здесь, когда мы... – вымучил слова Алик, продав себя и маму с потрохами.

– Да! – огрызнулась Леся. – Нарочно пришла посмотреть, чем вы будете заниматься. Под лестницей сидела, вот!

– Мы только взяли у Борьки кое-что, – заработал речевой аппарат у Польшы Петровны. – Ему все равно не нужно...

– Ха! – издала торжествующий звук Леся, и грозен был ее вердикт: – Убийство с целью ограбления!

– Алик! Алик! – опять заело маму.

– Что вы взяли у Бориса? – подал голос Юра.

– Мясорубку электрическую, – сказала Польша, будто это такой пустяк, что просто стыдно из-за него обвинять в убийстве. – И миксер. И лошадь свою забрала.

– Какую лошадь? – спросил Юра.

– Бронзовую! – рявкнула она. – С крыльями! Три года назад Борьке продала.

– Все?

– Ложки с вилками серебряные, – всхлипнула Польша.

– А вы, Кеша Григорьевич, зачем ночью ходили в квартиру трупа? – повернулся к тому Юра.

– Сначала ты скажи, зачем к нему вчера заходил, – буркнул тот.

– Борька продавал джип, на него нашелся покупатель, мы договорились о встрече.

– Договорились? – ехидно сощурился Лобзень. – Вы враги.

– Кулачный разговор врагами людей не делает, – возразил Юра. – Борис приставал к жене, я ему врезал разок, он признал вину и зла на меня не держал. А вчера я к нему даже не заходил. Верно, Польша Петровна Марья Петровна?

– Д-да, – нехотя кивнула та.

– Кеша Григорьевич, ваша очередь признаваться, – напомнил Юра.

– Ну, деньги я искал! – всплеснул тот руками. – Нашел немного... тысячу. Тысячу триста пятьдесят. Остальные, видно, в сейфе. Не повезло мне.

– Получается, мы тут все до единого святые, никто не убивал, – заметил Алик.

Кроме Юры, собравшиеся перевели алчные глаза на Лесю. А она не успела дать волю эмоциям, муж поднял руки вверх:

– Стоп, дорогие соседи! Если скажете о Леське хоть слово, то ей же тоже есть что рассказать про вас.

– Пусть докажет, что я там был! – хмыкнул Лобзень.

– И вы будете доказывать, что она была, – усмехнулся Юра. – Если все, что сегодня выяснилось, выплывет, то всех посадят в следственный изолятор, понятно? И кто станет убийцей – большой вопрос. Очень может быть, что не тот, кто убил.

– Какие предложения? – сдался Лобзень.

– Всем молчать, – дал команду Юра. – Ничего не видели, ничего не знаете, ничего не слышали. Да! Украденное вернуть на место.

– Лошадь не отдам, – заявила Польша. – Я люблю ее.

– Без лошади, – согласился Юра. – Ну, за дело.

Только жильцы, в общем-то, с радостью двинули в свои закоулки, Алик внес тревожную ноту:

– Но ведь кто-то его убил. Кто-то из нас.

– Менты разберутся, – сказал Юра. – Это их работа.

...Приехала милиция. Леся ушла к себе. То ли на нервной почве, то ли еще отчего, но она принялась поедать холодную гречневую кашу с холодными сосисками, запивая холодным кофе. Потом улеглась на диван, прислушивалась к звукам, дрожа не от холода, нет, – от страха. Но туда пойти не рискнула, ждала мужа или милицию.

Юрка пришел часа через три, упал в кресло напротив, отпил из бутылки минеральной воды и уставился на Лесю.

– Что там? – настороженно спросила она.

– Убийцу нашли.

– Ты так смотришь... Польша сказала про меня, да? И теперь думают, что я убила?

– Польша Петровна была под моим контролем. Лошадь-то я разрешил ей оставить, а все другань Борьки видели ее у него, подтвердили бы, что Пегас украден. И что бы она говорила в свое оправдание?

– Тогда кто убил?

– Сначала скажи, что ты делала в парадном? Только лишь выжидала, когда они пойдут грабить покойника? Ты этого знать не могла.

– Я вычислила, что ты... – Леся замолчала. Ох, как трудно говорить! – Что ты мог его убить. Ну, возникла спонтанная ссора, потом драка... Я пошла уничтожить улики.

– Улики? – вытаращился Юра. – И какие же улики ты уничтожила?

– Отпечатки ног и пальцев. Ты же боролся с ним на полу... Оставил отпечатки...

– Ты что, вытирала пол?

Леся закивала. Потом добавила:

– И дверной проем. И дверь с обеих сторон. И еще где-то... Мне было так страшно...

Внезапно Юрка начал хохотать. Он хохотал до икоты, до слез. Вдруг переставал, но, взглянув на жену, снова закатывался от хохота. Леся хмурилась, озадачившись, с чего его так разобрало. Наконец вспыхнула:

– Не понимаю, что тут смешного! А ты зачем туда ходил на рассвете? Так и не ответил мне.

– У тебя одна серьга в ухе.

Ничего себе переходы. При чем тут серьга?

– Потеряла еще два дня назад, я говорила тебе, – сказала Леся.

– Но ты не сказала, что потеряла ее два дня назад. Так вот, на рассвете я ходил искать серьгу у Борьки.

– У Борьки? С какой стати ты искал у него?

– Думал, ты потеряла ее в результате борьбы. Ночью дождь полил, я надеялся, что к утру он перестанет, к тому же на рассвете лучше будет видно пол.

– Так ты думал, его я... – задохнулась Леся. Слово «убила» как-то не выговорилось.

– Как и ты, – снова расхохотался Юрка.

– А что ты еще нес в руках, когда возвращался от него?

– Я... – хохотал Юра. – Я... тоже... отпечатки... вытирал...

Леся перепорхнула с дивана на колени мужа, обняла его крепко-крепко, завершила внезапный порыв поцелуем в губы. Как ей повезло встретить его. А она черт знает что думала о своем муже! Вот дура-то... После поцелуя Леся склонила голову ему на плечо, улыбаясь. Но вспомнила, выпрямилась:

– А кто убил? Лобзень? Или Алик?

– Это еще смешнее, чем мы с тобой, уничтожающие улики поодиночке.

– Да говори же!

– К его тапочку прилипла кожа от яблока.

– И что? Я не понимаю.

– Борька прилично набрался, бутылку с остатками коньяка тоже нашли рядом с ним под полой халата, она не разбилась. А на каминной полке стояла тарелка, на ней лежал огрызок яблока, кожа и небольшой нож. Видимо, он не заметил, что часть кожуры упала, а полы у него ламинированные. Наступил он на кожуру, нога поехала – там остался четкий след, хотя труп пролежал на нем всю ночь. Короче, пьяный Боря со всего маху грохнулся на спину и угодил затылком на заостренные колышки каминной решетки. Отсюда

крови море. В общем, Леся, его убила кожура от яблока. А ты думала, что ночь провела в кровати с убийцей? Не стыдно?

– Ты ведь тоже так думал. Постой, а почему у него нос в крови?

– Эксперт сказал, что, скорее всего, у него кровь хлынула из-за высокого давления, на полу сохранились капли, упавшие сверху, и на халате. Он стоял у камина, пошла носом кровь, Борька двинул, видимо, за платком, да наступил на кожуру. В пятак его никто не бил.

– Значит, несчастный случай?

– Он самый. Зато я теперь по-настоящему счастливый. Чтоб, спасая меня от тюрьмы, моя девушка пошла ночью уничтожать улики в то место, где лежит труп...

– Я не девушка, а твоя жена.

– Это только доказывает, что у меня отличная интуиция. Как увидел тебя – так сразу понял: моя.

– У меня тоже, – прижалась к нему Леся, – отличная интуиция. Но знаешь, в следующий раз давай не будем спасать друг друга поодиночке.

Сверкнула молния, но не напугала. Однако Юрка покривился:

– Ну, вот... Опять начинается гроза, польет дождь. А мы собирались провести день на природе.

– Лучше выспимся, – предложила Леся. – Я за прошлую ту ночь ужасно измучилась.

В спальне она распахнула балконную дверь. Зальет? Ну и что! Зато запах сирени наполнит комнату. Как странно, теперь ее аромат ни о чем плохом не напоминал.

Наталья Солнцева

Кольцо с коралловой эмалью

Весна пришла в Москву неожиданно. Еще вчера было морозно, мела поземка, а сегодня вдруг выглянуло солнце, дохнул южный ветер, заплакали сосульки, прощаясь с зимой.

Артем Сафонов собирался идти гулять с собакой. Пес скулил, поглядывая на дверь, а хозяин все медлил – прикидывал, что бы надеть на ноги.

– Мам! – крикнул он. – Где мои кроссовки? После вашего ремонта ничего найти невозможно!

– Кажется, на антресолях, – ответила та из кухни.

Молодой человек был высокого роста, но до антресолей не дотянулся. Трехметровые потолки – предмет зависти друзей и знакомых – не всегда благо. Пес нетерпеливо взвизгнул, и Артем, чертыхаясь, обулся в сапоги на меху.

– Ладно, я пошел. Блэк на улицу просится.

– А где моя коробка с гвоздями? – спросил у жены Сафонов-старший.

– Не знаю, ищи. Зачем тебе гвозди в семь утра?

Края неба порозовели, яркая звезда переливалась над крышами. Артем смотрел, как собака носится по снегу, и беспричинная улыбка блуждала по его губам. Значит, и правда весна! Он потянул носом... показалось, что пахнет вербой, хотя деревья еще не проснулись: стояли черные, оцепенелые, не веря в оттепель.

– Блэк, домой! – позвал он пса.

Тот, дрожа от возбуждения и плотоядно косясь на соседскую кошку, послушно потрусил рядом.

Родители ругались. Артем еще из-за двери услышал их громкие раздраженные голоса. Они не обратили внимания, как сын привел собаку, разделся, опустился на пуфик в прихожей и тяжело вздохнул. Он-то думал, семейные страсти улеглись. Ничего подобного. Просто перемирие закончилось.

Раньше, когда он был маленьким, отец с матерью жили дружно, а потом, год за годом, между ними стало нарастать отчуждение. Отец задерживался на работе. Мать украдкой плакала. В отпуск стали ездить порознь. Артем с мамой отдыхали в подмосковной деревне у бабушки; отец покупал путевку в санаторий или отправлялся в турпоход. Надо отдать им должное: при ребенке Сафоновы старались не ссориться. Но Артем ведь не слепой – видел, чувствовал: в семье что-то происходит. Недоброе.

Родителям хватило ума не довести дело до развода, с возрастом они притерпелись друг к другу: перестали молчать неделями, мать повеселела, да и отец постепенно оттаивал. Даже ремонт затеяли. Артем хорошо зарабатывал и дал денег на стройматериалы. Пусть покупают хорошие обои, паркет, импортную сантехнику. Казалось, все налаживается. И вот...

– Откуда это? – кричал отец. – Где ты это взяла?

Артем не помнил такого надрыва в его голосе. Он затаил дыхание, прислушиваясь. Блэк улегся у его ног, положил морду на лапы, наострил уши. Ему тоже не нравились скандалы.

– Первый раз вижу... – оправдывалась мать.

– Не лги! Думаешь, я идиот? Куда ты ездила прошлым летом?

– В деревню. Дом хотела продать...

– Кому он нужен? Сруб отсырел, крыша прохудилась.

– Зато земля в цене.

– В вашей-то деревне? Ха-ха-ха! – захохотал он в бешенстве. – О-о! Я понял... я все понял! Какая же ты... змея! Как ты могла? Как ты...

Ему не хватило воздуха, в груди вспыхнула боль.

– Клянусь, я не знаю, что это за кольцо. Может, кто-то из рабочих потерял... или забыл?

– Женское кольцо?!

– Ну... обои клеили женщины, наверное, кто-то из них...

– Хватит! – взревел отец, и раздался грохот. Что-то упало, покатилося по полу, рассыпалось. – Если ты не признаешься, я за себя не ручаюсь! Я... убью тебя, тварь! У-убью...

Мать дико вскрикнула, и Артем, забыв о приличиях, ринулся в кухню. Воспитанные люди не подслушивают, но ситуация требовала немедленного вмешательства.

Отец уже занес над женой руку, но захрипел... повалился вперед. Она съежилась, прижалась к подоконнику. Тело мужа обмякло, тяжело осело. Она обхватила его и закричала: «Артем! Артем...»

Следом за хозяином вбежал Блэк, зарычал, потом заскулил.

Артем с матерью положили отца на пол, вызвали «Скорую». Тот едва дышал, губы посинели. Врачи приехали через четверть часа и развели руками.

– Что вы стоите? Делайте же что-нибудь! – рыдала мать.

Прозвучало страшное слово: «Умер!» И она упала рядом: потеряла сознание. Все поплыло перед глазами Артема. Запахло нашатырем...

Потом, когда тело отца увезли, а маме сделали укол и она уснула, Артем вернулся в кухню. На полу валялась перевернутая коробка с гвоздями, осколки посуды, старый термос с разбитой колбой... Он наклонился и, подчиняясь странному импульсу, внимательно обвел взглядом пол между шкафчиками, холодильником и плитой. Ничего...

Артем присел на корточки. В углу под батареей что-то блеснуло. Он протянул руку и достал закатившееся туда кольцо – похоже, золотое, покрытое коралловой эмалью, с красиво выделанной буквой В посередине. Букву украшали два белых камешка, такие же камешки помельче образовывали волнистую линию вдоль всего кольца.

Маму Артема звали Валентина. Он положил кольцо на ладонь и задумался.

* * *

Прошел год.

Лина Ярцева вышла на улицу в нарядном светлом пальто, в легких сапожках. Наконец-то весна! Теперь все будет по-другому – развеется душевная тоска, солнце растопит мрачные мысли, как слежавшиеся сугробы. Талые воды разольются, затопят голые рощи. Ветер принесет с реки запах ледяной крошки.

Она любила смотреть, как плывут по черной воде льдины, громоздятся одна на другую, трещат. И ясное небо стоит высоко над землей, стряхивающей оковы зимы. И повсюду капает, звенит и журчит.

Нынешние осень и зима показались Лине нескончаемыми: затяжные дожди, злые метели, серые дни, глухие ночи. Жизнь текла мутно, сонно, медленно. Временами хотелось все бросить и укатить в Крым, бродить по пустынным улицам курортных городков, любоваться кипарисами в снегу, слушать однообразный шум прибоя...

Летом, после Коктебеля, морских просторов и прозрачного горного воздуха, она долго привыкала к покрытой асфальтом Москве, запруженным автомобилями улицам, сутолоке подземки и шумным супермаркетам.

Лина допоздна работала, потом целый час добиралась домой в Измайлово, в большую квартиру, где она жила одна. Мамы не стало два года назад, а отец уехал в Канаду. Его научные разработки заинтересовали тамошних биологов, и ему предложили место в одном из исследовательских центров. Платили хорошо, и часть денег он высылал дочери, так что Лина не бедствовала.

Она понимала отца. Находиться в стенах, где каждая мелочь напоминала о жене – вазочка, чашка, ее любимое кресло, книги, коллекция фарфоровых статуэток, – Ярцев был не в силах. Лине тоже приходилось несладко, но она терпела. Фактически с утра до вечера она пропадала на работе, а дома только ночевала. Спасительная усталость валила ее с ног, лишая возможности предаваться горю.

К тому же у Лины появились два ухажера. Оба молодые, перспективные, привлекательные, они наперебой приглашали ее то в театр, то в кафе, то на прогулку. «Рано или поздно мне придется выбирать, – думала она. – Кому отдать предпочтение?» Оба ей нравились. Артем был банковским служащим, Игнат – менеджером крупной фирмы. Оба, похоже, имели насчет нее серьезные намерения. Лина встречалась с обоими. И не скрывала этого.

– Пока мы только друзья, – повторяла она. – Не больше. Я еще не знаю, чего хочу.

Молодые люди вынуждены были соглашаться с ее правилами.

– О чем ты все думаешь? – спрашивал Артем. – Что тебя гложет?

– Ты как будто отсутствуешь, – говорил Игнат. – Витаешь где-то далеко отсюда. Проснись! Улыбнись хотя бы.

Лина чувствовала себя коконом, из которого еще не вылупилась бабочка. Ее прекрасные крылья пока не развернулись, не подняли над землей и не понесли к счастью... Она искала в себе ростки любви, но ее сердце билось ровно, чуждое блаженной истомы.

Молчаливое соперничество превратило бывших друзей в затаенных врагов. Ни один, ни другой не собирались уступить.

«Чем я им приглянулась? – гадала Лина, придирчиво рассматривая себя в зеркале. – Лицо обычное.

Фигура, правда, ничего – стройная, подтянутая, гибкая. Волосы пышные, собранные в пучок на затылке. Не модно, зато мне идет!»

Коктебельские камешки... они снились ей часто. Серый мрамор, малахит в причудливых прожилках, пестрые агаты, яшмы, халцедоны, сердолики, выброшенные на берег штормовой волной. Они ласкали глаз, их приятно было перебирать, пересыпать из ладони в ладонь. Иногда ей даже попадались обкатанные морем кусочки горного хрусталя.

Лина могла часами сидеть на берегу, собирать камни и... разговаривать с ними. Было что-то магическое в этих немых свидетелях подводных извержений, вздыбивших до небес пласты земной коры.

Хозяин, у которого она снимала комнату, рассказывал о пещерах Кара-Дага, к которым можно было подобраться только с моря, – его сын с другом нашли там обломки старого сундука и горсть серебряных монет.

Лина попросила ребят отвезти ее на лодке в Сердоликовую бухту. Там у нее захватило дух от величия открывшегося зрелища – две скалы смыкались, образуя арку, за которой плескалось море. В самой бухте вода блестела, как зеркало. В ней отражались скалы. Под аркой каждый звук превращался эхом в оглушительный грохот.

– Если подняться выше по ущелью, можно найти старое жерло вулкана, – сказал сын хозяина. – Мы пробовали. Ничего не вышло. Слишком крутые склоны.

– Я не умею карабкаться по горам, – с сожалением вздохнула Лина. – Да и обуви подходящей нет. Давайте пристанем к берегу.

Она прыгнула на разноцветную гальку и задрала голову. На скалах виднелись жилки розового агата, бархатно-зеленый халцедон, еще какие-то кристаллики посверкивали в солнечных лучах. На высоте гранитные утесы упирались в облака. Каменное безмолвие наводило жуть...

– А можно туда забраться? – Она показала на разветвление красноватых прожилок сердолика.

– Опасно. Без страховки лучше не лезть.

– Понятно, – кивнула Лина. – Я тут внизу поброжу. Вдруг отыщу пиратский клад?

– Насчет пиратов не знаю, а контрабандисты прятали в здешних пещерах и гротах свой товар и вырученные деньги. Можно и на покойников наткнуться.

– Не пугайтесь, – улыбнулся сын хозяина. – Мой друг шутит. Какие покойники? Разве что выбеленные и высушенные кости.

Лине стало не по себе, но она не поддала виду. Прикрепила к поясу острый молоток для отбивания камня, фляжку с водой и двинулась налево.

– Вас ждать? – спросили ребята.

– Не надо. Плывите домой, а меня заберете после обеда.

Раскаленные скалы дышали жаром. Солнце с самого утра палило нещадно. На воде качались бакланы. Лина остро позавидовала птицам. Захотелось искупаться – погрузиться в нежную голубизну моря, медленно поплыть, наслаждаясь прохладой...

– Не затем ты сюда приехала, – оборвала она себя.

* * *

Игнат и Артем познакомилась с Линой в баре, куда молодые люди зашли скоротать свободный вечер. Одинокая девушка за столиком привлекла их внимание.

Мало ли им приходилось видеть одиноких девушек? В кафе, на скамейках парков, на дискотеках – да где угодно. Но почему-то именно к этой захотелось подойти. Как будто кто-то невидимый подтолкнул их сделать роковой шаг.

– Гляди, девчонка грустит, – шепнул другу Сафонов. – Волосы, кажется, натуральные, лицо без краски. Загорелая. Провинциалка, что ли? Бар не из дешевых. Какой ветер ее сюда занес?

– Познакомимся?

Друзья заказали коньяк, кофе, шоколадный десерт и подсади к «провинциалке». На проверку девушка оказалась коренной москвичкой, разговаривала спокойно, вежливо, без жаргонных словечек, не смущалась, не жеманилась.

– Я туфли новые надела, – призналась она. – Ноги болят, сил нет. Решила посидеть, отдохнуть.

Они, как по команде, взглянули под стол. Девушка была босиком, туфли стояли рядом. Модельные, из натуральной кожи. При кажущейся простоте одежда девушки была из фирменных магазинов – отметил Артем. Он знал в этом толк.

– Вы работаете или учитесь?

– Работаю, – вздохнула она. – Реставратором произведений живописи. У меня своя мастерская, от мамы осталась. Жалко, что далеко от дома. Заказов много. Приходится иногда оставаться ночевать прямо на рабочем месте.

Она выглядела моложе своих лет благодаря непосредственности, открытому выражению лица, отсутствию косметики и какой-то школьной прическе.

Заговорили об искусстве.

– Я бы больше хотела работать с хрусталем, но папа воспротивился, – посетовала Лина. – Мол, не женское это дело. Ты бы еще в стеклодувы пошла! А я обожаю стеклянные и хрустальные вещи. Мама любила фарфор... Мы с ней были очень близки. Она умерла.

Девушка замолчала. Ее серые прозрачные глаза подернулись слезами.

Артем погрузился. Он тоже год назад лишился отца. Так глупо все получилось.

За соседним столиком пировала шумная компания. Бармен включил музыку. Лина немного оживилась, повеселела.

Игнат никак не мог избавиться от непонятного беспокойства. Его что-то тревожило, раздражало. Подвыпившие парни слишком громко смеялись. Безвкусная музыка навязывала примитивный, назойливый ритм.

– А не поехать ли нам в другое местечко, потише и поуютнее? – предложил он. – Я не прочь продолжить знакомство.

Лина улыбнулась и... отказалась. Она устала и хочет домой, спать.

– Завтра встать рано.

Друзья вызвали такси, проводили девушку до машины и вернулись допивать коньяк.

– Странная девица, – выразил свое мнение Артем. – Реставратор! Не красится. Чудно как-то! Интересно, она вправду *такая* или притворяется?

– Зачем ей притворяться?

– Чтобы произвести впечатление. Особый прием флирта с мужчинами. Оригинальничает.

– Я не заметил никакого кокетства. По-моему, ей все равно, понравилась она нам или нет. А вот ты как-то не в меру возбужден.

– Но телефончик ты у нее выпросил!

Артем подтрунивал над другом, тот привык и не обижался. Они выпили еще по рюмочке.

– Ты же в барах с девушками не знакомишься, – беззлобно огрызнулся Игнат. – И на улице тоже. Не романтично-де, тривиально, пошло. Что вдруг изменил своему кодексу?

– Сам не пойму. Есть в этой девице какая-то изюминка. Вроде бы и внешность у нее обыкновенная, и лоска никакого, и профессия никудышная. А глаза умные, волосы красивые... ведет себя естественно. Говорить с ней приятно, смотреть на нее приятно.

Игнат только кивал. Лина была в его вкусе: ничего общего с пресловутыми «моделями», надменными полусветскими барышнями, напористыми бизнес-леди. Он устал от заученных фраз, грубой фальши и наигранных улыбок. Ему надоело быть объектом охоты.

Но, если быть до конца честным, он не мог объяснить, почему его влекло к Лине.

На следующий день Игнат позвонил ей и пригласил в кино.

– А ваш друг тоже... предлагал посидеть в кафе, – сказала она. – Вынуждена вас обоих огорчить. Я очень занята всю неделю.

Она не горела желанием встречаться ни с одним, ни с другим. Казалось, ей было не до них, вообще не до мужчин. Ее занимало что-то другое.

– А она, случайно, не того? Не по бабам? – не выдержал Артем.

– Непохоже.

Однажды Лина все же приняла приглашение Игната, и они сходили на выставку изделий из стекла. Барышня восхищалась, а молодой человек был счастлив, что сумел хоть чем-то заинтересовать ее.

Артем тут же купил билеты на премьеру в модном театре. Он не ходил в театр с тех пор, как закончил школу. Лина милостиво позволила повести себя на спектакль, но от комментариев воздержалась.

– Не угодил? – огорчился он.

– Я не люблю театр, – сказала она. – Много нарочитости, умничанья. Все равно что слушать придуманных птиц в придуманном лесу.

– А не пойти ли нам на природу? – не растерялся Артем. – Не устроить ли пикник?

Встречи с Линой превратились для друзей в своеобразный вид спорта. Кто кого. Кому удастся выманить ее из дому или из мастерской, сводить в ресторан, на экскурсию, в ночной клуб. Они втягивались

в эту игру, в это неосознанное состязание двух самцов. Как будто заключили негласное пари: кто сумеет завоевать расположение девушки, влюбить ее в себя? Лина же словно чувствовала подвох и умело избегала расставленных сетей, оставалась недосягаемой. То есть она принимала подарки, цветы, соглашалась прогуляться, съездить за город, шутила, смеялась, с удовольствием ела, когда ее угощали, но по-дружески, без намека на что-то большее. Любые попытки склонить ее к любовной игре, к интимности раз за разом проваливались.

Чем дальше, тем сильнее эта странная забава разжигала друзей-соперников.

– Очень хитрая мышка нам попалась, – однажды вырвалось у Игната. – Тебе не кажется, что она водит нас за нос? И не только она.

Артему казалось. Он не решался признаться.

– А кто еще?

– Черт, дьявол... сам не знаю! – взорвался Игнат. – Слышал выражение «Бес попутал»?

– Слышал...

– Так это про нас с тобой!

Весной противостояние получило новый толчок. Синее небо, солнце, освобожденные от снега тротуары, цветки мать-и-мачехи на оттаявшей земле, клейкие почки, свежий запах берез, первые подснежники, лиловая сон-трава, радостная суeta синичек, грачи на деревьях – всё кружило голову, томило, мучило, лишало сна.

В венах бродил хмель. Запах цветущих садов врывается в окна. По ночам в лунном свете плясали феи, заглядывались на загадочный мир людей.

Люди же, пьяные от весеннего воздуха, были готовы на безумства...

* * *

Смерть отца и последовавшая за ней нервная болезнь матери наложили *табу* на все, что послужило причиной трагедии в семье Сафоновых.

Но Артем нет-нет, да возвращался мыслями к тому злополучному утру, когда разразился скандал между родителями... Он привык думать, что в охлаждении супругов был виноват отец. По крайней мере, внешне это выглядело именно так. Тот непонятный разговор открыл Артему глаза, заставил посмотреть на семейную драму под другим углом.

Что он застал в то утро, вернувшись домой с собакой? Сцену ревности? Отец явно обвинял, а мама оправдывалась, защищалась. Видимо, отец полез искать гвозди и случайно наткнулся на то, что от него прятали. После ремонта вещи находились в самых непредсказуемых местах. Кольцо! Откуда оно появилось в их доме?

Артем никогда не видел этого кольца, женского и по виду, и по размеру. После долгих колебаний молодой человек втихаря отнес его в ломбард, показал знакомому специалисту.

– Старинная вещица, – заключил эксперт. – Сделанная на заказ больше века назад. А может, и раньше. Похоже, именная. Видишь буковку В, украшенную бриллиантами? Довольно крупными, кстати. И вот эти мелкие камешки – тоже бриллианты. В целом, учитывая количество и огранку камней, тянет на кругленькую сумму. Хочешь заложить? Не советую. Лучше продай. Я подыщу покупателя.

Артема слова специалиста поразили. Кольцо не выглядело дорогим – эмаль кое-где поцарапана, камешки тусклые.

– Удивлен? – усмехнулся знакомый. – Люди часто приносят вещи, не подозревая об их настоящей цене. На этом стоим. Но тебя я обманывать не собираюсь. Говорю, как есть. Колечко почистить надо, обработать специальным раствором, привести в порядок, и оно засверкает, приобретет товарный вид.

– Продавать не буду.

– Ну, как знаешь. Надумаешь, приходи. Помогу.

Артем вышел из ломбарда в полном замешательстве. Откуда у мамы это кольцо? Впрочем, она все отрицала. Прикидывалась, что видит его первый раз. А если она говорила правду? Отец ей не поверил. Значит, у него имелись на то основания? Он был выдержанным человеком, даже голоса без причины не повышал. А чтобы он набросился на женщину с кулаками? Уму непостижимо.

И все же Артем сам едва не оказался свидетелем рукоприкладства. Не войди он тогда в кухню, не случись у отца сердечного приступа, он бы ударил маму. За что? Почему? Из ревности? Но ведь за столько лет он ни разу не позволил себе ничего подобного. Родители – в общем-то, интеллигентные, деликатные люди – тщательно скрывали от сына причину своих конфликтов. Но шила в мешке не утаишь. По обрывкам

разговоров, по маминым заплаканным глазам, по долгому отсутствию отца, его сухости в проявлении чувств мальчик догадывался о неладах в семье.

Валентина Сафонова любила супруга без памяти – все ему прощала, всегда ждала, боготворила, заботилась о нем, пылинки сдувала. Его смерть повергла ее в шок, который сменился тяжелой депрессией. Она как будто забыла о том, из-за чего все случилось, – не заговаривала ни о той последней ссоре, ни о кольце. Артем не спрашивал, старался по возможности ограждать маму от болезненных воспоминаний.

Как-то по прошествии полугода Артем застал ее на кухне. Она сидела, подперев рукой щеку, с остановившимися горящими глазами.

– Давай сделаем перестановку, сынок, – отрывисто, резко произнесла вдруг она. – Передвинем все эти шкафчики, перенесем мойку поближе к окну. Надо что-то менять. Мне доктора посоветовали.

– К мойке подведены трубы, – терпеливо объяснял Артем. – Мебель проще поменять в твоей комнате. Хочешь, купим новый гарнитур?

Мама сразу замолчала, поникла.

– Прости. Я тебя расстроил?

– Нет, – встрепенулась она. – Нет! А... кто здесь убирал... тогда... после...

Каждое слово давалось ей с трудом.

«После смерти отца, – догадался Артем. – Она хочет знать, где кольцо. Похоже, память начинает просыпаться».

– Я сам здесь навел порядок, – улыбнулся он. – Не волнуйся.

Лицо матери покрыла мертвенная бледность, губы задрожали.

– А... ты... ничего не находил?

– Гвозди. Много рассыпавшихся гвоздей, шурупов... гаек...

– И... все?

У него язык не поворачивался сказать о кольце.

– Кажется, термос валялся... разбитый. И несколько чашек.

Мать не сводила с него напряженных блестящих глаз. Ждала. Артем не рискнул затронуть страшную тему. В другой раз. Человеческая психика требует бережного обращения.

Все как будто успокоилось. Мама больше не задавала вопросов, не заговаривала о перестановке мебели, и Артем вздохнул с облегчением.

Но весна, как известно, обостряет не только любовное томление, но и недуги – телесные и душевные. Когда деревья покрылись нежной листвой, а на клумбах зацвела примула, мама Артема взялась за генеральную уборку: мыла окна, вытирала пыль, выметала паутину из самых укромных уголков, перебирала вещи в шкафах, делала ревизию содержимого всех ящиков и ящичков. Добралась и до антресолей. Уборка длилась, длилась и длилась...

Такое чрезмерное усердие подсказало Артему, что она ищет. Он похвалил себя за предусмотрительность. Кольцо давно перекочевало из квартиры в его служебный сейф. Так будет безопаснее для него и для мамы.

По мере того как в доме оставалось все меньше необследованных уголков и закутков, мама впадала в уныние. Наконец она отчаялась и прекратила поиски.

Артем чувствовал – время для откровений еще не пришло.

* * *

– Как ты думаешь, что ей нужно? – спрашивал Игнат. – Она нас дразнит. Зачем? Хочет столкнуться лбами?

Они с Артемом сидели в открытом кафе, пили пиво.

– Оставь ее.

– Тебе, да? – нахмурился Игнат. – Хочешь стать победителем? Выиграть пари?

– Разве оно было?

– В некотором роде. Мы скучали, решили позабавиться... А теперь забавляется она.

– Найди себе другую девушку.

Оба понимали, что отношения с Линой приобрели болезненный оттенок. Обида, недоумение, беспомощность попыток перевести дружбу в иное русло, добиться более тесной близости смущали молодых людей. Они привыкли, что девушки сами вешаются на шею, готовы на все, лишь бы завязать любовную интрижку. И поведение Лины ставило их в тупик. Казалось бы, чего проще – забыть ее телефон, вычеркнуть

из памяти имя, и дело с концом!

Попеременно – то один, то другой – пробовали пойти по этому легкому пути. Не получалось. А теперь еще и весна... Сбросить наваждение, навеянное образом Лины – молодой женщины со странным характером, – оказалось невыполнимой задачей.

– Я ей час назад звонил, – признался Игнат. – Приглашал пообедать вместе. Отказала. Занята, мол. Суббота же! По-моему, к тебе она благосклоннее.

Артем отвел глаза. Сегодня Лина едет на кладбище к матери, и он напросился в провожатые. Не лучшее место для свидания, но он был рад и этому. У него зрел план, как поразить ее воображение, – ведь все обычные способы ухаживания он уже испробовал.

– У меня машина, – уговаривал он девушку. – Зачем тебе трястись в автобусе?

Лина колебалась. Артем положил на чашу весов еще один аргумент.

– Одна ты провозишься допоздна, там ведь убрать нужно, покрасить что-нибудь.

– Скамеечку, – согласилась она. – Ладно, убедил.

Они добрались до места за час. Всю дорогу Лина молчала, слушала музыку. Артем поставил диск с Бахом, Генделем, Моцартом – сообразно моменту. Она никак не выразила своего отношения к этому.

На кладбище было тихо и зелено. Пели птицы. Усыпанная песком дорожка привела их к скромному мраморному надгробию с выбитой надписью: «Ирина Ярцева». Артем достал банку с краской, кисточку и принялся за работу. Лина поставила в железную вазу белые гвоздики.

– От чего умерла твоя мама? – осмелился спросить он. – Болела?

– Она разбилась. Упала со скалы в Коктебеле. Был там когда-нибудь?

Артем покачал головой:

– Нет. Я в Ялту ездил, в Алушту. В Сочи был два раза.

– Мама любила Кара-Даг, просто болела им – ездила только туда, исходила все вдоль и поперек. Она брала лодку и плавала вдоль стен Кара-Дага, любовалась бухточками и пещерами, жилами застывшей лавы. В тот день, когда она не вернулась, вдруг поднялся сильный ветер. Никто не знает, как она погибла. Ее ждали до темноты, звали, искали... Потом вызвали спасателей. Тело обнаружили через несколько дней в Сердоликовой бухте. Его прибило волнами...

– Твой отец отпускал ее одну?

– Он биолог, ученый, который не променяет свой микроскоп на горы. Папа любит рыбалку, подмосковные речушки, Селигер, а мама терпеть не могла сидеть с удочкой. Они отдыхали порознь, как кому по душе.

– А тебя она с собой брала?

– Раз или два, в детстве. Горы вызывали у меня страх, какое-то предчувствие беды. Мама привозила из Коктебеля коллекции камешков, научила меня разбираться в минералах. Если бы она не была художником, стала бы геологом. – Лина тяжело вздохнула. – Я побывала на месте ее гибели... надеялась, что Сердоликовая бухта откроет мне свою тайну. Но камни не умеют говорить.

Артем ломал голову, как перейти к тому, что он собирался сделать.

«Скажу в машине, – решил он. – На обратном пути».

Когда они выехали на шоссе, пошел дождь. Крупные капли барабанили по стеклу, асфальт стал мокрым, скользким. Из-под колес проезжающих автомобилей летели брызги.

– Не гони, – сказала Лина.

– Ты веришь в судьбу? – спросил он, не сбавляя скорости. – В то, что люди встречаются не случайно?

Она посмотрела на него с недоумением.

– У нас есть семейная реликвия, – брякнул он. – Которая передается из поколения в поколение. Старинное кольцо! Когда мужчина хочет жениться на какой-нибудь женщине, он должен надеть это кольцо ей на палец. Кольцо подойдет по размеру только его истинной избраннице.

– Как хрустальный башмачок? – хихикнула Лина. – В сказке про Золушку?

– Вроде того. Так вот... я взял его с собой. Хочешь примерить? Такого кольца ты еще не видела.

Ее глаза стали большими, как озера. Они смеялись.

– Ты... делаешь мне предложение?

Вместо ответа он полез в карман, достал кольцо и, не разжимая ладони, протянул Лине.

– Да или нет?

– А если оно окажется мне велико... или мало?

– Давай проверим?

Он разжал ладонь, и Лина уставилась на кольцо. У нее вырвался сдавленный стон...

* * *

– Что ты делаешь? – крикнул Артем, выравнивая машину.

Лина схватилась за руль и сильно дернула к себе. Он не мог отцепить ее пальцы.

– Откуда у тебя это кольцо? – прокричала она ему в ухо. – Где ты его взял?

– Дома. Отпусти, сумасшедшая! Мы же разобьемся!

– Где ты взял кольцо?!

– Это реликвия...

Она снова дернула руль, и машину занесло. Казалось, Лина не дорожила ни своей, ни его жизнью.

– Не знаю, откуда оно у нас! – выпалил Артем, покрываясь испариной. Еще мгновение, и машина слетела бы на обочину. – Отпусти руль... дура! Клянусь, я не знаю, что это за чертово кольцо! Клянусь тебе!

Лина чуть ослабила хватку и перестала дергать руль.

– Ты убийца... – выдохнула она. – Убийца.

Он сбросил скорость, выбирая, куда бы съехать с дороги. Руки дрожали, в горле пересохло.

– Убийца... – твердила она. По ее лицу текли слезы.

– Хватит уже! Ты чуть не отправила нас на тот свет!

Артем притормозил, остановился на ровной площадке, заросшей одуванчиками.

– Это кольцо моей матери, – непослушными губами вымолвила Лина. – Она никогда его не снимала.

Это наше фамильное кольцо...

– Ты бредишь? На нем буква В! А твоя мать, кажется, Ярцева... И звали ее Ирина.

– «В» относится не к имени, а к фамилии. Воронцовы – знаменитый дворянский род. Девичья фамилия мамы – Воронцова. Понимаешь ты или нет? Когда нашли ее тело, кольца на пальце не было.

До Артема плохо доходили ее слова.

– Его могло волной смыть... кто-то мог снять...

– Папа был вместе со спасателями, которые подобрали тело в бухте ранним утром. Подойти к берегу в том месте можно только с моря.

– Ну и что? Рыбаки какие-нибудь увидели человека, подплыли и сняли кольцо. – Он говорил ерунду и сам это понимал. – Или твоя мама в тот день забыла его надеть. Оставила в гостинице, например. Где она жила? Снимала комнату?

– Как оно к вам попало?

– Ты уверена, что это *то самое* кольцо?

– Уверена. Оно было сделано в единственном экземпляре. Так мама говорила.

Артему ничего не оставалось, как рассказать, при каких обстоятельствах кольцо попало к нему в руки.

* * *

Сначала они перерыли квартиру Лины, потом поехали в мастерскую. Артем молча выполнял ее приказания. Его голова была пуста – ни одной стоящей мысли.

Кольцо Лина надела на безымянный палец: оно подошло идеально. Но Артем уже забыл, какой смысл вкладывал в сей факт.

– Что мы ищем? – спросил он.

– Письма... фотографии...

– Какие письма?

– Если бы я знала!

В мастерской они методично перебрали все, обыскали каждую пядь небольшого пространства – перерыли шкафы и шкафчики, ящики, комод, коробки. Лина опустила руки.

На комодке стояла любимая мамина фотография в рамке – она на коктебельском пляже, на фоне гор смеется.

За окнами стемнело. Артем сидел на потертом кожаном диване опустошенный, подавленный.

– Может быть, кольцо потерял кто-то из рабочих, которые делали у нас ремонт? – предположил он. – Упало в коробку с гвоздями и...

– Ты в это веришь?

– Думаешь, твою маму убили из-за кольца? Зачем она повсюду носила такую дорогую вещь?

– Никто не догадывался, сколько оно стоит. Даже я, – вздохнула Лина. – Кольцо казалось обычным.

Она нарочно не чистила камешки.

Ее взгляд рассеянно блуждал по мастерской.

– Если бы мама что-то прятала, то не дома, а здесь.

– Что она могла прятать?

Внезапно Лина вскочила, схватила коктейльную фотографию, вытащила из рамки... и с торжествующим криком подозвала Артема:

– Смотри! Я нашла...

Под снимком оказался еще один – мужчина и женщина, обнявшись, стоят на большом камне.

– Это мама... а это кто?

В мужчине Артем без труда узнал своего отца. Он смотрел не в объектив, а на Ирину Ярцеву – с такой бесконечной любовью, с таким обожанием, с каким ни разу в жизни не смотрел на собственную жену...

* * *

– Да, я убила их обоих, – едва взглянув на фотографию, призналась мать Артема. – Сначала ее, потом его. Я больше не могла этого выносить! Он думал, я ни о чем не догадываюсь. А я знала все. Я их выследила. Год за годом я терпела, но всему приходит конец. Даже терпению любящей женщины...

Я стала тенью этой его Ирины, изучила ее привычки. Куда она ходит, куда ездит, где проводит отпуск, когда, с кем. Я долго думала, как мне убить ее... долго все прикидывала, рассчитывала. Коктейль оказался подходящим местом. Ирина любила бродить по Кара-Дагу одна... эта страсть и погубила ее. Я стукнула ее камнем по голове, потом подтащила к обрыву и сбросила вниз... она ударилась о каменный выступ... и упала в море.

Лицо женщины казалось застывшей маской. Будто она говорила не о себе, а о ком-то другом.

– А кольцо? – спросил Артем. – Зачем ты его взяла?

– Кольцо-о... – нараспев повторила больная. – Я мечтала, как покажу его мужу... расскажу, что сделала с его любовницей. Но я... так сильно любила его... что все не решалась причинить ему боль. Он сам... наказал себя! Я спрятала кольцо... а он полез за гвоздями, уронил термос... Это убило его! Помнишь наш старый термос, Тема? – посмотрела она на сына. – Мы брали его на речку. Папа любил крепкий чай. Потом колба треснула...

– Ты хранила кольцо в термосе?

Но она уже ничего не слышала, уплывая в свою собственную тихую бухточку, куда нельзя было попасть ни с моря, ни с суши.

– Она больна, – сказал Артем Лине. – Ее нельзя судить.

* * *

Той же весной Лина стала невестой Игната.

После того, как она все узнала, ей стало легче. Сердце оттаяло, пробудилось для чувств.

Фамильное кольцо нашло пристанище в деревянном ящике, где мама держала коктейльные камешки.

«Оно не принесет мне счастья, – подумала Лина. – Маме не принесло. Я думала, у них с отцом любовь... Он в ней души не чаял. А она всю жизнь изменяла ему, встречалась с другим мужчиной».

Конец мая выдался теплым, солнечным, ясным. Все цвело. Папа привез Лине из Канады прелестное подвенечное платье.

– Знаешь, – сказал он ей за свадебным столом, когда Игнат вышел покурить. – У меня был друг, который тоже любил твою маму. Но она выбрала меня.

Лину бросило в жар. Она встала, открыла окно. Сумерки обдали ее ароматом сирени. Между деревьями, в лунной дымке маячил силуэт мужчины... Он поднял голову и помахал ей рукой. Лина отшатнулась, побледнела.

– Что с тобой? – испугался отец. – Дурно? Это от шампанского.